

Борис Титов

МАНИПУЛЯТОР

Психологический триллер

16+

Борис Александрович Титов

Манипулятор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693194

SelfPub; 2019

Аннотация

Герой, а вернее, антигерой психологического триллера «Манипулятор» – талантливый психолог, мастер манипулирования сознанием и поведением человека. Внося сумятицу в повседневную жизнь героини повести, попавшей в отчаянную жизненную коллизию, он заставил поверить в него, внушил свою значимость, убедил в необходимости слепо следовать за ним и подвел к решению уйти от мужа в надежде сделать ее своей женой. Но можно ли заставить любить, или это неподвластно даже виртуозу манипулирования?

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.

Я, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай — не круги во дворце мироздания,

Ад и рай — это две половины души.

Омар Хайям

На пустынном пляже в полуразбитой рыбацкой лодке сторбившись сидел молодой мужчина. Вся его поза выражала отчаяние и глубокую безнадежность. Разгулялась непогода – на берег с ревом и остервенением набрасывались мощные океанские волны. Казалось, что сама природа прониклась мрачным настроением одиноко сидящего человека. Мир заполнился пронзительной пустотой, краски поблекли, звуки стали глухими, лица застыли неподвижными масками, и только одно лишь солнце, пытавшееся пробиться сквозь сжимающееся кольцо окружающих его туч, тускло светило на горизонте, напоминая о бесконечности жизни.

Мамы не стало, и жизнь потеряла всякий смысл. С ее уходом он впал в совершеннейшую апатию, и ничто не могло вывести его из этого состояния.

«Господи, за что? За что Ты забрал ее у меня? Разве Ты не видишь, как мне одиноко и плохо без нее?»

Он с ужасом подумал о варварском обычае умерщвления своих родителей во многих древних цивилизациях. В Греции одряхлевших стариков сбрасывали со скал, на Руси немощных родителей отправляли в глухой лес на поги-

бель, а в бюрократизированном Китае в семьи, где были старики, чиновники присылали конверты с шелковыми шнурами, которые дети должны были затянуть на шее «лишних ртов». Странно, но у японцев обычай «убасутэ», что означает «отказ от старухи», существовал вплоть до XIX века.

Какая возмутительно дикая традиция! Никакие обстоятельства не смогли бы заставить его ускорить смерть матери. Наоборот, он не колеблясь отдал бы свою никчемную, никому, кроме нее, не нужную жизнь, лишь бы она жила долго и счастливо!

Мама заполняла всю его жизнь, была ее смыслом. Тоска по ней изматывала его. В его жизни не было ничего, что помогло бы пережить ее потерю. Из него словно вынули бóльшую часть души, а на этом месте образовалась незаживающая кровоточащая рана.

Никогда он уже не ощутит тепло ее ласковых рук, не увидит милой, доброй улыбки, не услышит искренних слов одобрения и поддержки, которые она произносила с выражением бесконечной любви к сыну и гордости за него. Теперь никто не прижмет его голову к своей груди в минуты отчаяния, никто не приласкает его так, как могла это сделать лишь одна она, никто с неподдельным интересом не станет расспрашивать его о том, как прошел день, как обстоят дела на работе...

Он всегда рассказывал матери о сложных случаях из своей практики, а она, с нежностью глядя на него, внимательно

слушала и говорила: «Какой же ты у меня, Сереженька, умница! Я уверена, что ты сможешь этим людям найти выход из сложившейся ситуации». И он, окрыленный верой мамы в него, с утроенной энергией и энтузиазмом помогал своим клиентам справляться с проблемами.

***

Лена (так звали его мать) была родом из небольшого городка на побережье Балтийского моря. В юности ее отец служил в НКВД – впрочем, недолго. В конце сороковых его арестовали по ложному обвинению и приговорили к десяти годам лагерей. После смерти Сталина отца освободили и реабилитировали. Но вернуться на службу ему не позволили.

– Нужен был – тигром сделали, нужда прошла – в мышь превратили, — с горечью говорил отец.

Человеком он был жестким, если не сказать жестоким, что, впрочем, совсем неудивительно – при такой-то работе... Его жена, будучи от природы женщиной кроткой, боялась мужа до обморока. Все приказания мужа – а никаким иным образом он с ней и не общался – женщина выполняла мгновенно и беспрекословно.

Леночка была поздним ребенком, но отнюдь не балованным. Ее воспитанием занимался исключительно отец, с помощью нотаций старавшийся внедрить в ее сознание собственные представления о том, что такое хорошо и что такое

плохо, а также что должна и что не должна делать хорошая девочка. Мать лишь изредка, да и то украдкой, могла приласкать дочь. Зато жившая неподалеку бабушка, не слишком жаловавшая зятя, но нежно любившая внучку, с лихвой компенсировала ей недостаток тепла в семье. Лена забегала к ней при каждом удобном случае и только «бабулечке» поверяла свои секреты. Девочка не доставляла родителям особых проблем и была в классе одной из первых учениц. Окончив школу с золотой медалью, Лена заявила отцу, что поедет в Ленинград – поступать в педагогический институт. Отец, который и мысли не допускал, что его дочь когда-нибудь покинет дом, пришел в ярость. Все должно было идти по разработанному им плану: она окончит местный институт, потом он выдаст ее замуж за порядочного, хорошо обеспеченного, солидного человека и они родят ему парочку внуков, которых он тоже научит правильно жить. И вдруг — на тебе, Ленинград, огромный город, полный опасностей и соблазнов для юной невинной девушки... Нет, нет и еще раз нет! Вот тут-то и нашла коса на камень. Выяснилось, что при всей хрупкости и внешней покладистости характером Леночка пошла в отца, а он у него был стальным. После многодневных уговоров, криков, споров и угроз девушке все-таки удалось настоять на своем, и она отправилась в Северную столицу. Лена с легкостью сдала полагавшийся ей, как обладательнице золотой медали, единственный экзамен и получила заветный студенческий билет.

***

История его рождения была печальной. В детстве мама, катаясь на санках, провалилась под лед Балтийского моря, жестоко застудилась и, по прогнозам врачей, не должна была иметь детей.

На первом курсе учебы у мамы завязался роман с однокурсником, и к концу обучения произошло чудо – она забеременела. Молодой человек, знавший о ее проблеме и клявшийся в любви, отреагировал на создавшуюся ситуацию омерзительным образом.

– Теперь, — без тени смущения сказал он, — когда ты знаешь, что способна иметь детей, сделай аборт – сейчас я к отцовству не готов. Мы окончим институт, поженимся, встанем на ноги, и тогда все пойдет своим чередом.

Эти слова обожгли маму адским пламенем. Здесь, на земле, пусть даже грешной, такого коварства быть не могло. «Впрочем, это и есть наказание за мою легкомысленность», — подумала она, но собралась и ответила:

– А с чего это ты взял, что я намереваюсь выходить за тебя замуж? Да и ребенок не от тебя. От тебя я два года не могла забеременеть, — повернулась и, как сомнамбула, удалилась в пустоту.

Два дня Лена бессмысленно блуждала по городу, не желая ни с кем обсуждать случившееся. Собравшись с духом, она

поехала к родителям и рассказала им свою историю. Воцарилась гнетущая тишина. Потом раздались тихие всхлипывания матери.

— Я надеюсь, что тот, кто тебя обрюхатил, собирается на тебе жениться? — из последних сил сдерживая готовый выплеснуться наружу гнев, сдавленным голосом спросил отец.

— Насколько мне известно, нет, — с вызовом ответила Лена. — Да даже если бы он умолял меня, я бы все равно за него не вышла!

— Ах, значит, вот оно как...

Отец встал из-за стола и со словами: «Ты опозорила нас, и теперь ты нам больше не дочь!» распахнул дверь в темный и затхлый подъезд.

На улице ее нагнала мать, сунула в руки деньги и, словно боясь, что их кто-то может подслушать, шепнула на ухо: «Иди к бабушке, я ей позвоню».

Лена еще долго бродила по маленькому приморскому городку и, когда небо начало чернеть и сквозь образовавшуюся темень стали прорезаться звезды, позвонила в бабушкину квартиру. Дверь тут же отворилась, и к ней навстречу бросилась сухонькая старушка.

— Господи, я уже вся извелась, уж и не знаю, что думать, куда бежать! Да заходи же ты, раздевайся, холодная как ледышка, пойдем, попьем горячего чаю. А может, в ванную? Продрогла ведь как!

Лена обняла бабушку и первый раз за эти предательские

дни заплакала.

— Плачь, милая, плачь, выплечешь свое горюшко — и полегчает, — приговаривала бабушка, целуя ее в залитое слезами лицо.

По окончании института Лена устроилась воспитательницей в интернат, где вместе с работой ей предоставили служебную жилплощадь. Жизнь родившегося здесь Сережи мало чем отличалась от унылого существования интернатских детей. Все они пребывали в тоскливом ожидании мамы и папы. Мама у Сережи была, а вот ожиданием папы он «заразился» у интернатских детей и вместе со всеми тайно надеялся, что и его отец найдется.

***

Спустя несколько лет мать и сын получили небольшую квартирку на окраине города, и Лена наконец-то смогла начать работать по специальности — преподавать историю. Свой предмет она знала блестяще, излагала его доступно и увлекательно, была строга, но справедлива и по этим причинам пользовалась у своих учеников авторитетом и уважением.

Лена никогда и ничего не рассказывала Сергею о его отце, да и рассказывать, в сущности, было нечего. Отношений с мужчинами она не заводила. И вовсе не потому, что боялась их или испытывала к ним отвращение, а потому, что ей

просто не было до них дела. Всю себя без остатка Лена отдавала сыну и работе. Причем Сережа всегда и безоговорочно был на первом месте. Без памяти любя сына, она вкладывала в его воспитание всю душу, стремясь вырастить из него образованного и в высшей степени достойного человека. Лена никогда его не наказывала, предпочитая проводить с ним так называемые беседы, которые по форме и содержанию очень напоминали нотации ее собственного отца: «Твоя задача – сформировать свой характер, характер неустрашимый, целеустремленный, правдивый и трудолюбивый. На этих основных качествах развивается личность. Хочешь быть успешным и счастливым – постоянно познавай себя. Знание себя превыше всех знаний. Для того чтобы жизнь изменялась к лучшему, изменяй к лучшему себя», «Если человек имеет десять плохих качеств и одно хорошее, надо смотреть на десять плохих сквозь призму хорошего – и тогда через твою доброту и милосердие эти десять качеств озарятся светом добра и человек неизбежно станет лучше».

Несмотря на эту ее маленькую слабость, Сергей боготворил свою мать, для него она была идеальной женщиной, олицетворением доброты, кротости и самопожертвования.

Умирая от рака в возрасте пятидесяти четырех лет, Лена смиренно принимала этот последний удар судьбы. Мучаясь от жестоких болей, она находила утешение в мысли о том, что, чем сильнее она будет страдать, тем более легкую жизнь проживет ее Сереженька, ради которого она всегда была го-

това на любую жертву.

***

С самого первого класса Сергей был круглым отличником, а их, как известно, одноклассники обычно не слишком жалуют, подозревая (чаще всего безосновательно) в подхалимаже и доноситељстве. Сближению мальчика со сверстниками очень мешало еще и то обстоятельство, что его мать работала в той же школе, а это, естественно, усиливало их недоверие по отношению к нему. Так что, несмотря на неоднократные попытки, подружиться с ребятами ему так и не удалось. Правда, по тем же причинам они его не слишком-то и третировали – если и пакостничали, то исподтишка. Но после того, как Сергей подловил одного из своих обидчиков и как следует его отметелил, одноклассники оставили его в покое и даже стали проявљять к нему некое подобие уважения. Но в целом это происшествие ситуацию не изменило. К тому же мать Сергея, исповедовавшая толстовский принцип непротивления злу насилеиом, была крайне возмущена его, как она выразилась, выходкой и категорически запретила ему впредь решать проблемы подобным образом.

– Но мама, ведь не я первый начал! — пытался было возразить мальчик. — С какой стати я должен терпеть их выходки? У меня и так нет ни одного друга в классе, а теперь они хотя бы будут знать, что со мной лучше не связываться.

– Запомни, сынок: кулаки пускают в ход только люди слабые духом, не уверенные в себе и, прямо скажем, не обезображенные интеллектом. Слава богу, ты у меня совсем не такой. Поверь: пройдет время – и люди начнут ценить и уважать тебя за честность, порядочность и, конечно же, за ум и знания. И вот тогда-то у тебя и появятся настоящие друзья. Как писал великий Омар Хайям:

*Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.*

Запомни эти слова.

И Сергей запомнил и эти слова, и имя поэта. Позже он купил сборник рубаи Омара Хайяма и многие из его стихов выучил наизусть.

***

На формирование его личности значительное влияние оказал дед. И вряд ли Сергей был благодарен ему за тот след, что он оставил в его душе.

Когда Сережа родился, бабушка долго уговаривала деда смягчить свое сердце и принять дочь с внуком. Наконец он уступил, но с одним условием:

– Ребенка, так и быть, можешь брать на лето, а ее чтобы и духу здесь не было!

Так, начиная с пяти лет, почти каждый год Сережа гостил у стариков. Дед посылал за ним бабушку, которая должна была забрать внука и, ни в коем случае не задерживаясь ни на один день, вернуться обратно. Доставка внука домой осуществлялась точно таким же образом. Дед словно под микроскопом рассматривал каждое его слово, каждый жест, каждый поступок, чтобы, не дай бог, не допустить в его воспитании той оплошности, которую, как он считал, совершил в воспитании дочери. Все действия мальчика подробно анализировались и долго обсуждались в контексте возможных негативных последствий. Редкое деяние маленького Сережи соответствовало высоким требованиям деда. Неправильные, с его точки зрения, суждения пресекались в жесткой форме, за каждым проступком следовало суровое наказание. Бабушке категорически запрещалось жалеть внука и уж тем более вступаться за него.

– Истинный учитель – тот, у кого в сердце сострадание, но в руке палка, — любил повторять дед.

Сережа не всегда осознавал свою вину и подолгу плакал, глядя в окно на недружелюбное море. «Вот вырасту, построю лодку и уплыву на необитаемый остров, где меня никто не тронет», — думал он, и от этого обида с еще большей силой сдавливала горло и слезы текли ручьем.

– Дедушка, а почему наш дом называют «Домом у висе-

лицы?» — как-то спросил Сережа, вернувшись с улицы.

Дед вывел его на балкон, выходящий на небольшую, мощенную камнем площадь.

— Вон видишь красное кирпичное здание напротив? Там в стародавние времена была городская тюрьма. Когда кого-то приговаривали к смертной казни, неподалеку, ближе к нашему дому, устанавливали виселицу и при большом стечении народа вешали преступника.

— Людей что, заставляли смотреть на казнь? — удивился Сережа.

— Почему заставляли? Вовсе нет! Они приходили сами, иногда даже целыми семьями. Думаю, им приятно было осознавать, что справедливость существует и что каждое зло наказуемо. К тому же это была отличная возможность призвать детей к послушанию.

— Но им же, наверное, было страшно, — поежился Сережа.

— Кому?

— Детям.

— А как же, конечно! Но именно страх и воспитывал их. Пугающий образ виселицы врезался в память детей, укоренился в ней, предупреждал об опасности. Они начинали понимать, что если будут непослушными, будут нарушать закон — закончат свои дни в тюрьме, а то и на виселице.

Дед очень неплохо знал историю и, когда пребывал в хорошем расположении духа (что, к сожалению, случалось не

так уж и часто), рассказывал внуку немало интересного.

Наверное, он по-своему любил Сережу. При каждом удобном случае дед цитировал какой-нибудь афоризм или мудрое высказывание кого-нибудь из великих, смысл которых, по его мнению, мог помочь внуку грамотно выстроить свою жизнь и не набить лишних шишек.

Однажды, когда дети играли во дворе, кто-то разбил зеркало на мотоцикле. Поймали соседского мальчишку, а тот свалил все на Сережу.

— Никогда никому не доверяй — и никто тебя не предаст, — наставлял дед внука.

Но чаще всего его методы воспитания были жесткими, если не сказать жестокими.

Как-то после поездки на конный завод, когда переполненный впечатлениями Сережа, резво выскочив из автобуса, бросил на землю проездные билеты, дед возмутился:

— Это что еще за свинство?! Немедленно подними и выброси в урну! Как ты думаешь, для чего она здесь стоит?

Ни слова ни говоря, мальчик выполнил его приказание.

— И эти тоже подними, — ткнул дед пальцем в валявшиеся бумажки. — Вишь, разбросали! Отойдите, — обратился он к стоявшим на остановке женщинам. — Пусть этот будущий дворник наведет здесь порядок — вряд ли из этого балбеса выйдет что-то путное.

— Ну за что вы так пацаненка-то? — попыталась вступить за Сережу одна из женщин, глядя на него с жалостью и

сочувствием.

— А тебя кто спрашивает? — злобно огрызнулся дед.
— Давай топай своей дорогой!

— Вообще-то, я круглый отличник, — робко напомнил Сережа.

— Ой, да знаем мы вас, отличников! Вот твоя мать... — начал было дед и осекся — видно, понял, что сейчас наговорит лишнего. — Да хватит болтать, давай собирай! — рявкнул он на внука.

Давясь слезами гнева и обиды, Сережа молча собрал весь мусор на автобусной остановке и выбросил его в урну. В эти минуты он ненавидел деда лютой ненавистью.

Последний раз Сергей видел деда и разговаривал с ним незадолго до его смерти. Старик был уже совсем слаб и не вставал с постели.

— Я не знаю и не хочу знать, от кого твоя мать родила тебя, — начал дед, велел внуку сесть на стул возле кровати. — Знаю лишь, а точнее абсолютно уверен, что это подлый и мерзкий тип. Ты уже взрослый и не сегодня завтра женишься. И я надеюсь, что ты именно женишься, а не обрюхатишь какую-нибудь несчастную доверчивую дурочку и не бросишь ее с ребенком, который, как и ты, будет расти в убожестве и позоре. Всякий человек, а особенно мужчина, должен отвечать за свои поступки и уж тем более не имеет права обрекать свою кровинку на страдания, которые претерпел ты из-за распутства своей матери и низости отца, хотя это ничто-

жество вряд ли можно так назвать. Прошу тебя запомнить мои слова!

Слушать это Сергею было невыносимо тяжело, поскольку он боготворил свою мать и неуважительное отношение к ней воспринимал как личное оскорбление. Но он знал, что дни деда сочтены, а обидеть умирающего — большой грех. Поэтому слушал старика молча, просто давая ему выговориться. Сергею, несмотря на все то, что ему довелось претерпеть от деда в детстве, было жалко его: человек прожил жизнь, так и не научившись самому главному в ней — любить и прощать.

Дед умер через три дня после их разговора, а бабушка — незадолго до смерти мамы.

***

Профессию психолога Сергей выбрал потому, что не мог найти контакта со сверстниками. Он надеялся, что в процессе обучения научится ладить с людьми и его жизнь изменится к лучшему.

В университете от прочих студентов Сергей отличался серьезностью, целеустремленностью и эрудицией. Но поскольку он нередко позволял себе публично нелестно отзываться о преподавателях и высмеивать сокурсников за дурацкие, с его точки зрения, суждения, то очень скоро заслужил репутацию высокомерного и злобного типа. Впрочем, они ни-

когда не упускали возможности поставить его на место или сделать ему какую-нибудь гадость.

С девушками он не встречался, так как все они казались ему вульгарными и недалекими, а к тому же совсем не походили на его мать, которая была для него идеалом.

Впрочем, на втором курсе ему все же вскружила голову некая Даша. Немолодой профессор, преподававший социальную психологию, создал ей имидж идеальной девушки, и все парни выстроились в очередь с предложениями руки и сердца. По какой-то непонятной Сергею причине «опекун» свел Дашу с ним, и они стали встречаться. Целый год он дарил девушке цветы и провожал до подъезда, пока, то ли из жалости, то ли потому, что он ей до смерти надоел, поскольку дальше целования ручки при прощании дело не шло, а ей требовалось нечто большее, красотка не рассказала ему о том, что встречается с профессором на снимаемой им для любовных утех квартире, и не заявила, что только глупый теленок мог не заметить их связи. Связи этой Сергей действительно не заметил, хотя мог бы давно догадаться по издевательским репликам, бросаемым ему в спину однокурсниками. Но он предпочитал думать, что они просто ему завидуют. Мучительно переживая свое унижение, Сергей написал свой первый рассказ.

ДОЧЬ ТЬМЫ

Однажды к Вельзевулу привели молодую грешницу, дабы он решил, в какой из кругов ада ее отправить. Но она была так хороша собой, что князь тьмы оставил ее при себе, сделав своей наложницей. От этой связи родилась девочка – столь же красивая, как ее мать, и с такими же зелеными светящимися глазами, как у отца. Прошло время, она выросла и превратилась в прекрасную девушку. Она неприкаянно бродила по лабиринтам ада и чувствовала себя очень одинокой. Девушка все чаще вспоминала рассказы матери о том, как ей жилось на земле, о людях, с которыми сводила ее судьба, об их добродетелях и пороках и в какой-то момент поняла, что ей отчаянно хочется увидеть все это собственными глазами. Дочери Вельзевула не стоило большого труда уговорить отца отпустить ее, поскольку он был уверен, что еще один ловец человеческих душ на Земле не будет лишним. Перед расставанием князь тьмы на мгновение закрыл глаза девушки ладонями, и блики адского огня в них погасли. Теперь его дочь ничем не отличалась от простых смертных. Почти ничем...

По набережной южного приморского городка не спеша прогуливался молодой человек. Он приехал сюда в отпуск, остановился в местной гостинице и теперь наслаждался свободой, солнцем и дурманящим ароматом цветущей акации. Вдали возвышалась огромная гора, вдававшаяся далеко в море, словно демонстрируя ему свою мощь, и юноша решил дойти до нее, а заодно осмотреть окрестности.

Уже подходя к цели своего маленького путешествия, он увидел, как у самого ее подножья неожиданно, словно из ниоткуда, возникла стройная девичья фигура. Молодой человек решил подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть девушку, а может быть, даже познакомиться с ней, для того чтобы вместе приятно проводить время. Разумеется, при условии, что она окажется симпатичной. И тут он заметил, что девушка движется в его направлении. Они шли навстречу друг другу, пока не поравнялись. Остановившись, молодые люди встретились взглядами и несколько минут стояли молча. Они словно ожидали чего-то друг от друга. Юноша, даже если бы и захотел, не смог бы вымолвить ни слова — так его поразила ослепительная красота незнакомки. Никогда и нигде он не встречал прекраснее лица и более безупречной фигуры. Она была само совершенство! А взгляд ее зеленых, словно подернутых легкой дымкой глаз завораживал юношу и напрочь лишал его воли и способности здраво мыслить. Желая убедиться, что это не галлюцинация, он коснулся ее руки. Она была теплая и явно принадлежала человеку из плоти и крови. Заметив его жест, девушка усмехнулась.

— Как тебя зовут? — спросил он ее.

— Зови как хочешь, — ответила она. — Мне все равно.

— Я буду звать тебя Афродитой, потому что ты само совершенство, ты божественно прекрасна.

— Божественно? — переспросила она и рассмеялась.

– Божественно! — гулко отозвалось в расщелинах скал.

– Божественно, божественно! — заржало и залаяло во-
круг.

– Пойдем со мной, — сказала она и, взяв его за руку, по-
вела к горной расщелине.

Они шли долго, но никак не могли дойти до горы, кото-
рая, казалось, находилась не так уж и далеко. Время от вре-
мени девушка останавливалась, обвивала шею юноши рука-
ми и подолгу молча всматривалась в его лицо. Ему было сла-
дочно и жутко от ее взгляда. Едва он пытался что-то сказать,
как она прикладывала ладонь к его губам и вела дальше. На-
конец они достигли расщелины и стали спускаться вниз, как
вдруг она исчезла.

Юноша долго искал и звал ее, но все было напрасно. Уже
начинало темнеть, и он медленно побрел к парку, откуда до-
носились звуки музыки.

Навстречу ему с танцевальной площадки устремился люд-
ской поток, и он оказался в кругу танцующих. Круг стано-
вился то шире, то уже, вовлекая его в хоровод.

– Веселей, веселей! — слышалось вокруг. Под влиянием
неведомой силы он двигался все быстрее, и вскоре уже несся
вместе со всеми в бешеном танце.

Вдруг за его спиной прозвучал нежнейший женский го-
лос, с укором вопрошавший: «Милый, почему ты оставил
меня?» Он резко обернулся и увидел ее лицо. Юноша хотел
остановиться, но людской поток увлек его, и теперь все напе-

ребой стали спрашивать, почему он бросил ее одну в горах.

— Но где она? — отвечал он на это. — Где она?

— Я здесь, — слышалось совсем рядом, и мимо него проносились ее завораживающие глаза.

— Где ты? — закричал он.

Стоявшие рядом с ним люди, тревожно перешептываясь, стали поспешно отходить в сторону. Музыка смолкла, танцующие исчезли...

Он побрел по аллее парка, пытаясь отыскать ее в толпе прохожих. Иногда ему казалось, что она идет впереди, — тогда он догонял идущую и окликал, но та не оборачивалась, а когда он брал ее за плечи и поворачивал к себе, то оказывалось, что это была вовсе не она. Иногда ему навстречу шла группа девушек, и каждая из них казалась ему чем-то похожей на нее, и он, не решаясь подойти, долго шел следом за ними, а когда они останавливались и он снова видел их лица, то удивлялся, как мог так ошибиться.

Блуждая по парку в полном отчаянии, он вышел на поляну. Было темно, и только над скамейкой, где сидела пара влюбленных, горел фонарь.

— Вот она, — проскрипело что-то рядом с ним.

— Кто? — спросил он и обернулся.

— Твоя любимая, — прошумела береза и подтолкнула его вперед своими ветвями.

Ему показалось, что девушка, которую обнимал молодой человек, поманила его к себе.

Это была она!

Он кинулся к ней. Она ласково смотрела на него, потом медленно закрыла глаза и подставила ему губы для поцелуя.

– Любимая... — прошептал он и нежно поцеловал ее.

В то же мгновение резкая пощечина обожгла его лицо.

– Уйдем отсюда! — задыхаясь от гнева, выпалила девушка, обращаясь к своему парню. — Он, наверное, пьяный или сумасшедший.

Но тот отодвинул ее в сторону и мощным ударом кулака отправил его в нокаут.

Когда он очнулся, была уже глубокая ночь. Он встал и, преодолевая боль, побрел в гостиницу. Путь ему освещали яркие звезды летнего южного неба.

Войдя в номер, он включил свет и увидел ее, лежавшую обнаженной на кровати. Девушка молча смотрела на него призывным взглядом. Нагая, она была еще прекраснее. Безупречные линии ее тела, алебастровая кожа, ее поза — раскинутые руки, согнутые в коленях, и слегка раздвинутые ноги — пробудили в нем безудержную страсть. Он кинулся к ней, предвкушая сладостное ощущение близости. Девушка всем телом потянулась к нему, он уже успел коснуться ее кончиками пальцев, как вдруг она стала удаляться. Боясь вновь потерять ее, с отчаянным воплем он кинулся за ней. Бег был долгим и изнурительным, и он уже выбился из сил, но она все манила и манила его к себе, и ее губы шептали что-то чувственное и нежное, но он ничего не слышал. Вдруг

девушка вскрикнула, слезы градом полились из ее огромных глаз и она, сжавшись в комок, словно устыдившись своей наготы, стала удаляться с быстротой падающей кометы, оставляя за собой звук, вызывающий у юноши чувство щемящей тоски. Он уже был не в силах преследовать ее, и через мгновение она превратилась в маленькую светящуюся точку в звездном ночном небе.

Он стоял на балконе. Луна ярко освещала кусты сирени и зеленый ковер газона. С высоты четырнадцатого этажа гостиницы был виден весь город. Огни в домах были уже погашены, освещались лишь одни улицы, переплетающиеся между собой как сеть паутины, все нити которой сходились в одну яркую точку, от которой он не мог оторвать взгляда. Вдруг из самого центра этой огненной точки что-то взметнулось ввысь и запорхало, рисуя в ночном небе узоры необычайной красоты. Это была огромная бархатисто-черная бабочка со светящимися магическими знаками на крыльях, изображение которых постоянно менялось.

В ней было что-то зловещее и одновременно завораживающее, что заставляло неотступно следить за ее полетом, имевшим какой-то мучительно-страдальческий смысл. То был полет торжествующей любви, но любви, несущей с собой смерть.

Бабочка подлетела к огромному кусту сирени и села на него, полностью накрыв крыльями с ярким узором, состоящим из больших и маленьких кругов, сочетание которых на-

поминало три шестерки. Она затрепыхалась, пытаясь вновь взлететь, но крылья ее потеряли силу, беспомощно повисли, стали тускнеть, и вот уже мрак окончательно поглотил бабочку вместе с ее необыкновенными крыльями.

Вдруг ему показалось, что он слышит зов возлюбленной.

– Ми-лый... — сладко пропел ее голос.

Он зажал уши руками, закрыл глаза и застонал от непереносимой душевной муки.

– Ми-лый! — отчетливо донеслось снизу.

Он перегнулся через перила и увидел ее прекрасное лицо в кустах сирени. В огромных глазах отражался лунный свет, и она ласково манила его к себе.

– Иди ко мне, милый, иди, — шептала она, перебегая от одного куста к другому и сливаясь с ними.

– Где ты? — в отчаянии закричал он.

– Я здесь, — прошептала она, разводя ветви сирени. — Иди ко мне, я жду тебя, ну иди же! — взмолилась она и вновь протянула к нему руки, которые теперь уже почти касались его лица.

– Иду, — прошептал он в ответ и ринулся вниз. — Я иду к тебе... иду... иду... — повторял он, испытывая ни с чем не сравнимый восторг от полета и радость от предстоящей с ней встречи.

***

Сергей не любил вспоминать студенческие годы. Слишком много обид и разочарований было с ними связано.

В его группе был студент по фамилии Федоров — этакий рубаха-парень из глубинки, который, хотя никто его об этом не просил, взял на себя миссию борца за справедливость, защитника прав «униженных и оскорбленных» и по совместительству миротворца. Он с энтузиазмом кидался улаживать конфликты, которых, в сущности, и не было. Стоило одному студенту сказать другому что-то вроде: «Ну ты и тормоз», тут же, как черт из табакерки, неизвестно откуда выскакивал Федоров и раздражался гневной тирадой:

– С какой стати ты его оскорбляешь? Ты хочешь сказать, что он тупой? А он, между прочим, ничуть не глупее тебя. Немедленно извинись!

И бедолага, несмотря на то что в их среде это была расхожая фраза, вынужден был извиняться, совершенно не понимая за что. Федоров дружелюбно похлопывал «оскорбленную» сторону по плечу со словами:

– Надо уметь за себя постоять, а то тебя не будет унижать только ленивый. Послушай, — как бы между прочим добавлял он, — я забыл в общаге кошелек. Займи до завтра пару сотен, а то я с голоду сейчас мел начну жрать.

Таким образом, походя, он занимал у «пострадавших» деньги, которые и не собирался отдавать.

Еще в первом семестре Федоров одолжил у одной из сокурсниц сто тысяч якобы для того, чтобы купить дорогое ле-

карство для тяжело больной матери. Прошло больше года, и, похоже, он вовсе не собирался возвращать деньги, несмотря на то что она неоднократно со всей возможной деликатностью напоминала ему о долге. Когда же терпение девушки лопнуло и она в присутствии одноклассников, бывших свидетелями этого займа, потребовала вернуть всю сумму в кратчайшие сроки, Федоров понял, что если он этого не сделает, то его репутации борца за справедливость придет конец.

Поскольку из всей группы он не занимал деньги только у Сергея, то именно к нему парень кинулся за помощью. Тот вошел в его положение и готов был ссудить ему необходимую сумму, но при этом потребовал расписку. Деваться Федорову было некуда, и он согласился. Но получив деньги, парень, пылая праведным гневом, рассказывал приятелям:

– Представляете, у меня мать умирает, срочно понадобились деньги на операцию, я попросил у него в долг на неделю вовсе даже не огромную сумму, а он мне: «Расписку пиши!» Ну не сволочь ли, а?!

Те сочувственно кивали, и с той поры за Сергеем прочно закрепилась репутация жлоба.

А вскоре произошло еще одно событие, окончательно превратившее его в парию.

Преподаватель истории психологии имел репутацию «зверя», поскольку валил всех нещадно. Накануне экзамена Федоров объявил:

– Я нашел выход на профессора, будем сдавать за наличку. С каждого по десять тысяч. Он предупредил, что всем, конечно, пятерки не поставит, но двоек не будет. Так что гоните деньги.

Студенты повозмущались, но раскошелились. Все, кроме Сергея, который заявил:

– На пятерку я не претендую, а на тройку и без подготовки сдам.

И все бы прошло гладко, если бы несколько студентов не получили двойки. Все бросились к Федорову.

– Профессор пересчитал деньги, — оправдывался тот. — Сумма с количеством студентов не сошлась, он заподозрил неладное – и вот результат. Это все из-за Сергея, — заключил он.

На счастье профессора, кто-то из студентов рассказал эту историю родителям, и те обратились с жалобой в деканат. Началось расследование. Федоров, не моргнув глазом, нагло утверждал, что передал деньги преподавателю. И пострадал бы невинно бедный профессор, если бы его друг не работал на юрфаке, где имелся «детектор лжи». Тот предложил создать комиссию, проверить обоих и по результатам передать дело в суд на одну из сторон. В тот же день Федоров вместе с деньгами исчез из города. Всем все стало ясно, группа явилась к профессору с извинениями, но почему-то, скорее всего по инерции, студенты продолжали считать виновником произошедшего именно Сергея. Он стал объектом на-

стоящей травли: в его сторону постоянно отпускались мерзкие шуточки, звучали язвительные замечания по поводу его внешности. Одногоруппники неприкрыто радовались, когда Сергей проигрывал дискуссию с преподавателем, и высмеивали его нравственные принципы. Ему одному забывали сообщить о переносе или отмене даты экзамена, а его имя таинственным образом исчезало с титульного листа коллективной конкурсной работы, большую часть которой проделал именно он.

А в конце третьего курса случилось нечто такое, что окончательно похоронило надежды Сергея на установление нормальных отношений с сокурсниками.

Окончание весенней сессии решено было отметить на даче у одного из студентов. К огромному удивлению Сергея, позвали и его — едва ли не впервые. Поколебавшись, он в конце концов принял приглашение, решив, что в неформальной обстановке ему наконец-то удастся подружиться с ребятами. Если бы Сергей знал, чем все закончится...

Большинство студентов отнюдь не бедствовали: у кого-то были вполне обеспеченные родители, безотказно снабжавшие своих чад наличными, кто-то давно уже подрабатывал. Еды было полно, а спиртного — больше, чем воды в кране. Дача находилась на самом берегу небольшого озера среди живописных карельских скал. Было уже достаточно тепло, и ребята купались, азартно ныряя с двух резиновых лодок, привезенных любителями рыбной ловли. К вечеру все

напились так, что уже с трудом узнавали друг друга. Трезвым оставался один Сергей, поскольку, будучи абсолютно равнодушным к спиртному, пил только сок. Градус веселья зашкаливал, и вечеринка постепенно превращалась в оргию. Отовсюду доносились повизгивания, игривый смех девиц и сладострастные стоны. Одна из девушек, невзрачная Лиза, с унылым лицом сидела в стороне, отчаянно икая. Верзила Скоков попытался ее поцеловать, но был отвергнут. Затем счастья решил попытаться вертлявый Агеев, но и его постигла та же участь. Тогда парни решили не церемониться и, опрокинув девушку на пол, стали срывать с нее одежду. Она отчаянно визжала и сопротивлялась как могла. Парочки на время отвлеклись от любовных утех и с интересом наблюдали за происходящим, время от времени отпуская скабрзные шутки.

– Что вы делаете?! — возмутился Сергей. — Немедленно отпустите ее!

Парни на мгновение застыли, а затем Скоков встал и с мерзкой ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего, направился к нему.

– Что, тоже хочешь? Так попроси по-хорошему, мы не жадные... А чего орать-то?

– А у него не стоит! — крикнул Агеев, и раздался дружный издевательский смех.

– Ну, не стоит так не стоит... Тут, как говорится, медицина бессильна. Только другим мешать не надо. У кого стоит. А

то смотри, озеро-то здесь глубокое... — И, сплюнув Сергею под ноги, Скоков вернулся к жертве и продолжил начатое.

Сергей не был борцом по натуре, да и физически он был не слишком силен. Он прекрасно понимал, что не справится с двумя этими уродами, поэтому ему не оставалось ничего другого, как с позором ретироваться. Сергей вышел из дома, сел в лодку и поплыл вдоль берега.

Вернувшись через пару часов, он обнаружил пустой дом и бившуюся в истерике Лизу. Она сбивчиво рассказала Сергею о том, что ее изнасиловали не только эти двое, но еще и другие, причем не без участия девиц, которые держали ее и подначивали парней.

— Давай вызовем полицию, — предложил Сергей, когда Лиза немного успокоилась.

— Да-да, давай! Пусть этих подонков посадят! — оживилась Лиза, но тут же сникла: — Хотя какая полиция? Я ведь тоже принимала наркотики...

— Наркотики? — переспросил Сергей.

— А ты что, нет? Хотя что я спрашиваю — они же от тебя скрывали.

— Так ты, значит, тоже была под наркотой?

— Я только попробовала.

— Думаю, что заявить все равно надо.

— Да-да, конечно, но только не сейчас, только не сейчас! — затараторила Лиза и вновь взорвалась отчаянным плачем.

Всю ночь они молча просидели друг напротив друга. Ед-

ва рассвело, так же молча дошли до станции, сели в электричку и молча же доехали до города. Сергей не знал, что ей сказать, как утешить, подбодрить... Ему было мучительно стыдно. Стыдно за свою беспомощность и трусость, за подонков-сокурсников, изнасиловавших несчастную, за девиц — соучастниц насилия и даже за Лизу, не устоявшую от соблазна получить наркотический кайф, а теперь не решавшуюся постоять за себя.

— Что собираешься делать дальше? — спросил он у девушки, прощаясь с ней в метро.

— Дальше... — Лиза грустно усмехнулась.

Она казалась совершенно, даже как-то неестественно спокойной, и это напугало Сергея.

— Пожалуйста, только не наделай глупостей! Считай, что это был просто страшный сон. Они осквернили твоё тело, но не душу. Постарайся назло им стать счастливой.

— Не бойся, я не покончу с собой. Это бы убило мою маму — у нее большое сердце, а я ее очень люблю. Просто уеду домой и переведусь в местный педагогический. Завтра же заеду в университет и узнаю, что для этого надо сделать. Мама будет рада...

— Вот и правильно, вот и умница! — радостно засуетился Сергей. — Если понадобится помощь, звони, не стесняйся.

Он вырвал из записной книжки, которую всегда носил с собой, листок, накарябал на нем номер своего телефона и протянул Лизе.

— Спасибо, — сказала она, взяв его в руки, и, помолчав, добавила: — Ты не переживай, тебе бы все равно было с нами не справиться. Но ты единственный, кто попытался за меня заступиться, и я благодарна тебе за это.

В этот момент подошел поезд, Лиза вошла в вагон и помахала ему рукой. Больше он ее никогда не видел...

На четвертом курсе девушки уже не было.

Странно, но эта мерзкая история обернулась для него благом: однокурсники оставили его в покое. Они уже не позволяли себе мерзких шуточек в его адрес, ехидных реплик за его спиной и издевательских замечаний во время его выступлений с докладами. Более того, они даже стали проявлять по отношению к нему некое подобие дружелюбия! Сначала Сергея смутили и насторожили такие перемены, но когда к нему подошла целая делегация и парни, переминаясь с ноги на ногу, попросили никому не рассказывать о случившемся, он понял, в чем дело. Они вовсе не угрызениями совести мучились, а просто-напросто боялись огласки. Дело шло к окончанию университета, многие из них собирались делать карьеру, и такое пятно на репутации им было совершенно ни к чему. Ведь всплыви эта история, то, даже если бы ее удалось замять, запашок-то, как говорится, остался бы...

Сергей вовсе не собирался рассказывать о случившемся направо и налево, поскольку и сам во всем этом выглядел далеко не лучшим образом. Поэтому он только кивнул в знак согласия, и парней это вполне удовлетворило. Таким обра-

зом Сергей до окончания университета обеспечил себе относительно спокойную жизнь.

Но он никак не мог выкинуть из головы эту историю. Теперь ему часто снился один и тот же кошмарный сон: он заходит в какую-то комнату и видит там висящее в петле мертвое тело Лизы. Он пьтится к двери, но в этот момент она открывает глаза и, глядя на него в упор, жалобным голосом спрашивает его, почему он ее не спас. Каждый раз после этого Сергей просыпался в холодном поту, а потом долго не мог уснуть вновь. Однажды он не выдержал, соскочил с кровати, подбежал к рабочему столу и, стремясь избавиться от навяздения, на одном дыхании написал свой второй рассказ.

ВИЗИТ САТАНЫ

Поднявшись по темной и грязной лестнице, он долго не мог попасть ключом в замочную скважину и с трудом открыл входную дверь. На кухне соседка готовила ужин. Ее любовник Лёва, или Лев, как он сам себя величал, стоя перед зеркалом у раковины, одновременно служившей умывальником, поскольку ванной в квартире не было, любовался на свое отражение, мурлыча себе под нос какую-то песенку. Кивнув в ответ на их приветствие, он разделся и вошел в свою комнату. Привычным движением нажал на кнопку выключателя, но свет не зажегся. Пощелкав несколько раз, он попытался включить настольную лампу, но и она не загора-

лась. «Должно быть, замыкание, надо бы посмотреть», — подумал он и направился было к двери, но передумал, щелкнул зажигалкой, зажег свечу и уселся на диван, раскрыв альбом с репродукциями Босха. При бликах свечи они казались еще более зловещими. Он много раз видел эти репродукции, но сейчас его вдруг охватил ужас. Возникло ощущение, будто кривляющиеся демоны и жуткие монстры плясали и корчились вокруг него, что он попал в царство Антихриста. Он застыл в страхе, мышцы напряглись и окаменели, казалось, сделай он хоть малейшее движение — и вся эта беснующаяся свора набросится на него.

Шум в углу комнаты вывел его из оцепенения. Ему показалось, что кто-то копошится на чемодане, стоящем в углублении между стеной и секретером. Он взял свечу и направился туда, откуда доносился шум. В углу сидело крохотное существо, похожее на обезьянку. Оно жалобно поскуливало и суетливо пыталось прикрыть лапками большой облезлый живот. Поднеся свечу ближе и присмотревшись, он увидел маленькие рожки и дрожащие копытца, выбивающие частую дробь. «Да это же черт! — догадался он и застыл от ужаса. — Да нет же, этого не может быть, потому что не может быть никогда! Я, должно быть, задремал, когда рассматривал репродукции Босха. Сейчас я очнусь и этот кошмар прекратится».

— Мне холодно, — раздался из угла слабый дребезжащий голосок, прозвучавший так жалобно и беззащитно, что охва-

тивший было его дикий страх моментально прошел. Он взял чертенка за лапку и повел к дивану. Тот едва держался на тоненьких ножках. Пришлось поставить свечу на пол, взять его на руки, отнести на диван и усадить там, накрыв пледом.

Свеча оказалась как раз напротив непрошеного гостя, так что теперь он смог рассмотреть его получше. Чертенок был маленький, его крохотное тельце лишь кое-где было покрыто волосенками, грязно-белые копытца отчетливо выделялись на черных ножках. Мордочку он рассмотреть не мог, так как гость сидел с опущенной головой, а вот его маленькие рожки вызывали скорее улыбку, чем страх. Чертенок жалобно поскуливал, словно брошенный щенок, и жаловался на голод. Он бросился на кухню и принес оттуда ветчину, сыр и хлеб.

– Не хочу! — взвизгнул тот и с такой силой оттолкнул поднос, что еда разлетелась по всей комнате.

– А что же тебе надо? — растерянно спросил он.

– Сердце, хочу человеческое сердце и крови, — заблеял чертенок, трясясь от возбуждения.

– Еще чего! — возмутился он и стал собирать с пола пищу.

– Сердце, хочу сердце и крови! — услышал он низкий, раздраженный, совсем не похожий на прежний голос. Это заставило его подняться и повернуться к гостю. Их взгляды встретились. На него смотрела жуткая морщинистая морда с торчащими из пасти огромными клыками. Нестерпимый блеск желто-зеленых глаз этого существа вызывал животный

ужас. Их взгляд завораживал человека, лишал его сил, эмоций, воли и словно высасывал из него душу.

Жуткое молчание нарушил шум в коридоре. Это соседка провожала своего любовника.

— Пойди и принеси мне ее сердце! — велел черт.

Соседка, возбужденная состоявшимся свиданием, мыла у раковины руки, весело напевая: «Парней так много холостых, а я люблю женатого». Он подошел к ней.

— Ну как дела? — с улыбкой спросила она, обращаясь к его отражению в зеркале. Не отвечая, он схватил со стола утюг и занес над ее головой. Увидев это, соседка вскрикнула, отпрянула в сторону, но было поздно. Мощным ударом он проломил ей череп и изуродовал лицо. Ее безжизненное тело тяжело рухнуло на пол, опрокинув мусорное ведро.

Ему было страшно и мерзко, зловоние, исходившее от помоев, вызывало позывы к рвоте. Он хотел бежать, но вместо этого, словно находясь под гипнозом и подчиняясь чужой воле, взял нож и, разорвав блузу жертвы, вскрыл ее грудь и обнажил сердце.

Он вдруг с ужасом поймал себя на мысли, как легко и умело он все это проделал, словно совершал подобное не впервые.

В какой-то момент при виде обнаженного человеческого сердца его охватило странное возбуждение. Но едва он к нему прикоснулся, оно затрепетало, словно пытаясь вырваться из его рук. Брызги крови разлетались вокруг и окра-

шивали все алым цветом. Наконец он пронзил сердце ножом, и, издав звук, похожий на стон, оно замерло. Он с остервенением рванул его двумя руками. Из зияющей раны в груди он набрал кружку крови и вернулся в комнату.

Черт ждал его у самой двери. Он с жадностью набросился на сердце и, завывая, стал рвать его зубами, запивая кровью из кружки.

Насытившись, он побрел в угол комнаты, рыча и взвизгивая от удовольствия. Из его глаз исходил леденящий душу могильный свет. Всю ночь несчастный простоял, не сходя с места, а наутро, изнемогая от усталости, побрел на работу. Сотрудников напугали его бледность, огромные синяки под глазами и отсутствующий взгляд, и они стали хором уговаривать его идти домой и немедленно вызвать врача. В конце концов, только ради того, чтобы избавиться от их назойливой опеки, он отпросился у начальства, которое даже не стало задавать каких-то лишних вопросов, и ушел с работы. Но при одной мысли о возвращении в этот ад его охватывал панический ужас. Весь вечер он бродил по улицам города, а к ночи пришел к другу и, не отвечая на его расспросы, лег спать.

Он пытался заснуть, но ему это никак не удавалось. Как только он закрывал глаза, ему начинали мерещиться кошмары.

Вот появляется убитая им соседка с изуродованным лицом. Она держит утюг, которым он размозжил ей голову.

Женщина хватает его руку, прижимает к спинке кровати и изо всех сил бьет по ней своим орудием, явно задумав отсечь ее. Он вырывается, пытается спрятать руку под одеялом, но она вновь хватает ее и все повторяется сначала. Но вот наконец соседке удается достичь цели. Она торжествующе потрясает отсеченной конечностью и растворяется во тьме, почему-то не захватив с собой трофей. Все это происходит в зловещей тишине, без единого звука, и оттого кажется еще более кошмарным. Отсеченная рука на мгновение замирает в воздухе, затем взмывает вверх и начинает парить под самым потолком. Затем, резко спикировав, неистово мечется и скребет стены, пол, мебель, словно чего-то ищет. Из руки беспрестанно течет кровь, и вот уже вся комната залита ею. На мгновение она останавливается, разворачивается, стремительно подлетает к кровати, на которой он лежит, и начинает рвать его тело, а затем вцепляется ему в горло и пытается задушить. Он хочет закричать, открывает рот, но не может издать ни звука. Рука хватает его за волосы, стаскивает с постели и тащит к двери.

Очнувшись в холодном поту, он открыл глаза и посмотрел на часы, висевшие на стене: они показывали четверть первого. Повинуясь неведомой силе, он встал, оделся и вышел из дома. Мрачно бродил он по темным и безлюдным улицам ночного города, пока окончательно не выбился из сил. С большим трудом ему удалось поймать такси.

– К «Московским воротам» отвезете? — спросил он вы-

сунувшегося из окошка водителя.

– Да без проблем! Но только при одном условии: если вы заплатите еще и за девушку. Она у меня прехорошенькая, а уж что вытворяет в постели... Не сомневайтесь, удовольствие получите превеликое! Кстати, можете взять ее на всю ночь, не намного дороже выйдет. Ну что, согласны?

– Идет, — секунду поколебавшись, ответил он.

Щелкнул замок, и он сел на заднее сиденье, где клиента ожидала и в самом деле очень хорошенькая молоденькая проститутка.

– Ирэн, — хриловатым голосом представилась она.

«Слава богу, не один, не один!» — стучит у него в висках.

Поднимаясь по лестнице, сам не понимая почему, он ускорил шаг.

– Пожалуйста, не так быстро, — попросила Ирэн. — Здесь темно, и я ничего не вижу.

Войдя в квартиру и оставив девушку в коридоре, он осторожно заглянул в свою комнату. Вся она была озарена ужасающим желто-зеленым светом. Он в страхе захлопнул дверь и повел проститутку на кухню, совершенно забыв, что там лежит труп соседки. Щелкнул выключатель. Ирэн, увидев тело, вскрикнула и крепко прижалась к нему.

– Замолчи, — прошептал он, обхватив ее одной рукой, а другой пытаясь закрыть ей рот. Но она закричала еще громче и в ужасе отпрянула от него. Он схватил ее за горло и, повалив, начал душить. Когда она обмякла, он с ловкостью

тигра разорвал ее грудь.

Дрожа от возбуждения, он внес в комнату еще теплое сердце Ирэн и чашку с кровью. Черт с жадностью набросился на угощение. Он торжествовал: человек был полностью в его власти.

С ночи в городе шел проливной дождь. Он ушел из дома еще затемно и остаток ночи, измученный, бесцельно бродил по городу, оставляя за собой на асфальте кровавый след. Наконец рассвело. Он спустился к каналу, обмыл руки и лицо. «Утопиться, — мелькнула мысль. — Утопиться, лишь бы прекратить этот кошмар, не видеть этого ужаса, не убивать, не мучить себя! Но хватит ли силы воли, чтобы не выплыть? Надо связать руки и прыгнуть», — подумал он, достал платок и зубами попытался затянуть узел.

В это время на набережной слышались женские голоса. Судя по всему, разговаривали две пожилые женщины.

– Здравствуйте, Софья Павловна, — сказала одна из них.

– Здравствуй, Тимофеевна, — ответила другая. — Куда это ты так спешишь?

– Да в церковь.

– Небось, грехи замаливать?

– Скажете тоже, Софья Павловна, какие у меня теперь грехи... Нынче же праздник — Рождество Богородицы. А вы-то почему в церковь не ходите? Ведь не в грехах дело, от всяких дьявольских напастей оберегать себя надо. А как это иначе сделать можно, если не молитвой во храме Божьем?

Женщины ушли, а он воспринял подслушанный разговор как знак свыше. Быстро поднявшись на набережную, он поспешил к храму, куда на службу стекались толпы верующих. Он подавал всем без разбора толпящимся у его стен убогим, нищим, старушкам и пьяницам.

Войдя в храм, он облегченно вздохнул, в его душе вспыхнула надежда, что преследующий его кошмар наконец-то закончится. Но не успел он перекреститься, как неизвестно откуда появилась ворона. Она кружилась над ним со зловещим карканьем, словно пытаясь изгнать его из сакрального места. Прихожане застыли от ужаса. Он изловчился, с силой взмахнул рукой – и птица упала на пол, распластав крылья.

Он подошел к иконе Иисуса Христа, зажег и поставил свечу, которую купил при входе. В то же мгновение сильный поток воздуха, исходивший из алтаря, задул все свечи, горевшие перед иконой, и она исчезла, растворилась в полумраке.

Он вышел на улицу, где по-прежнему лил дождь. По дороге домой не встретил ни одного человека. Город как будто вымер. Это дождь разогнал прохожих, но ему казалось, что люди спрятались от него, опасаясь стать его жертвой.

На лестничной площадке дворничиха, ругаясь, убирала мусор. Он подкрался к ней сзади, изо всех сил толкнул ее – она вскрикнула, упала, со всего маха ударилась головой о ступени и осталась лежать без движения. Убедившись, что дворничиха мертва, он хотел затащить ее крупное тело в квартиру, но оно оказалось слишком для него тяжелым. То-

гда он быстро сбегал за ножом и прямо на лестнице вскрыл ее грудную клетку и вырвал сердце.

Едва он вошел в комнату с сердцем жертвы, еще трепещущим в руках, как черт дико застонал: «А где кровь? Я хочу крови, принеси мне кровь!»

Он схватил стоявшую на столе кружку и опрометью кинулся на лестницу, чтобы набрать крови из еще не успевшего остыть тела своей очередной жертвы, но его почему-то уже там не было. Тогда он метнулся назад в квартиру, забежал на кухню, надеясь, что ему удастся хоть сколько-нибудь наскрести ее из лежащих там тел.

Трупы уже начали разлагаться и издавали невыносимое зловоние. Он судорожно скреб кружкой то по одной разверстой грудной клетке, то по другой, но кровь жертв уже заpekлась и ему удалось добыть лишь несколько сгустков.

Когда, вернувшись в комнату, он протянул кружку черту, тот с бешеной яростью отшвырнул ее и заревел:

– Крови, я хочу крови! — Его желто-зеленые глаза полыхнули адским пламенем и побелели. Мелкими шажками черт стал приближаться к нему. Он то съеживался до чуть ли не микроскопических размеров, то превращался в великана, упиравшегося головой в потолок. Приблизившись вплотную, сатана впился ему в грудь когтями и одним рывком разорвал ее, а затем клыками стал вгрызаться в трепещущее сердце. Он испытывал невыносимую боль, пронизывающую все его тело. Человек хотел оторвать ужасную пасть от своей

груди, но не мог пошевелиться. Воля его была парализована. Он чувствовал, как из тела уходит жизнь, как оно холодеет...

Уже находясь в предсмертной агонии, он успел заметить, как из его растерзанной груди выплывает пульсирующий и излучающий ярко-голубой свет небольшой шар. Это было последнее, что он увидел в своей жизни. С диким ревом сатана набросился на шар и, жадно схватив его, исчез, разразившись лающим хохотом. Еще одна человеческая душа стала его добычей.

***

Как будущий психолог, Сергей не мог не понимать, что стихийно вырвавшиеся из его подсознания рассказы с таким безысходно-трагическим концом — это не что иное, как проявление патологического состояния психики. Его психики. Но его «Я» категорически отказывалось признавать этот факт. А как известно, легче всего уговорить самого себя...

***

В психокоррекционном центре, где Сергей без малого десять лет руководил сектором психологической поддержки семьи, он считался лучшим специалистом.

Должность, которой он очень гордился, далась ему совсем не просто. Когда его предшественница ушла на пенсию,

директор центра — грубоватая и прямолинейная, но справедливая и высокопрофессиональная дама неопределенного возраста — назначила руководителем сектора семейных проблем Сергея. Выбор был адекватен, ей казалось, что он, будучи прекрасным специалистом, сможет, что называется, подтянуть других членов группы до своего уровня. Однако у них были свои виды на будущего шефа. Никто не хотел быть под началом неуживчивого и желчного человека — они предпочли бы видеть своим начальником Андрея, который, конечно, звезд с неба не хватал, но был надежным и справедливым, к тому же самым старшим из них по возрасту. Свое несогласие члены группы выразили весьма своеобразно: в день назначения Сергея они не пришли на свои рабочие места, а собрались в совещательной комнате. В ожидании директрисы коллеги обсуждали, каким образом им следует действовать, чтобы начальником назначили именно Андрея.

Узнав о случившемся, Сергей вспомнил историю, рассказанную ему дедом.

***

Когда ему было лет десять, он что-то не поделил с мальчишкой из соседнего двора — и в результате завязалась драка. Родители пацаненка явились к деду с претензиями, но тот, к огромному удивлению Сергея, не стал учинять ему очередной разнос, а вместо этого, усадив его рядом с собой, сказал:

– Знаешь, внук, я хочу рассказать тебе одну историю. Был такой киевский князь по имени Игорь. Как-то раз он, собрав дань с племени древлян, решил, что, пожалуй, маловато будет, и вернулся с дружиной, надеясь потрясти их более основательно. Те возмутились, убили алчного князя, а заодно перебили всех его дружинников.

Князь древлян отправил послов к вдове Игоря княгине Ольге. Они должны были сообщить ей о смерти мужа и предложить стать женой их князя. Послы приплыли в Киев на ладье, Ольга встретила их весьма радушно и даже обещала на следующий день выказать им особое уважение и пронести их судно вместе с ними по улицам города.

А наутро ладья вместе с послами оказалась в глубокой яме, выкопанной киевлянами за ночь, при этом мстительная княгиня приказала немедленно зарыть ее, похоронив таким образом ни в чем не повинных людей заживо.

Второе посольство древлян княгиня тоже встретила приветливо и даже велела истопить для гостей баню. Но как только они туда вошли, слуги Ольги заперли двери и подожгли строение с четырех сторон. Никто из находившихся в бане не спасся...

Пылая жаждой мести, вдова Игоря княгиня Ольга начала готовить поход на Искоростень, столицу древлян, преисполненная решимости стереть ее с лица земли. И вскоре возглавляемая ею дружина осадила город. Но его жители неожиданно оказали врагам отчаянное сопротивление, и войско

Ольги несколько месяцев не могло захватить Искоростень. Измученные осадой древляне предложили ей любой выкуп, и она согласилась его принять, запросив при этом ничтожную дань — по три голубя и три воробья с каждого двора. Не ожидавшие подвоха жители города с радостью доставили птиц в ее лагерь. Ближе к ночи Ольга велела отпустить их, но перед этим привязать к лапкам веревочки с тлеющей серой. Птицы вернулись в свои гнезда, свитые под крышами домов, и в Искоростени начался пожар, а следом за ним — и паника. Древлян, пытавшихся выбраться из пылающего города, за крепостными воротами встречали дружинники Ольги. Они убивали всех, кто попадал им в руки, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Город же выгорел дотла...

Надеюсь, ты понял, к чему я тебе это рассказал? Если хочешь победить врага, вовсе не обязательно использовать грубую силу — иногда лучше прибегнуть к хитрости.

И теперь Сергей знал, что и как именно ему нужно делать, чтобы все-таки получить вождеденную должность.

***

— Не стоит ломать копья, я сам понимаю, что и по опыту, и по стажу работы я не могу занимать эту должность. Начальник должен быть не только высококлассным специалистом, необходимо также, чтобы подчиненные его уважали и любили, — с порога начал Сергей, входя в комнату, где со-

брались сотрудники.

Слово «любили» он произнес с такой теплотой и нежностью, что каждый понял, что этого чувства они к Андрею уж точно не испытывают.

— Поэтому, — продолжал Сергей, — лучшим кандидатом на вакантную должность заведующего сектором, конечно же, является наша общая любимица Лера.

Сотрудники потеряли от неожиданности дар речи. Лера действительно была общей любимицей. Умом она не блистала, но была простодушной и очень доброй. Жена богатого бизнесмена, Лера часто приглашала коллег в свой загородный дом, где все отъедались и откуда возвращались с пакетами, полными продуктов. Будучи человеком отзывчивым, она моментально откликалась на проблемы сотрудников и их просьбы: ссужала их деньгами и при этом никогда не требовала от них вернуть долг, что-то доставала... Все девицы носили ее туфли и платья, щедро раздариваемые ею после непродолжительной нбски.

Лера растерялась – она совершенно не понимала, что происходит. Ее огромные ресницы, приклеенные к маленьким куриным глазкам, глупо запрыгали, на детском лице, не обремененном интеллектом, появилась растерянная улыбка, обезоружившая сотрудников. После таких слов никто не смог сказать «нет» и все молча закивали.

– Тогда, если нет возражений, я откажусь от должности и доложу начальству о решении коллектива. Если будем ми-

тинговать, подадим дурной пример другим и вызовем у всех раздражение.

Лера с энтузиазмом принялась рулить, совершенно не понимая, что делает. Андрей, который воспринял ее назначение как плевков в душу, уволился, и через полгода сектор семейных проблем сам стал проблемой психокоррекционного центра, а зарплата сотрудников ограничивалась голой ставкой без доплат за коммерческие услуги.

– Сергей, выручай, мы ошиблись! — взмолились коллеги.

Больше всех хлопотала о его назначении напуганная до смерти Лера. Обнищавшие сотрудники успели ей изрядно задолжать, а возвращать долги им было нечем.

Сергей долго отнекивался, но потом все же согласился принять бразды правления. Начал он с того, что предложил переименовать сектор семейных проблем в сектор психологической поддержки семьи. Это, казалось бы, незначительное нововведение оказалось весьма успешным. В «проблемы» люди шли с опаской, с ощущением некой безысходности, а «поддержка» вселяла оптимизм и надежду на благополучное разрешение ситуации.

Хорошо зная возможности каждого из своих коллег, Сергей направлял клиентов именно к тем из них, кто, по его мнению, способен был понять, осмыслить проблему, с которой люди обращались в центр, и оказать им квалифицированную помощь, что, конечно же, вызывало у сотрудников чувство собственной значимости и успешности. Однако неред-

ко клиенты отказывались от услуг его коллег и готовы были ждать месяцами, чтобы попасть на прием именно к нему. Это обстоятельство вызывало зависть, интриги и изоляцию его от остальных сотрудников, для которых он всегда оставался загадкой, вещь в себе.

***

Сутулые плечи, бесстрастное лицо, вялое рукопожатие создавали у людей впечатление, что они имеют дело с человеком слабым и безвольным. Но это было далеко не так — Сергей отличался организованностью, трудолюбием и упорством в достижении поставленных целей.

Если человек, с которым Сергею приходилось иметь дело, по какой-то причине досаждал ему или был неприятен, он просто молча смотрел на него. Взгляд его холодных серо-голубых глаз, устремленный на собеседника, порождал у того не слишком приятное впечатление, что его видят насквозь. Человек начинал чувствовать себя очень неуютно и спешил закончить разговор. Сергей легко «считывал» эмоциональное состояние собеседника, ход его мыслей и намерения. Его голос был лишен каких-либо эмоциональных оттенков, и никогда нельзя было понять, как он относится к событию, о котором рассказывает, к человеку, с которым общается. Обладая острым умом, он не терпел тугодумов. Часто походя унижая и оскорбляя людей, он, совершенно того не желая,

наживал себе врагов. Вопреки стойкому нежеланию вступать в конфликты, он постоянно пребывал в них. Осознавая собственные слабости, был совершенно нетерпим к недостаткам других людей, что начисто исключало его успешное с ними взаимодействие.

Резкая немотивированная смена собственного настроения пугала Сергея. Глубокая внутренняя неудовлетворенность тем, как складывается его жизнь, грозила обернуться хронической депрессией. Крайне недоверчивый, в отношениях с людьми он руководствовался дедушкиным заветом: «Никому никогда не доверяй, и никто тебя не предаст».

На работе он был одинок. А теперь, когда не стало матери, одиночество стало его сущностью. Но он утешал себя мудрым изречением Омара Хайяма:

*Я думаю, что лучше одиноким быть,
Чем жар души «кому-нибудь» дарить.
Бесценный дар отдав кому попало,
Родного встретив, не сумеешь полюбить .*

***

После похорон матери и напряженной рабочей недели Сергей позволил себе выспаться. Если бы не солнце, светившее не по-осеннему ярко, проспал бы до обеда. Сладко потянувшись, он включил приемник и вновь закрыл глаза.

— Надеюсь, я вас убедила в том, что в октябре рождаются гениальные люди, — с пафосом закончила свое повествование ведущая. — С вами была Инна Соловьева...

— Не катит, я родился не в октябре, — пробормотал Сергей и, выключив приемник, включил телевизор. Там гремели взрывы, ведущий рассказывал, как российские ВКС, совершившие более тридцати тысяч вылетов, уничтожают террористов и склады с боеприпасами на территории Сирии. Он переключил канал, попал на дебаты по Украине и выключил телевизор.

Понежившись в кровати еще несколько минут, Сергей встал и выглянул в окно. Уличный термометр показывал тринадцать градусов, что при солнечной погоде было подарком, которым он непременно воспользуется, чтобы покататься на роликовых коньках.

Быстро собравшись, он нырнул в метро и вскоре уже поднимался по эскалатору станции «Адмиралтейская». На выходе его остановил грузный человек в штатском и в весьма грубой форме потребовал показать содержимое рюкзака.

— А с какой такой стати? — возмутился Сергей. — Вы ведь даже не представились!

— Стоять! — раздалось в ответ, и он согнулся от боли в запястье. Откуда-то появился полицейский, Сергея скрутили и потащили в помещение для осмотра. Из рюкзака извлекли роликовые коньки, заставили вывернуть все карманы и отпустили.

– Если со мной, человеком славянской внешности, вы поступаете так по-хамски, представляю, как обходитесь с азиатами.

– Пшел вон! — прошипел человек в штатском. — Скажи спасибо что еще легко отделался.

Сергей слышал о беспределе полиции и спецслужб, но чтобы с ним, порядочным человеком и законопослушным гражданином, обошлись подобным образом безо всяких к тому оснований... Он чувствовал себя оскорбленным и униженным, в нем зрело чувство протеста. Но против кого? Против этих жлобов? Против силовиков, допускающих этот беспредел? Против авторитарно-репрессивного государства, закрывающего глаза на все это? Ему было мучительно стыдно за себя. Стыдно за то, что, несмотря на буквально сжигающее его чувство протеста, перенесенные им унижение и оскорбления, он не пойдет жаловаться, не выйдет с пикетом, а найдет десятки оправданий своему жалкому, трусливому поведению.

Выходной был безнадежно испорчен. Сергей прошел в Александровский сад, сел на скамейку и стал глубоко дышать.

– Я вдыхаю в себя легкость и выдыхаю душевную травму, нанесенную оскорблением; вдыхаю силу и выдыхаю слабость; вдыхаю уверенность в себе и выдыхаю нерешительность...

Так просидел он несколько минут, высвобождаясь от зло-

бы, ненависти и неуважения к себе, заполнивших каждую клетку его тела, угнетающих его сознание. Солнце пригревало, расслабляло и придавало оптимизма.

— Я справился, мне легко, я уверен в себе, — сказал он вслух, встал со скамейки и бодрым шагом направился к Дворцовой площади.

Здесь его поджидала очередная неудача. Вся площадь была обнесена металлическим ограждением, внутри с ревом гоняли мотоциклисты, на установленном в центре помосте оглушительно гремела музыка, по периметру площади стояли огромные мусороуборочные машины, а между ними, казавшиеся крохотными на их фоне, — легковые полицейские автомобили. Народу, в отличие от других выходных дней, почти не было. Лишь небольшие группы туристов неожиданно возникали из улиц, примыкающих к Дворцовой площади, и двигались к Эрмитажу.

Сергей прошел по периметру площади, и у него трижды проверили содержимое рюкзака. В душе что-то опять надломилось. Он пребывал в недоумении и растерянности.

«Нет, так нельзя, — сказал он себе. — Поеду-ка я кататься в ЦПКиО, а до того прогуляюсь по Летнему саду, раз уж оказался поблизости».

Проходя мимо Марсова поля, он увидел ту же металлическую изгородь вокруг всего мемориала, а также полицейские и технические машины. Внутри огороженного пространства празднично шатались люди в униформе, таская за собой метлы

и грабли.

«Похоже, фильм снимают», — подумал Сергей.

Впереди стояла группа мужчин. Они жадно пили пиво.

— Что здесь происходит? — спросил он у одного из них.

— Как что, не знаешь, что ли? Всероссийский субботник с

22 апреля перенесли на 7 октября.

Мужики громко расхохотались. И он все понял.

— Да, боится, стало быть, власть своего народа, — с горечью заметил он.

— Еще как боится, если не скупятся на сверхурочные и поставились нехило! — откликнулись мужики.

— Это невыносимо, это тупик, — пробормотал Сергей и побрел в сторону Невского проспекта.

На канале Грибоедова ему всучили рекламный проспект. Спускаясь по эскалатору, он прочитал: «Мы приглашаем вас в солнечную Индию!»

«А почему бы и нет?» — подумал Сергей и вернулся наверх. Он нашел туристическую компанию, рекламировавшую отдых на Аравийском побережье, и заказал тур в Гоа.

Уже через неделю он летел в Индию — к морю и солнцу.

***

Море встретило его штормом. Сергей часто наблюдал непогоду на Балтике, когда гостил у деда, но такой мощи видеть ему не доводилось. Оставив отель далеко позади, он

долго брел по песчаному побережью, пока не наткнулся на рыбацкую деревушку. На берегу одиноко стояла старая полуразбитая лодка. Сев в нее, Сергей наблюдал, как разыгрывается стихия. Ветер усиливался, мощные волны вздымались и с тяжелым вздохом обрушивались на берег, пальмы прогибались под яростным напором ветра и, казалось, вот-вот сломаются, соленые брызги долетали до него и приятно охладили лицо. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая небо в пурпурный цвет. Начинало темнеть. Сергей спрыгнул с лодки. Увлекая за собой мелкие песчинки, очередная волна откатилась в море, обнажив торчавший из песка ремешок. «Похоже, кто-то потерял зонтик», — подумал он, нагнувшись, потянул за него и, к своему удивлению, вытянул... фотоаппарат. Камера была без внешних повреждений. На тыльной стороне просматривалась гравировка: «Любимой в день рождения». Затворы не срабатывали – вероятно, мельчайшие частички песка вывели аппарат из рабочего состояния, однако карту памяти ему все же удалось извлечь.

Только теперь Сергей заметил сидевшего неподалеку старца. Совершенно нагой, он расположился на рогожке под пальмой, восседая в позе лотоса. Взгляд его был устремлен в бесконечность. Сергей еще раз покрутил камеру в руках, подошел к старику и, положив перед ним фотоаппарат, отправился в отель.

***

Придя в номер, Сергей завел карту памяти в планшет и стал рассматривать фотографии.

Снимали мужчина и женщина – вероятно, муж и жена. Последняя фотография была сделана месяц назад в этом отеле.

Веселая парочка сделала здесь сотни снимков. При их просмотре создавалось впечатление, что они принимают участие в фестивале улыбок, — так часто и заразительно оба улыбались.

Из видеосюжетов стало понятно, что молодого человека звали Владимиром, а девушку — Юлией. Судя по фотографиям, Владимир занимался дизайном или архитектурой. Об этом свидетельствовали многочисленные снимки из мастерской. Фотографий с работы Юлии оказалось немного, но было понятно, что она и работает в какой-то лаборатории. Зато было много снимков, сделанных на природе. Редкие селфи указывали на то, что снимала она.

Часто встречались бытовые фотографии. Молодые люди снимались вместе или фотографировали друг друга.

Сергея взволновало и даже возбудило видео, где Юля демонстрировала мужу эротическое белье. Она делала это так артистично, так сексуально, словно была профессиональной порно моделью. Муж не выдержал искушения и овладел ею, забыв при этом выключить фотоаппарат. Картинки не было, но ее стоны, записанные на камеру, будили эротические

фантазии. Этот видеофрагмент Сергей просмотрел несколько раз и почувствовал, что он возбуждает его и даже вызывает ревность.

Другой видеофрагмент взволновал его не меньше, вызвав жалость и сострадание к Юлии.

Муж, видимо, заметив лучезарную улыбку спящей жены, снял ее на видео. Фотоаппарат плавно «наезжал» на ее сияющее от счастья лицо, и она вдруг проснулась.

– Чему ты так радовалась во сне, дорогая? — не выключая камеры, спросил он.

– Мне приснилось, будто мы с тобой в огромном цветущем саду и нас окружают пятеро прелестных малышей – три девочки и два мальчика. Все точно так, как мы планировали... Они поют и танцуют, а мы смотрим на них и радуемся... Мне так сладостно было во сне и грустно теперь, потому что этого никогда не будет.

– Ну что за пессимизм? Все образуется, и ты родишь пятерых бутузов, никто не попадает в яблочко первой же стрелой, — попытался успокоить ее муж, в очередной раз забыв выключить камеру.

– Ты же знаешь, что этого не произойдет. Мы запускаем свои стрелы уже десять лет. Интересно, насколько еще хватит твоего ко мне сострадания, чтобы не уйти к другой женщине, которая точно родит тебе детей? — выкрикнула она и разрыдалась.

– Глупенькая, я люблю тебя, и все у нас будет хорошо.

***

Рассвело, отдыхающие потянулись в ресторан на завтрак, когда он наконец прилег, грезя о встрече с этой кроткой и милой женщиной.

«Ну почему я, “выдающийся архитектор человеческих отношений” – так, кажется, величает меня моя начальница – не могу устроить свою личную жизнь? — с горечью спрашивал он себя. — Да что там устроить, я даже познакомиться с девушкой боюсь!»

– Архитектор,— презрительно произнес он вслух и тяжело вздохнул.

Он еще раз просмотрел видеосюжеты. Почему эта милая кроткая женщина принадлежит не ему? Чем он хуже самодовольного типа рядом с ней? Разве он не смог бы сделать ее счастливой?

Он снова и снова рассматривал снимки, удаляя с кадров его и оставляя ее.

Большой блок фотографий был сделан на руинах древних индийских храмов, где супруги во время съемок продемонстрировали незаурядные артистические способности.

– Простите, — обратился Сергей к администратору гостиницы, протягивая ему фотографии, — вы случайно не знаете, что здесь изображено?

– Знаю, это Хампи, – ответил тот, — древняя столица Ви-

джаянагарской империи.

– И что, далеко это отсюда?

– Да часа три-четыре на машине.

– А где ее взять?

– Заказывайте такси.

– А это дорого?

– Четыреста долларов. За эти деньги водитель может взять до шести человек.

***

В машине вместе с Сергеем ехала семья — муж, жена и сын лет семи. Горный перевал преодолевали по извилистому серпантину. Большею частью грунтовая дорога была ужасной. Мальчика без конца тошнило, и поэтому приходилось то и дело останавливаться.

– Лучше бы я эту Хаму по телевизору посмотрел! — жалобно стонал малыш.

– Кто ж знал, сынок? — оправдывалась мать.

– Ты уж потерпи, — пытался поддержать его отец.

Сергея эти частые остановки вовсе не раздражали. У подножия перевала открывался величественный вид на горы, а сверху — грандиозная панорама джунглей. Стайки оленей бесстрашно паслись на полянах.

Добирались шесть часов и едва успели к началу экскурсии по архитектурно-историческому заповеднику Хампи. Руины

великой Виджаянагарской империи были одновременно следами рождения и разрушения некогда процветающей цивилизации. После двухсотлетнего благоденствия империя пала под натиском исламских султанов. Осмотр заповедника начался с огромной каменной колесницы, предназначенной для индуистских божеств. В надежде на удачу и счастье экскурсанты прикасались к колесам, выполненным в форме лотоса. Величественные храмы, уникальные ванны с бассейнами, зал слонов — все это было так хорошо знакомо Сергею по снимкам из найденного фотоаппарата. Несмотря на жару, день прошел быстро и увлекательно. Даже в полуразрушенном состоянии заповедник произвел на туристов неизгладимое впечатление.

***

Солнце зашло, темно-красная полоса, очерчивающая линию горизонта, таяла и угасала. Гид подвел группу к изящному изваянию девушки, выточенному из черного мрамора.

— Когда во второй половине шестнадцатого века на великую индуистскую Виджаянагарскую империю с севера хлынули орды Деканских султанатов, — продолжил он свой рассказ, — государство было разрушено и на его месте появилось несколько мелких индийских княжеств.

В одном из них во дворце махараджи вместе с его дочерью Зарой воспитывалась девочка изумительной красоты по

имени Джия — дочь кормилицы принцессы. Она носила дорогие наряды, достававшиеся ей после Зары, обладала изысканными манерами, играла на музыкальных инструментах, пела и танцевала. Словом, мало чем отличалась от принцессы, хотя и была простолюдинкой из низшей касты.

Сначала Джия не понимала этой разницы, но по мере взросления и осознания пропасти, пролегавшей между ними, в ее душе зрел гневный протест против такого положения дел, и она начала ненавидеть дочь своих благодетелей.

Когда слуги отводили принцессу к родителям, Джия была предоставлена себе и часами бродила по дворцу и его окрестностям. Однажды в глубине сада у крепостной стены она набрела на группу женщин. Они пели, танцевали и слушали поучения старшей из них. Это были ганики — куртизанки махараджи, обучавшиеся искусству любви. Джию завораживали эти красивые женщины. И теперь при малейшей возможности она бежала в глубину сада, где, спрятавшись в крепостной стене, украдкой разучивала песни и танцы обольщения.

— Муджра, — говорила старшая куртизанка, — это страстный, нежный и волнующий танец, подчеркивающий эротический смысл песни, сущность которого — любовь, а цель — утонченный соблазн. Он полон женственности, грации, загадочности и недосказанности. Научившись изящному исполнению этого танца, вы, подобно ганике по имени Амрапали, женщине небесной красоты, в доме которой останав-

ливался сам Будда, будете повелевать великими мира сего. Вы — вечно счастливые невесты и рождены для изысканного соблазна, обольщения и очарования мужчин.

Эти слова произвели такое впечатление на Джию, что она твердо решила стать ганикой, — другой судьбы она не желала. Позже девушка узнала все премудрости Камасутры — этой величайшей из когда-либо написанных книг, посвященных искусству любви.

— Кама — это чувственное наслаждение, одна из важнейших целей на пути к просветлению, — поучала наставница. — В любви вы должны ощущать себя больше душой, чем телом. Обольщая мужчину, вы обязаны убедить его в том, что он единственный и неповторимый на всем свете.

Так год за годом Джия постигала искусство дарить мужчинам райское наслаждение.

Но не одна она имела тайное увлечение. Когда Джия украдкой наблюдала, как учат сладострастной любви наложниц махараджи, за ней следил его сын. Кривой с рождения, он как бы состоял из двух диаметрально противоположных половинок. Одна из них была большой, веселой и сильной. И эта самая половина таскала за собой другую — тщедушную, усохшую и грустную, обезображенную к тому же большим горбом. Аджит — так звали принца — знал Джию с колыбели и был привязан к ней как к родной сестре, в отличие от которой Джия не издевалась над его уродством.

По мере взросления тело Джии становилось стройнее,

красивее лицо, нежнее кожа, и тем больше влюблялся в нее Аджит. Он видел в ней не служанку, а госпожу своего сердца и мечтал сделать Джию своей женой.

Настал день, когда во дворец прибыла свадебная процессия. Молодой, статный и красивый раджа соседнего княжества брал в жены Зару. Перед дворцом установили огромные весы, на одной чаше которых сидела счастливая невеста, а на другой лежало ее приданое — золото и драгоценные камни. Рядом с Зарой стояла Джия, одетая в одно из не понравившихся невесте свадебных платьев. Зара была красивой девушкой, но красота Джии затмевала ее.

— Посадите в чашу с золотом эту красавицу, — сказал молодой раджа, указав на Джию. — Я заберу ее с собой.

Взбешенная невеста отвесила Джии хлесткую пощечину и велела убираться прочь.

Во время пиршества униженная Джия дерзнула поднести жениху поднос со сладостями.

— Простите, что я беспокою вас, сагиб, — обратилась она к молодому радже, протягивая блюдо. — Пусть малида усладит ваши сладкозвучные уста.

Жених вкусил угощение и, похотливо глядя на Джию, сказал:

— Эти сласти пробуждают желание...

— Тогда возьмите меня, мой господин, этот цветок открыт для вас, — ответила она.

Как тень следовал горбун за Джией. В отчаянии метался

он, проклиная свою беспомощность, увидев из тайной комнаты, как жених его сестры овладел ею.

Когда свадебная процессия готовилась покинуть дворец, горбун попытался взять Джию, но она отвергла его. Он обещал сделать ее своей женой и госпожой, но она была неумолима.

Прощаясь с Зарой, Джия язвительно шепнула ей на ухо:
– Всю жизнь ты отдавала мне свои поношенные вещи – теперь ты получаешь то, чем успела попользоваться я.

Зара не снесла оскорбления служанки, и Джию изгнали как блудницу.

Когда она уходила, к ней подковылял Аджит и швырнул ей в лицо связку колокольчиков.

– Уходи и заведи с собой эти колокольчики, — задыхаясь от бессильного гнева, крикнул он, — чтобы все люди знали, что идет блудница!

Так Джия стала ганикой — куртизанкой, дарящей мужчинам райское наслаждение. Она была капризной, надменной и непостоянной. Ее любовь невозможно было купить ни за какие деньги — она сама выбирала себе мужчин. Не один великий повелитель стал рабом ее чар.

– Джию изгнали на закате, когда ночь сменяла день. И вот уже сотни лет, запечатленная в черном мраморе тайно влюбленным в нее скульптором, вновь и вновь каждый вечер уходит она из города, как падшая женщина, не заслуживающая прощения, — завершил свой рассказ гид.

С этими его словами статуя вдруг повернулась спиной к ошеломленным слушателям и растворилась во мраке наступившей ночи...

***

Ранним утром туристы вслед за отшельниками, для которых этот ритуал имел сакральный смысл, поднялись на крепостную башню встречать рассвет. Из сумрака уходящей ночи проступали силуэты величественных храмов. Рассветало так же быстро, как и темнело. Сквозь утренний туман пробился слабый свет. С каждой минутой он становился все ярче. И вот на горизонте вспыхнул первый ослепительный луч, за ним брызнули сотни других. Едва коснувшись горных вершин, они спустились в долины. За многочисленными развалинами стали видны поблескивающие от росы джунгли. Мощные потоки света наполняли мир энергией.

Подул утренний ветер, и из храма Виталла, где множество тончайших колонн при малейшем дуновении ветра издавали космические звуки, донеслись мелодии сказочно таинственной Индии.

Место завораживало, но пора было возвращаться в Гоа.

Утомленный ранним подъемом и восхождением на крепостную стену сынишка попутчиков Сергея заснул, и обратно они доехали гораздо быстрее.

Архитектурный ансамбль Хампи стоил тех неудобств, ко-

торые они испытали в дороге.

Сергею не давала покоя история Джии. Весь мир был у ее ног, и она бесцеремонно пользовалась его благами, но в каком воплощении она являлась в следующих жизнях за свою гордыню, за желание подчинить мир своей прихоти? Это явно был знак. Но о чем он говорил? О том, что Сергей во что бы то ни стало должен добиться Юлии, или о том, что надо избавиться от этого наваждения и забыть о женщине, принадлежащей другому мужчине?

На обратном пути он рассматривал фотографии, сделанные им в тех местах, где до этого снималась счастливая пара.

***

Вечерами от нечего делать Сергей систематизировал фотографии с камеры. Вот Индия, вот Прибалтика (похоже, Таллин), вот Италия. Это его работа, а это — ее.

Особняком стояли снимки, сделанные на пленэре. Фотографии были выполнены если не фотохудожником, то человеком с выразительным чувством прекрасного. Редкие селфи указывали на то, что снимала Юлия, а раз она фотографировала себя сама, причем в разных местах, — значит, она любит бродить в одиночестве.

Как много эти фотографии говорили о семейной паре и ее окружении! Вот Владимир на работе. Он всегда в центре, никто не жметя к нему, как остальные друг к другу, ста-

ло быть, он — босс. Впрочем, эта небольшого роста шатенка так и норовит встать рядом с ним, и даже когда она поодаль, ее взгляд всегда направлен на него. Девушка определенно влюблена в шефа, причем не исключено, что между ними существует тайная связь. Снимков с Юлиной службы гораздо меньше, и все они маловыразительны. Белые халаты, в которые облачены женщины, обезличивают. Но и здесь видно, что все сотрудницы, кроме двух брюнеток, относятся к Юлии с симпатией.

Один из бывших сокурсников Сергея как-то проболтался, что обилие информации о клиентах, которую он им предъявляет, черпая из социальных сетей, приносит ему колоссальный успех. Наивные посетители изумляются его проницательностью, а иные полагают, что он обладает экстрасенсорными способностями.

«Зачем такие сложности, — думал Сергей, рассматривая фотографии, — когда в них отражена вся жизнь этой пары, причем в мельчайших подробностях? Жесты, мимика, окружение, места съемок — это же кладезь информации! Вот уж воистину: “Умеющий видеть, да увидит”. Надо будет взять это на вооружение и анализировать фотографии клиентов».

Он сам в особых случаях просил клиентов показать квартиру, которая многое о них рассказывала, погружала в детали и помогала ему разобраться в семейной коллизии. О пользе фотографий и видеоматериала он как-то не задумывался.

***

Впрочем, видеокамерой Сергей пользовался активно. Людям не свойственно замечать свои ошибки, а уж тем более признавать их. А потому, если требовалось устранить сложности в общении между супругами или родителями и детьми, он спрашивал у клиентов разрешения на съемку их диалога, устраивал пару провокаций, а затем демонстрировал им отснятый материал. Обычно люди были в шоке от увиденного, они отказывались верить в то, что вели себя столь неподобающим образом. Ведь, как известно, «сам себе судья милостивый», а вот камера – свидетель беспристрастный... Разумеется, снятый сюжет он стирал в присутствии клиентов.

Однажды камера спасла его от грандиозного скандала, а может быть, и от тюрьмы.

А дело было так. Как-то раз к нему на прием явились вполне еще молодая мамаша и ее тринадцатилетняя дочь.

– Вы знаете, она как-то чересчур быстро взрослеет, — посоветовала женщина.

– Вот те на! — удивился Сергей. — Все жалуются на инфантилизм своих детей, а вы недовольны ее преждевременным взрослением! Что именно вас не устраивает?

– Ну, во-первых, формы.

Девочка и правда была не по годам развита и выглядела как минимум лет на шестнадцать.

– Да, действительно, физиологически она значительно опережает свой возраст, но такова ее природа и в этом нет ничего страшного.

– Она дружит не со сверстницами, а со старшеклассницами.

– Если они не влияют на нее дурно, то и это не страшно. Вероятно, девочка продвинутое одноклассниц.

– А одевается как! Недавно я нашла в ее сумочке губную помаду, в ее-то годы! — не унималась мамаша.

– Ну хорошо, давайте вы с полчасика погуляете, благо погода позволяет, а мы с Ирой пока здесь побеседуем и позволим вам, когда закончим.

– Что, не ладите? — заговорщически спросил девочку Сергей, когда женщина вышла из кабинета.

– А как с ней можно ладить? То прихожу, видите ли, поздно, то юбка слишком короткая – в общем, все не так. В бане голыми ходим — и ничего, а юбка, видите ли, короткая.

– На то она и баня, чтобы голыми ходить, — рассмеялся Сергей.

– Баня-то общая.

– То есть как это? — удивился он.

– Ну, нудистская. А еще мы каждое лето ездим на остров и там тоже голыми ходим.

Услышав такое заявление, Сергей растерялся и, чтобы скрыть замешательство, схватил со стола пульт от видеокмеры, лежавшей на шкафу за его спиной, и стал нервно вер-

теть его в руках.

– Я что-то не совсем понимаю... Ты хочешь сказать, что и в баню, и на этот самый остров взрослые берут детей?

– Ну да, — протянула она. — А что тут такого?

– Впервые об этом слышу. А ты меня не разыгрываешь?

– Ну... вы какой-то дремучий! — искренне удивилась Ира. — О нас и в газетах пишут, и по телевизору показывают.

Почувствовав себя хозяйкой положения, она рассказала, чего от девчонок хотят парни в парной и что происходит на острове.

– Ты еще, пожалуй, слишком юная для того, чтобы осознавать истинную суть происходящего вокруг. Осмелюсь предположить, что, скорее всего, это твои фантазии, — заявил Сергей.

– Что?! По-вашему, я маленькая?! — взвилась Ира. — Да вы знаете...

И тут девочку понесло. Она рассказала, как в школьном туалете подслушивает разговоры старшеклассниц, а затем организует девицам поездки за город с приглянувшимися им парнями. А там они вытворяют такое...

Судя по ее словам, в школе она была самой главной и все ей подчинялись, а если кто-то пытался поднять хвост, то... И Ира многозначительно провела ребром ладони по горлу.

Это был первый случай в его практике, когда он совершенно потерял контроль над клиентом. Да что там контроль,

ему, девственнику, было так стыдно, что он не знал, как себя вести в создавшейся ситуации!

— Я думаю, что мне следует поговорить с твоей мамой, — строго сказал Сергей, пытаясь таким образом вернуть себе статус хозяина положения.

— Да вы что! Ни в коем случае! Не делайте этого! — взмолилась Ира. — Она же меня убьет.

— Да, конечно, вы правы, — неожиданно для себя он перешел на «вы». — Я возьму тайм-аут и через некоторое время с вами свяжусь. А сейчас звоните маме — пусть подходит.

Отзвонившись, девочка ушла, а он, потрясенный услышанным, сидел в кресле, пытаясь осмыслить произошедшее.

Он читал, он слышал об этом от коллег, он встречался с ситуациями куда более грязными и отвратительными, но, чтобы такое милое дитя столько накуролесило, быть не может! Она же почти ребенок, хотя действительно развита не по годам... Да нет, не может быть! Скорее всего, она его просто-напросто разыграла.

Дверь распахнулась, и в кабинет влетела разъяренная мать Ирины.

— Ах ты, педофил проклятый, я тебе покажу, как детей лапать! — закричала она с порога и, размахнувшись, ударила его сумкой.

Испуганный Сергей соскочил с кресла и забежал за стол на безопасное расстояние от взбешенной женщины.

— Да что случилось? — растерянно спросил он, совершен-

но не понимая, что происходит.

— Он еще спрашивает, что случилось, а когда к девочке под юбку лез, не спрашивал? — Она стала швырять в него ручки и карандаши, лежавшие на столе.

«Это какое-то безумие!» — подумал Сергей.

Внезапно наступившее паническое состояние помutilo его разум, неконтролируемый страх вызвал дрожь во всем теле. Глаза бессознательно забегали по комнате в поиске спасительного круга. Красный сигнал видеозаписи бесстрастно мигал с полки шкафа.

«Видеокамера».

Это слово прожгло его сознание и вернуло самообладание.

— Да остановитесь же вы, у меня все записано на видеокамеру, запись и сейчас продолжается.

— Где? — опешила она.

— Вон, — указал он в сторону шкафа. Затем вышел из своего укрытия, с опаской поглядывая на взъерошенную мамашу, взял пульт с журнального столика, стоявшего перед креслом, и сказал: — Сядьте и успокойтесь. Камера работала все то время, что я беседовал с вашей дочерью. Я сейчас перемотаю запись назад, и мы посмотрим по телевизору весь наш разговор. Ни я, ни Ира не вставали с кресел за все время беседы. Обратите внимание: на экране будет обозначено реальное время. Записал я совершенно случайно. Как теперь выяснилось, «во спасение». Впрочем, это не преступление.

Вы можете просмотреть все, но знайте: чем больше вы увидите, тем больше осложнятся ваши отношения с дочерью. При иных обстоятельствах я бы ни в коем случае вам эту запись не показал, а стер бы ее сегодня же. Ну а теперь не обессудьте, я ее сохранию на пару лет, чтобы обезопасить себя.

Он включил телевизор и нажал на пульте кнопку «Пуск».

«Вероятно, девочка испугалась возможных неприятных последствий нашего с ней разговора и наплела матери про приставания, чтобы дискредитировать, а тем самым и нейтрализовать меня. Ну аферистка! Похоже, все, что она рассказывала, правда. Но все равно нельзя показывать матери весь отснятый материал, надо что-то делать...» — думал он. На его счастье, на банном сюжете мать стремглав выскочила из кабинета.

***

После двух недель, проведенных в солнечной Индии, Сергей вернулся в угрюмый Питер.

Потеряв всякий интерес к работе, он каждый вечер спешил домой, к ее фотографиям. Это превращалось в навязчивое. Он увеличивал ее изображение, менял пейзаж, накладывал музыку, в индийском блоке все изображения мужа заменил на свои, и теперь они с Юлией красовались в Хампи и на морском побережье. По нескольку раз просматривал видеосюжет с демонстрацией эротического белья. Это вызы-

вало сексуальные фантазии и — о ужас! — мастурбацию.

Когда в пубертатный период он испытывал оргазм во сне, а затем начал активно мастурбировать, мама, заметив пятна на простыне, провела с ним ликбез. Его попытки объяснить ей, что этим занимаются все мальчишки, успехом не увенчались. Мама тут же привела контраргументы: если он не прекратит этим заниматься, ему грозят интеллектуальная деградация, физическая слабость и импотенция. Он всегда верил ей безоговорочно, но справиться с этой слабостью не мог и после очередной мастурбации отчаянно рыдал, ненавидя себя за отсутствие силы воли.

В истинности ее слов Сергей убедился при первой же попытке близости с женщиной. Он долго не мог достичь возделенной эрекции, а когда она все-таки случилась, семяизвержение произошло еще до собственно полового акта.

«Мама, как всегда, оказалась права», — думал Сергей, корчась от стыда и унижения, хотя его партнерша, оказавшись девушкой в высшей степени деликатной, всячески утешала его и уверяла, что обычно так и бывает в первый раз, а в следующий все непременно пройдет наилучшим образом.

Позже он понял, что мама была совершенно несведущей в этой сфере, а стало быть, заблуждалась, и это ее невинное заблуждение, сформировав у него чувство вины, породило большую проблему. Именно тогда он понял глубокий смысл выражения: «Благими намерениями...». Одновременно он пришел к умозаключению: «Знания, знания и еще раз зна-

ния делают нас в этой жизни счастливыми. Отсутствие же оных — несчастными».

***

И вот он снова, как подросток, занимается самоудовлетворением, но сейчас у него есть сладостный объект вожделения — Юлия. Он засыпал и просыпался с мыслями о ней.

«Так больше продолжаться не может, надо что-то делать», — подумал он и позвонил Кириллу — гениальному программисту, мужу клиентки, склонной к суициду.

Валерия (так звали жену Кирилла) была одной из первых, кому он помог еще в самом начале своей карьеры. Кирилл мечтал о сыне, а она родила ему трех девочек и страшно переживала, что не смогла угодить мужу, которого страстно любила. На этой почве у нее развился сначала бредовый синдром, а затем и суицидальные наклонности. И хотя Кирилл уверял ее, что глубоко заблуждался, что от пацанов одни проблемы, причем с годами все больше и больше, и что он невероятно счастлив в женском цветнике, все было тщетно, Валерию это не успокаивало – разрушительный механизм самобичевания заработал. Никто не мог ей помочь, лишь Сергей нашел способ ее умиротворения и впоследствии одним своим появлением он приводил ее в психологическое равновесие. Но для закрепления эмоциональной стабильности требовалось время, и он его не жалел. В периоды кризиса

проводил в их доме вечера, ходил с ними в кино, ездил за город. Словом, стал другом семьи.

— Старик, я перед тобой в вечном долгу, мне даже страшно представить, какие несчастья обрушились бы на семью, не будь в нашей жизни тебя, — говорил ему Кирилл, веруя в него, как в чародея.

И вот час пробил. Теперь Кирилл мог ему помочь избавиться от душевных мук.

— Я влюбился в Галатею, — начал свою исповедь Сергей. — Причем моя ситуация куда более безнадежная, чем у Пигмалиона. У того хоть холодная статуя была, а у меня — один лишь мираж.

— А попроще нельзя? — перебил его Кирилл. — Без этих витиеватостей.

— Я влюбился в женщину с фотографии. Кто она, откуда — не знаю. Впрочем, есть одна зацепка — пара снимков на фоне автомобиля.

— Делов-то, — меланхолично протянул Кирилл. — Если машина ее, то сегодня же я предоставлю тебе полное досье.

— А если нет? — с тревогой спросил Сергей.

— А если не ее, то завтра, — добродушно рассмеялся он. — Мы все под колпаком у ее величества Всемирной паутины.

Весь вечер Сергей не отходил от компьютера. Известий не было. Зато далеко за полночь он знал о ней все. Где живет, кем работает, чем увлекается, с кем дружит, где училась, ад-

реса и пароли в сетях и даже электронный вариант медицинской карты из районной поликлиники. Такая же подробная информация прилагалась о муже и подругах.

Он тут же вошел в Фейсбук — открылась вся ее переписка. В Твиттер — то же самое. Дрожащими руками, как мелкий воришка, которого вот-вот застукают, он открывал ее личные файлы и скрытые фотографии. Теперь он знал ее лучше мужа — она была полностью в его власти. Так, по крайней мере, будет, если он грамотно распорядится этой информацией.

Не сомкнув за всю ночь глаз, на работу тем не менее он пришел полный сил и энергии.

— Сергей Александрович, да вас не узнать! Такое впечатление, будто вы были на спортивных сборах и готовы побить все мировые рекорды, — заметила начальница.

— Может быть, может быть... — загадочно улыбаясь, ответил он и вспомнил рубаи:

Кто жизнью бит, тот большего добьётся.

Пуд соли съевший выше ценит мёд.

Кто слёзы лил, тот искренней смеётся.

Кто умирал, тот знает, что живёт!

***

Буквально за несколько дней с Сергеем произошли неве-

роятные метаморфозы. Провисшие плечи, сутуловатость куда-то ушли, неуверенная, похожая на топтание на месте походка стала стремительной. Мешковатую одежду блеклых тонов, лишавшую его всякой индивидуальности, сменили элегантные костюмы и яркие (но в меру) галстуки.

Обычно бесстрастное лицо все чаще освещалось улыбкой, голос приобрел мягкий бархатистый оттенок, глаза блестели. Никто не узнавал в спортивном, энергичном, жизнерадостном мужчине еще недавно вялого, угловатого «трудогилика».

«Итак, живет и работает в Центральном районе, по средам ходит на фитнес, судя по датам на фото, по субботам часто одна ездит за город. С этого, пожалуй, и начнем», — решил Сергей, разрабатывая стратегию по завоеванию Юлии.

Следить за ней было легко: ярко-красный БМВ резко выделялся среди других машин. Однако на его старенькой «хундайке», купленной у сотрудника по случаю, за ней трудно было угнаться. В первую же субботу она поехала, вероятно, на Карельский перешеек и оторвалась сразу после Ушаковской развязки. Зато в следующий раз ему повезло больше. Ударил морозы, выпал снег, который не стоял, и она, похоже, не могла пропустить эту красоту.

Он успешно следовал за ней до самого Пушкина, но у Екатерининского дворца она нагло въехала под знак. Сергей не мог себе этого позволить и понадеялся найти ее машину у дворца. Сколько ни кружил по переулкам, сколько ни ходил

вокруг, машину ее так и не отыскал.

«В Павловск она бы поехала другой дорогой, так что она где-то здесь. Авось повезет», — подумал он и направился в парк. Он не замечал красоты заиндевевших деревьев, не чувствовал мороза — он искал ее. Обойдя несколько раз вокруг дворца, Сергей углубился далеко в парк, но ее не было и там. Отчаявшись, он направился к выходу и здесь — о чудо! — увидел ее — она искала выгодную позицию для съемки Мраморного моста. Поравнявшись, он как бы между прочим обратился к Юлии:

– Пройдите по этой аллее назад метров двести и поверните направо — там, в замерзшем пруду между елями, отражаются развалины. Сказочный вид! Поверьте: это будет ваш лучший кадр.

Не задерживаясь, он проследовал дальше, держа в руках фотоаппарат, которым не сделал ни одного снимка. Теперь важно было не пропустить ее у выхода. Заняв удачную позицию, он дождался ее появления и стремительно направился наперерез.

– Ну что, нашли замерзший пруд? — весело спросил он.

– А, это вы... Да, спасибо, вы оказались правы: прекрасный кадр, сейчас покажу.

– Превосходно — мои снимки на фоне ваших просто бездарны! Всего вам доброго, — учтиво произнес он и удалился.

Сергей торжествовал – начало было положено, теперь в фитнес-клуб. Однако здесь произошла существенная заминка: свободных мест на то время, когда занималась Юля, не было, и ему пришлось ограничиться абонементом в бассейн.

«Может, это и к лучшему, — рассудил он. — Заниматься я бы не стал, а зацепить ее теперь и так смогу».

Необходима была еще одна «случайная» встреча, которая впоследствии вызывала бы у нее чувство вины.

В конце рабочего дня он подъехал к ее институту, дождался момента, когда можно было припарковаться прямо за ее автомобилем, и припер его так, чтобы нельзя было выехать. Спрятавшись неподалеку, Сергей стал ждать. Подойдя к машине, Юля сразу увидела эту ужасающую для каждого автомобилиста картину, но все же попыталась вырулить. Ничего не получилось – она изменила угол парковки и теперь не смогла двигаться ни назад, ни вперед. В отчаянии она стала толкать его автомобиль в надежде, что сработает сигнализация и появится злополучный водитель. Все было тщетно. Только после того, как, возводя руки к небесам, Юля стала поносить хозяина запершей ее машины на чем свет стоит, он вышел из укрытия и стал извиняться:

– Простите ради бога, я отлучился буквально на пять минут.

Он было вознамерился отогнать свою машину, но теперь

ей хотелось, чтобы все то, что она думала и говорила о нем в его отсутствие, этот урод услышал.

– Пять минут, час – какая разница! Разве так паркуются? Зачем было меня подпирать?

– Простите, но за мной тоже близко стояла машина – вот я и не вписался.

– Так не надо было тогда здесь парковаться! Не вписался он, видите ли! На этой лохматке вообще ездить нельзя! Что стоите, отъезжайте уже, — смягчилась она.

***

В бассейне Сергей как бы невзначай встретил ее около комнаты с фенами для сушки волос.

– Да вы меня, похоже, преследуете! — пошутил он. — Не волнуйтесь, здесь я свою, как вы выразились, «лохматку» ставлю за три квартала.

– Простите, я была не права, да и хамить не в моих правилах. Плохое настроение плюс спешка сделали свое дело. Простите меня, пожалуйста! Я уже только потом вспомнила, что это именно вы подарили лучший в моей фотоколлекции кадр.

– Извинения приняты, но, в сущности, виноват я — никудышный водитель. Предлагаю вместо выкуривания трубки мира выпить кофе. К тому же после бассейна в такой мороз не стоит выходить на улицу сразу даже в машину. Кстати,

меня зовут Сергей.

— Юля, — ответила она. — А вы что, врач?

— Нет, психолог. Просто здесь каждую осень об этом предупреждают. Не думаю, что они таким образом рекламируют кафе.

В буфете вкусно пахло жареным кофе. На фоне общего гула то тут, то там раздавался здоровый жизнерадостный смех.

— Надо же, как здесь уютно, а я ни разу и не была.

— Это потому, что вы ходите на фитнес одна.

— А вы откуда знаете?

— Как откуда? Я вас много раз здесь видел, — соврал он.

— Трудно не заметить такую спортивную, к тому же красивую девушку с очаровательной улыбкой! Да и потом это профессиональное — наблюдать за людьми.

Для продолжения успешного контакта Сергею необходимо было перевести разговор на психологию, и у него получилось.

— Меня всегда интересовало, чем занимается психология.

Что, к примеру, делаете вы? — спросила Юля.

— Психология — это наука о тайнах человеческой души, — ответил он. — Вот если вы сейчас нарисуете дом, дерево и человека, я смогу довольно многое и достаточно точно рассказать о вас.

— По одному лишь рисунку? — удивилась она.

— Да, — ответил он, достав из сумки блокнот и карандаш.

— А что-то еще я могу здесь нарисовать?

– Это на ваше усмотрение.

Юля начала рисовать. Тест, безусловно, был достаточно информативным, но он и не собирался вникать в детали изображения – он расскажет о ней столько, что она будет просто в шоке! Главное – не переборщить, побольше вариативности и ссылок на рисунок.

– Готово! — с вызовом протянула она ему блокнот.

Сергей вырвал лист с ее рисунком, покрутил его в руках, испытующе посмотрел на нее и сказал.

– Ну, во-первых, вы оптимистичный и жизнерадостный человек и находитесь на подъеме своих творческих сил. Вы не лишены чувства прекрасного, любите уют. — Здесь он вспомнил груды немытой посуды на нескольких фотографиях и добавил: — Впрочем, хозяйка вы не самая лучшая. Вы организованный и тактичный человек как дома, так и вне его. Легко приспосабливаетесь к окружающей среде. Вам не отказать в женственности.

– Ничё се! Что значит «не отказать»? — возмутилась Юля.

– Пардон, я неправильно выразился: вы женственная с восклицательным знаком. Более того, весьма сентиментальная. Кем вы работаете, по данному рисунку определить не могу – для этого нужен другой тест. Впрочем, замечу, что на службе вы чувствуете себя уверенно и как специалист, и как женщина, более того, вы ощущаете себя как источник эмоционального тепла и силы. Однако с уверенностью могу

сказать, что семья для вас гораздо важнее, чем работа.

— Ну, это, я так понимаю, общее положение, — заметила Юля.

— Не скажите: часто встречается наоборот, особенно у мужчин. Вы ведь начали рисунок с дома?

— Да, — ответила Юля.

— Значит, у вас в приоритете безопасность, уют, тепло домашнего очага и успех, кроме того, вы себя любите, вам не чужды потребности в признании и похвале.

— Так есть за что, — улыбнулась она.

— Ваш дом открыт для друзей, вы гостеприимная и радушная хозяйка, — продолжил он. — Вместе с тем вы испытываете некий дефицит эмоциональной теплоты.

— А как вы все это определяете? — спросила Юля. — Я вот, например, не могу сказать, что в этом плане чувствую себя обделенной.

— Видите ли, может быть, в реальности этого дефицита и нет, более того, вы получаете и знаки внимания, и проявление чувств, но где-то там, в глубинах подсознания, зреют беспокойство и страх угасания эмоциональной теплоты, возможного отдаления. А на рисунке об этом говорит отсутствие трубы. Тем более при такой скрупулезной прорисовке дома.

— Да-а, — задумчиво протянула Юля. — Оказывается, это серьезно и глубоко, а я думала, что все это забава.

— Судя по играющей группе детей и той тщательности, с

которой вы их нарисовали, вы относитесь к ним очень трепетно. Соотношение вашего возраста и количество играющих детей указывает на то, что не все они ваши. Стоп! Дети находятся слишком далеко от дома, к тому же справа. А этот человечек – ваш муж?

– Да.

– Так-так, интересно... — протянул Сергей. — Тогда с большой степенью вероятности могу сказать, что в данной группе ваших детей нет и, похоже, играющая возле дома девтора — это ваши мечты. Простите, если я ошибся. И вот что еще необычно в вашем рисунке: чувство опасности и тревоги. Не могу понять, с чем это связано, но оно не отпускает вас, несмотря на ваши оптимизм и уверенность в себе.

Юля вдруг как-то сникла, улыбка пропала с ее лица, и дальнейшую интерпретацию рисунка она слушала рассеянно, скорее из вежливости, чем из интереса.

«План удался – я ее зацепил!» — самодовольно оценил разговор Сергей.

***

Переданная ему Кириллом электронная медицинская карта была небольшой по объему, что указывало на отменное здоровье Юлии. Даже записи гинеколога не отличались многословием. Диагноз был коротким: ретрофлексия матки.

Сергей тут же завел ключевые слова в поисковик. «Ретро-

флексия матки, — прочел он, — нетипичное анатомическое положение матки вследствие загиба ее тела назад, в сторону позвоночника».

«Так, это неинтересно. — Он пробежал текст статьи по диагонали. — Вот, вот оно: ”В некоторых случаях ретрофлексия матки может сочетаться с бесплодием и невынашиванием беременности”».

— Вот в чем ее проблема, — вслух произнес Сергей. — И что же, это приговор? Похоже, нет: «Лечение направлено прежде всего на устранение причины заболевания, вызвавшего загиб». — Как же здесь много и путано написано, — посетовал он.

И все же шанс стать матерью у Юли определенно был. Ну что же, он сделает все возможное, чтобы ее мечта сбылась и она родила бы ребенка, все равно кого, мальчика или девочку, — он вместе с ней будет рад младенцу любого пола. Главное, чтобы она была счастлива.

Сергей скопировал эту и еще пару статей и начал лихорадочно перебирать в памяти клиентов, близких к медицине.

«Найду! — думал он. — Непременно найду лучших специалистов и подарю ей счастье материнства. Но прежде она должна понять, что именно я и только я могу ей помочь».

Он удобно расположился в кресле, закрыл глаза и начал рисовать в воображении картины их с Юлией счастливой семейной жизни.

Он вполне отдавал себе отчет в том, что это бредовые

фантазии, но не хотел изгонять их из своего воображения – они придавали ему нежную сладкую радость, которая распространялась на все его тело, делала его невесомым и счастливым.

***

На встречу с Кириллом, назначенную накануне, Сергей пришел крайне возбужденным.

– Так, процесс пошел, все хорошо, ты мне здорово помог, спасибо тебе огромное, дружище!

– Делов-то! — отмахнулся Кирилл.

– Если для тебя эта задача была простой, значит, и со следующей ты справишься.

– Смотря чего ты хочешь.

– Кирилл, мне крайне необходимо считывать видеoinформацию с камеры ее компьютера. Ну а если и звук при этом будет...

– Между прочим, это уголовно наказуемо.

– Так мы никому не скажем.

– Она сама может это обнаружить.

– Оставь, мы что, банковские секреты будем воровать? Это же банальная бытовуха для осведомленности, я бы даже сказал, для лучшего понимания любимой женщины. Ну так что, это возможно?

– Сергей, ты же понимаешь, что я не могу, не имею мо-

рального права тебе отказать, но я же рискую карьерой.

– Клянусь тебе: под пыткой не выдам, выручи!

– Хорошо, программы я надыбаю, но там необходимо кое-какое оборудование, это денег стоит.

– Не вопрос.

Сергей как чувствовал, что это не пустая затея. За рабочим столом в квартире супружеской пары, где лежал ноутбук, под углом стояли два книжных шкафа, в стеклах которых отражалась вся комната, и камера компьютера улавливала эти отражения. Пусть не так ярко и четко, как хотелось бы, но все же улавливала. К тому же они таскали ноутбук по квартире, так что Сергей оказался посвящен во все тайны молодой семьи.

***

В первые дни он не отходил от компьютера. Квартира, где проживала пара, была однокомнатной, и вся их жизнь была на виду. Даже когда Юлия готовила ужин, муж шел с ноутбуком на кухню, смотрел на Ютубе видеосюжеты и между делом общался с женой. На ночь компьютер выключался и представление заканчивалось. Сергей не хотел себе в этом признаваться, но он с нетерпением ждал сцены любовных утех. И вот этот момент настал. В выходные мужа понесло, он, как лев во время гона, готов был заниматься этим постоянно, да и Юлия явно была не против. У Сергея возник-

ло чувство презрения к этой отвратительно счастливой паре, и он выключил компьютер. Когда же он включил его снова, то застал прежнюю картину. Теперь они полуголые ходили по квартире и то и дело приставали друг к другу. Это возбудило его, и он, с чувством глубокой жалости к себе, уязвленный до глубины души начал мастурбировать. К его удивлению, энергии у него было не меньше, чем у мужа, но вот в продолжительности он ему значительно уступал.

Распластавшись на диване, супружеская пара смотрела эротический фильм.

— Я умираю от жажды, — нарочито простонал Владимир. — Спаси меня!

Она проворно соскочила с постели и юркнула на кухню. Через несколько минут Юля вернулась, неся поднос с фужерами и бутылкой шампанского.

— Извольте, мой господин, этот божественный напиток утолит вашу жажду.

Володя повернулся к жене и расхохотался. На ней был легкий халатик, подол которого был задран и задрапирован так, что закрывал голову и лицо Юлии, оставляя открытыми лишь ее смеющиеся глаза. Некое подобие никаба при совершенно обнаженном ниже пояса теле выглядело сверхэротично. Володя принял поднос, наполнил фужеры шампанским и прошептал:

— Открой свое личико, Гюльчатая.

В ответ прозвучало робкое:

– Я стесняюсь, мой господин.

Юля взобралась на кровать и, поставив ногу на его плечо, маленькими глотками стала пить искрящийся напиток. Владимир залпом выпил содержимое бокала, взял ее фужер, допил шампанское и, словно в первый раз, жадно набросился на Юлю.

Сергей больше не в силах был на это смотреть. Он выключил компьютер, и слезы полились из его глаз.

«Господи, да что же это со мной происходит! — в отчаянии думал Сергей. — Как я мог докатиться до такого ничтожного состояния, как это мерзко и постыдно!»

***

Впрочем, некоторую сексуальную аномалию он замечал за собой и раньше.

Это случилось в Гоа. Сергей нежился на лежаке и наслаждался видом моря, когда на пляже появилась красивая стройная девушка лет двадцати. Она хаотично сновала по пляжу и наконец, заметив рядом с Сергеем свободный лежак, устроилась на нем. К девушке тут же подбежал индус. Они долго что-то обсуждали. Наконец она вынула из рюкзака деньги и, не считая, отдала ему. Судя по всему, девушка была американкой.

Недовольно бурча что-то себе под нос, парень направился в сторону шейки — прибрежного кафе – и вскоре вернулся

с сигаретами. Она жадно закурила. В воздухе сильно запахло марихуаной. Выкурив все три принесенные ей сигареты, девушка отключилась. Создавалось впечатление, будто она растеклась по матрасу, — так бесформенно и вяло было ее тело.

«Несчастливая, — подумал Сергей, — такая красивая, совсем юная, и уже наркоманка! Ладно, если это лишь эпизод в ее жизни, а если нет и она останется зависимой навсегда...» Через пару часов девушка приподнялась на лежаке и стала жестами призывать индуса к себе, но он демонстративно ее игнорировал. Видимо, спор накануне был о деньгах. Похоже, она отдала последние и уже не представляла для него никакого интереса. Девушка встала и нетвердой походкой направилась в кафе.

Солнце клонилось к горизонту, и Сергей решил вернуться в отель. За шейком была огороженная пальмовыми листьями территория. Проходя мимо, Сергей увидел ужасающую картину. На изорванном матрасе, валяющемся на земле, лежала бесчувственная девушка с пляжа, на ней лихорадочно бился в экстазе пожилой индус, трое голых молодых парней стояли в ожидании своей очереди.

Сергей бросился было к дыре, зияющей в изгороди, чтобы спасти девушку, но то ли страх, то ли здравый смысл остановил его. Он встал у забора и долго наблюдал за происходящим. Из кафе выходили все новые и новые индийцы, а он все стоял и смотрел. И вдруг он поймал себя на том, что его

грязное потаенное «Я» страдает от того, что на месте этих индийцев находится не он. Сергей пришел в ужас от такого открытия. Он отпрянул от забора и быстро зашагал в отель, решив все-таки вызвать полицию.

— Полиция не приедет, — спокойно сказал секьюрити, выслушав Сергея. — К сожалению, слишком многие девушки, не имея денег, рассчитываются за наркотики своим телом. Это здесь в порядке вещей.

Сергей долго переживал случившееся. Ему было жаль девушку и мучительно стыдно за себя. Он и не подозревал, что в глубинах его сознания таится столько мерзкого и низменного.

***

Сергей вернулся к рабочему столу. Дрожащими от волнения руками он почти что против своей воли включил компьютер и стал свидетелем очередной любовной сцены.

Юля стояла перед мужем, потупив взор, а он, лежа на диване, пытался засунуть ногу под апостольник, сооруженный ею из халата. Он закрывал ее голову, открытым оставалось лишь ее поистине ангельское лицо. С головы ткань спадала на плечи до пояса, скрывая шею, грудь и руки. А ниже... ниже было обнаженное тело, и муж похотливо водил по нему ногой.

Животную страсть, охватившую было Сергея, сменил

приступ бешеной ревности. Руки его дрожали, грудь распирало от боли, воздуха не хватало, глаза налились слезами, и он зарыдал. Это был плач жестокого отчаяния. Мышцы сводило, в горле застрял огненный ком, его всего трясло. В ярости он вдребезги разбил клавиатуру, и монитор погас.

Неделю он не включал компьютер, дважды пропустил басейн. Он не желал ее больше видеть — эту развратницу, мерзкую потаскуху. Вот уж воистину дитя порока — ганика Джия! Он так мечтал сделать ее счастливой, подарить ей радость материнства — да какая из нее мать, из этой похотливой самки! Нет, он забудет о ней как о каком-то недоразумении, выкинет ее из своей жизни! Но время шло, гнев сменился тоской, и ему стало казаться, что его жизнь навсегда утратила смысл. Ему было больно двигаться, говорить, думать. Сами собой, из ниоткуда в его голове возникли строки некой сюрреалистической истории.

БЪЕНАМЭ

Едва он переступил порог квартиры, как началась гроза. Небо заволкло тучами, на дворе потемнело, и сверканье молний в этой темноте казалось зловещим. Гром грохотал непрерывно, дождь лил стеной.

Он распахнул окно, и мощный порыв ветра взметнул ярко-красные занавески, походившие в блеске молний на языки пламени, лижущие стены комнаты, увешанные театраль-

ными куклами. Они были размещены по группам, каждая из которых представляла собой отдельную сцену, но вместе они составляли единую композицию. Лишь одна из кукол особняком сидела на полке нога на ногу, в руке она держала сигарету, лишенный всякого выражения взгляд ее стеклянных глаз был устремлен в никуда. Она являла собой образ женщины, отрешенной от мирской суеты, много повидавшей и испытавшей, а потому бесконечно уставшей от жизни.

Внезапно в распахнутое окно влетела шаровая молния и заметалась по комнате, оставляя огненный след. Он оцепенел от ужаса, мысленно прощаясь с жизнью. Вот молния подлетела к стене, где висели куклы, и задела висевшую там собаку – та взвизгнула, сорвалась с гвоздя и упала на пол. Молния влетела в камин и исчезла в дымоходе, по дороге задев свисающие одежды одинокой куклы, которые мгновенно вспыхнули. Та вскрикнула, прыгнула с полки, но, зацепившись шарфом за гвоздь, повисла в воздухе, а пламя уже лизало ее тело.

– Спаси меня, Бьенамэ! — закричала она, и лицо ее искажилось от ужаса.

Пламя перекинулось на шарф куклы, она сорвалась с гвоздя, упала и начала кататься по полу, пытаясь сбить с себя пламя. Набросив на нее свой пиджак и погасив огонь, он поднял ее, а она обхватила его шею руками и зарыдала, судорожно вздрагивая и повторяя: «Бьенамэ, Бьенамэ, Бьенамэ».

– Я не Бьенамэ, — попытался возразить он. — Я...

– Нет-нет, — перебила она его и закрыла ему рот ладонью. — Пожалуйста, не спорь! Я всегда мысленно звала тебя только так и никак иначе, так что позволь мне делать это и впредь, Vienaiņe — мой любимый...

И кукла начала рассказывать ему о том, как все то время, что она провела в его доме, страдала от того, что он приводил шлюх и проводил с ними ночь, как целовала его, когда он спал один...

– Теперь ты мой, мой навсегда, — шептала она, обхватив его шею руками и осыпая поцелуями.

Бьенамэ не смог противиться охватившему его желанию. Он сорвал с нее обгоревшие лохмотья, подхватил на руки и, бережно уложив на кровать, лег рядом с ней. Их тела сплелись, и время для них остановилось... Дыхание ее было горячим, а кожа — нежная, как у младенца. Ее тело страстно откликалось на каждое его прикосновение. Ему никогда и ни с кем не было так хорошо. Когда они наконец смогли оторваться друг от друга, то долго лежали молча, переводя дыхание.

– Знаешь, это все как-то странно, — задумчиво произнес юноша. — Я бы даже сказал, противоестественно... Ты же все-таки кукла...

– Это абсолютно не важно, — прервала она его. — Главное, что мы теперь вместе, Бьенамэ. Послушай, дорогой, у меня же сгорела одежда, но не могу же я ходить голой. Так что придется тебе пригласить портниху на дом – мне ведь

даже на улицу не в чем выйти. Да и размеры у меня, сам понимаешь, нестандартные.

— Как, ты собираешься куда-то выходить? — удивился он.

— А как же! Теперь мы будем ходить с тобой в театры, рестораны, к твоим друзьям. Ты ведь познакомишь меня с ними, не правда ли, Бьенамэ?

— Да, конечно, — сказал он, скорее оттого, что не знал, что ответить, нежели из согласия.

— Ты знаешь, — сказала она, разглядывая себя в зеркало, — зови меня Юнфамлежер — так меня назвал главный режиссер, после чего и все куклы в театре стали звать меня так. Но эту историю я расскажу тебе как-нибудь в другой раз. А сейчас давай спать, я сегодня очень устала.

На следующий день он пригласил портниху. Она пришла вечером, и Юнфамлежер заказала ей сразу несколько платьев, в том числе одно вечернее.

— Вы знаете, — говорила Юнфамлежер, — я не мыслю своей жизни без театра и считаю, что театральное платье должно быть самым эффектным.

Бьенамэ нервничал, у него была срочная работа, которую вынужден был взять домой, чтобы поскорее ее закончить вечером, но обсуждение туалетов Юнфамлежер затянулось надолго, и он ходил по комнате в томительном ожидании.

— Бьенамэ, — услышал он, — приготовь нам, пожалуйста, кофе.

«Ну, это уж слишком!» — подумал он, но покорно отпра-

вился на кухню.

— Сколько все это будет стоить? — спросил он портниху, провожая ее к выходу.

— Я пока не могу сказать точно, — ответила она. — Надо посчитать. Когда будете получать заказ, я выставлю вам счет. А сейчас внесите, пожалуйста, аванс. — И она назвала сумму, от которой у Бьенамэ потемнело в глазах. Но девять-ся было некуда, и ему пришлось отдать портнихе почти все деньги, что у него были.

— Что ты такого поназаказывала? — сердито спросил он Юнфамлежер, вернувшись в комнату. — Ты что, разорить меня решила?

— Перестань возмущаться по пустякам. Неужели ты не хочешь, чтобы я, твоя женщина, хорошо выглядела? Или тебе просто жалко тратить на меня деньги?

— Я зарабатываю отнюдь не миллионы, — раздраженно ответил он.

— Да ладно тебе приbedняться! — рассмеялась Юнфамлежер и, взяв за руку, потащила его за собой. — Иди ко мне, Бьенамэ, — поманила она его, раскинувшись на кровати. — Я расскажу тебе о моей любви с режиссером театра. Его звали Всеволод, но я называла его Монама — «мой любовник», — потому что как только я появилась в театре, в первый же день, после репетиции, когда все актеры ушли, он почти силой взял меня, и я стала его любовницей. Он был старым, безобразным и ужасно развратным. Все хорошень-

кие куклы, да и молодые актрисы страдали от его домогательств. Некоторое время я вместе со всеми куклами жила в кладовой театра. Ах, какая однообразная это была жизнь: утром репетиции, вечером спектакли, затем любовь с Монама и опять кладовая! Правда, и здесь я не скучала. У меня был любовник. Он играл всего лишь в одном спектакле, да и то какую-то крохотную роль. Он был юн и красив, но отвратительно расчетлив. Позже, когда я узнала, что он благодаря моей связи с Монама хочет получить главную роль, я порвала с ним, но так как я все еще его любила, то больше не могла оставаться в театре и потребовала от Монама, чтобы он забрал меня к себе.

Монама был женат, и ему пришлось снимать для меня квартиру. О, это были лучшие годы в моей жизни! Он приводил ко мне своих друзей, среди которых было много незаурядных личностей. Мы пили вино и говорили об искусстве, спорте, политике... Я знала, что очень нравлюсь некоторым из них. Были и такие, кто пытался соблазнить меня, обещая едва ли не райскую жизнь. Однако я всем им отказывала. Но однажды ко мне пришел помощник Монама. Он должен был забрать документы, которые его шеф забыл у меня накануне. Парень был так молод и хорош собой, да к тому же смотрел на меня с таким вожделением, что я не устояла. С тех пор он стал приходить ко мне почти каждый день, и мы часами занимались любовью. Но однажды Монама вернулся в неурочное время и застал нас в постели. Он закатил дикий скандал,

надавал мне пощечин, а бедного парня выгнал и велел ему больше не появляться в театре.

После этого случая Монама стал все реже и реже навещать меня, а в последний свой визит притащил с собой женщину. Она была рыжей и тощей, да к тому же пьяной и несла всякую чушь. Монама запер меня в шкафу и всю ночь развлекался с этой потаскухой. Но я не из тех, кто позволяет обращаться с собой подобным образом...

Юнфамлежер замолчала, уставившись в стену невидящим взглядом.

— А что же было дальше? — нетерпеливо спросил Бьенамэ, желая услышать продолжение рассказа.

— Что? — очнулась она. — Ах, дальше... Потом его не стало, а я вернулась в театр, и через пять лет, когда я почти уже не играла, ты забрал меня оттуда вместе с другими куклами. Когда ты вошел в театральную кладовую, все они тут же начали перешептываться, так как ты им очень понравился. А на меня ты сначала не произвел особого впечатления, но затем я в тебя влюбилась. Мне нравилось в тебе все: и как ты морщишь лоб, обдумывая что-то во время работы, и как ласково разговариваешь со своими кактусами, когда ухаживаешь за ними... Ты часто подходил к нашей стене и смотрел на нас со своей очаровательной улыбкой: смотрел на всех, кроме меня. Когда ты переводил взгляд на меня, твое лицо становилось строгим, пожалуй, даже сердитым. Похоже, ты не любишь легкомысленных женщин, а я, наверное, казалась

тебе именно такой и, может быть, даже вульгарной. Куклы знали, что я равнодушна к тебе, и всякий раз, когда ты смотрел на меня с таким выражением лица, смеялись надо мной. И вот теперь ты наконец-то мой, Бьенамэ.

Проходили дни, недели, и Юнфамлежер начала все чаще и чаще сетовать на то, что он уделяет ей мало внимания, не знакомит с друзьями, никуда не водит. Устав от ее упреков, он купил билеты на балетный спектакль и повел ее в театр. И хотя их места были в одном из первых рядов партера, когда они сели, стало понятно, что Юнфамлежер по причине своего маленького роста почти ничего не увидит. Он не решился посадить ее на колени, да и она, похоже, этого не желала. Происходящее на сцене явно не слишком ее занимало. Юнфамлежер без конца ерзала в кресле и рассматривала зрителей в бинокль, словно надеясь отыскать кого-то из знакомых, и Бьенамэ это страшно раздражало.

Едва после первого акта в зрительном зале зажегся свет, Юнфамлежер потащила его в фойе и весь антракт дефилировала там, нарочито громко беседуя с ним, явно желая привлечь к себе внимание публики. Бьенамэ чувствовал себя очень неловко и очень обрадовался, когда прозвучал звонок, извещавший о начале второго акта.

Вернувшись в зал, они обнаружили, что в пустовавшем до того соседнем с Юнфамлежер кресле со скучающим видом вальяжно развалился очень крупный мужчина в дорогом костюме. Рядом с ним сидела увешанная бриллиантами

дама – судя по всему, его жена. Похоже, супруги приехали в театр после банкета, поскольку в воздухе витал запах дорогого алкоголя. Мужчина явно скучал, но, увидев Юнфамлежер, заметно оживился. Ее, похоже, он тоже заинтересовал. Впрочем, пожалуй, не столько он сам, сколько врезавшийся в его жирный палец огромный и явно очень дорогой перстень. Сначала они просто обменивались взглядами, словно присматривались друг к другу, затем мужчина задал Юнфамлежер какой-то вопрос, она ответила, и спустя мгновение они уже оживленно шептались, совершенно игнорируя замечания возмущенных соседей.

Из театра пары вышли вместе.

– Так, значит, увидимся в субботу, — прощбетала Юнфамлежер, прощаясь с супругами. — Пожалуйста, не забудьте: ждем вас к шести часам.

– Всенепременнейше будем! — целуя ей руку, заверил толстяк, игнорируя негодующий взгляд жены. — Всенепременнейше!

– Что это значит? — гневно спросил Бьенамэ Юнфамлежер, когда они вернулись домой. — С какой стати ты приглашаешь гостей без моего ведома?

– Ну не злись, любимый! — взмолилась она. — Ты ведь знаешь, мне же так одиноко. Больше этого не повторится. — Она прижала руки к груди и умоляюще посмотрела на Бьенамэ.

Ему стало жалко ее, и он смирился.

– Ладно уж... Но чтобы это было в первый и последний раз! — строго сказал он.

Толстяк оказался владельцем овощной базы. За столом он говорил исключительно о том, как невероятно трудно предохранить от порчи все эти овощи-фрукты, и жаловался на мерзавцев-поставщиков, постоянно норовящих подсунуть ему всякую гниль. Его жена и Бьенамэ откровенно скучали и с нетерпением ждали окончания этого затянувшегося монолога. Похоже, внимательно слушала толстяка только Юнфамлежер: она сочувственно кивала головой и время от времени успокаивающим жестом касалась его огромной руки своими тонкими пальчиками.

– Не хотите ли посмотреть мою коллекцию кактусов? — шепотом спросил изнывающую от скуки гостью Бьенамэ.

– О да, с удовольствием! — с неподдельным энтузиазмом откликнулась она. — Вы знаете, я ведь тоже развожу цветы. Это мое хобби.

Извинившись, они вышли из-за стола и отправились на лоджию, которую Бьенамэ приспособил под садик с экзотическими растениями. Пока он увлеченно рассказывал женщине об особенностях каждого сорта кактусов, а она слушала его с неподдельным интересом, оставшаяся в комнате парочка, судя по раздававшемуся оттуда игривому хихиканью, перешла к обсуждению тем куда как более приятных и интересных, нежели предохранение от порчи фруктово-овощной продукции.

Провожая гостей, Бьенамэ заметил, как Юнфамлежер сунула в карман толстяку записку.

Спустя некоторое время молодой человек по возвращении с работы стал все чаще замечать в квартире явные следы пребывания в его отсутствие другого мужчины. Он пытался выяснить у Юнфамлежер, кто же это наносит ей визиты, пока его нет дома, но она в ответ только смеялась и называла его сумасшедшим ревнивцем. Честно говоря, появление у нее любовника Бьенамэ даже обрадовало: юноша надеялся, что этот таинственный гость заберет ее к себе и он сможет наконец вернуться к прежней спокойной жизни. Юнфамлежер уже не волновала его как прежде, а скорее раздражала. Молодой человек устал от ее бесконечных капризов и претензий. И чтобы ускорить процесс расставания, однажды он привел женщину. Юнфамлежер уже спала. Бьенамэ осторожно завернул ее в одеяло и засунул в шкаф. Утром его разбудил страшный грохот. Женщина уже ушла, и Бьенамэ выпустил бившуюся в истерике Юнфамлежер из шкафа. Оказавшись на свободе, она сразу успокоилась, села в кресло и замерла, как неживая, совершенно игнорируя все попытки Бьенамэ заговорить с ней.

— Да и черт с тобой! — разозлился он. — Поговорим, когда успокоишься. Похоже, нам есть что обсудить. — И ушел, громко хлопнув дверью.

Когда Бьенамэ вернулся, то застал Юнфамлежер в той же самой позе. На его попытки заговорить с ней она по-преж-

нему не реагировала. Он решил, что называется, дать болезни естественный ход и отправился спать, надеясь, что к утру Юнфамлежер перебесится и они смогут обсудить сложившуюся ситуацию.

Едва Бьенамэ заснул, Юнфамлежер выбралась из кресла, нашла веревку и подошла к постели. Один ее конец она привязала к полке, висевшей над кроватью, а из другого соорудила петлю и накинула ему на шею.

– Прощай, Бьенамэ, любимый мой, прощай навеки, — прошептала она и выдернула из-под его головы подушку. Потом подошла к стене с куклами и села на свое место, вытянув длинные ноги в красных чулках и поднеся ко рту сигарету.

***

Тоска, как спрут, опутывала и пожирала Сергея, и он снова стал помышлять о смерти, как тогда, когда кристально чистая, животворящая любовь так быстротечно и трагично окончившаяся, разбилась о непреодолимое препятствие, оставив глубокий кровавый шрам в его жизни.

Ангельский лик Светланы явился перед ним, как что-то неземное. Это уже потом он понял, что наполовину этот святой образ был потусторонним.

Как-то раз, когда он выходил из центра, кто-то робко тронул его за рукав. Сергей оглянулся и увидел девушку, смотревшую на него огромными небесно-голубыми глазами с

мольбой и надеждой.

– Вы что-то хотели? — доброжелательно спросил он.

– Пожалуйста, выслушайте меня! Вы один можете мне помочь.

– Ну что вы, конечно же, я постараюсь. Как можно отказать такой славной девушке! Только, пожалуйста, сначала объясните, в чем, собственно, дело?

– Я позавчера увидела вас по телевизору и сразу поняла, что вы именно тот человек, который мне нужен. Два дня я потратила на ваши поиски, и вот я перед вами. Ради бога, не отказывайте мне!

Сергей действительно недавно участвовал в телепередаче о самопознании и самокоррекции. Его знакомые и коллеги в один голос утверждали, что в дебатах ему не было равных и на его фоне маститые профессора выглядели недоучившимися студентами. Сергей и сам заметил, что ведущий, равно как и звонившие телезрители, чаще всего адресовали свои вопросы именно ему.

– Так, может быть, вы наконец расскажете мне о своей проблеме? Иначе как я смогу вам помочь? — спросил Сергей.

– Понимаете, вот уже несколько лет я как бы растворяюсь во времени и пространстве. Я не ощущаю, не осознаю себя, не понимаю, кто я и где нахожусь, я исчезаю.

– И надолго? — спросил заинтригованный Сергей.

– Когда как. Иногда на несколько часов. Если рядом близ-

кие, они укладывают меня в постель и через какое-то время начинают со мной общаться. А если их рядом нет, то я не знаю, что со мной происходит. Иногда я оказываюсь на другом конце города.

— Я даже не буду высказывать никаких предположений, это абсолютно не в моей компетенции. Вам следует незамедлительно обратиться к психиатру.

— Да уж к кому я только не обращались, даже дважды по месяцу находилась на лечении в психиатрической клинике — никто не смог мне помочь. Вы моя последняя надежда!

— Поймите, девушка, это не мой профиль! — взмолился он. — Вряд ли я смогу что-то сделать, а уж тем более на ходу.

— Нет-нет, вы-то как раз и сможете, только вы и сможете, я в этом абсолютно уверена! Не на ходу, конечно... А давайте пойдем в кино. Нет, пожалуй, лучше в кафе. Я приглашаю вас в кафе, девушке отказывать неприлично. Ой, — осеклась она, — я так напирала и даже не поинтересовалась, есть ли у вас время.

— Время-то есть, а вот денег на кафе с собой нет, их нет даже на кофе, — признался он. — Так что приглашение принимаю на ваших условиях.

Они общались так, как будто знали друг друга вечность. Эта нелепая встреча сделала их близкими друзьями. Света запрограммировала себя на такую степень доверия к Сергею, что стоило ему даже по телефону сказать ей: «Тебя зовут Светлана, тебе двадцать два года, твое сердце бьется ровно,

легкие дышат свободно, тебе хорошо, ты знаешь, что тебе нужно и как это сделать» – как она моментально выходила из забытья и продолжала жить как ни в чем не бывало.

Ведущий ее психиатр, немолодой и опытный врач, отреагировал на это чудо громогласным восклицанием: «Этого не может быть, но пусть будет!»

Если Света «растворялась в пространстве» в присутствии Сергея, он заключал ее в объятия и нежно шептал:

– Я с тобой, у нас все в порядке.

– Да, конечно, любимый, – отвечала она, – я уже в норме.

Ровно год – 8760 часов, каждую из 525 600 минут – он опекал ее, защищал от недуга, холил и лелеял, как беззащитного ангела.

Но именно в тот год выяснилось, что Света больна лейкемией и чуда не произойдет – она уйдет, уйдет навсегда.

Даже не потому, что Сергей надеялся внушить ей веру в излечение, а потому, что хотел, чтобы она ушла счастливой женой, его женой, он сделал ей предложение, и они готовились к свадьбе. По злой иронии судьбы, Света умерла ночью накануне венчания, со святой верой в счастливый конец.

***

Сергей не нашел в себе силы быть на похоронах. Казалось, ее потерянности во времени и пространстве теперь стала и его уделом. И мать, и родные Светы поняли его и поддержи-

вали как могли. Но все было тщетно. Депрессия вселилась в каждую клетку его организма, в каждое действие и слово, в мысли. Он стал сторониться сотрудников и знакомых – они казались ему какими-то потусторонними. Или это он находился вне реальности?

Все его раздражало. Даже мать стала какой-то лишней – он начал прикрикивать на нее, но, взглянув в ее полные слез глаза, бежал в цветочный магазин и, умоляя о прощении, вручал ей очередной букет. А она, рыдая, все снова и снова повторяла:

– Крепись, сынок, ты справишься!

***

Покой приносили только встречи с любимой. Когда Света приходила к нему, он запирался в комнате и подолгу говорил с ней. Она же жаловалась, как ей без него одиноко, и звала к себе.

«Как там говорил Павлов: идея самоубийства возникает у человека вследствие исчезновения “рефлекса цели”? Вот я и есть такой человек. Светлана ушла, и мне незачем оставаться здесь без нее.

«Не станет нас». А миру – хоть бы что!

«Исчезнет след». А миру – хоть бы что!

«Нас не было, а он сиял и будет!»

«Исчезнем мы...» А миру – хоть бы что!

Да, прав был великий Хайям: миру все равно, есть мы или нас нет...

Интересно, если бы мы были индусами и она была мне женой, приветствовалось бы мое восшествие на погребальный костер соотечественниками или исполнение обряда “сати” – это участь лишь обездоленных женщин? В этом древнем ритуале что-то есть! Мир без любимого человека опустошен, безвкусен – и жизнь теряет всякий смысл, исчезает “рефлекс цели”».

Все снова и снова он повторял страдальческие строки Хайяма:

О горе, горе сердцу, где жгучей страсти нет.

Где нет любви мучений, где грёз о счастье нет...

Аккуратным каллиграфическим почерком Сергей написал матери письмо, пытаясь убедить ее в том, что при всей его нежной любви к ней без Светы он не мыслит своего существования и что если он уйдет сейчас, то непременно воссоединится с любимой, и будут они порхать бабочками над цветущими лугами. И если мать его любит и желает ему счастья, она не будет страдать, а порадует за него.

Так он думал и с верой в истинность этих мыслей погрузился в ванну, наполненную горячей водой, чтобы вскрыть

себе вены. Но едва острие бритвы коснулось кожи, как по дому пронесся дикий вой.

«Какое странное начало конца!..» – подумал он, но вой, переходящий в стон, повторился. Теперь он явно раздавался из маминой комнаты. Сергей инстинктивно вскочил, накинул халат и бросился к ней. Она металась по кровати, размахивая руками.

– Мама, мама, что случилось? – с испугом проговорил он, щелкнув выключателем.

Она открыла глаза, взгляд ее был исполнен дикого ужаса. Сергей присел у ее изголовья и нежно поправил растрепавшиеся волосы.

– Господи, – с трудом произнесла она, – это был сон! Мне приснилось, будто жуткое чудовище хочет поглотить тебя и я, преодолевая страх, отбиваю тебя что есть сил... Боже, какой это был кошмар! Я разбудила тебя, прости!

Она обвила его шею руками:

– Какое же все-таки счастье держать свое чадо в объятиях! Иди ложись, а то не выспишься. Прости! Спокойной ночи.

Сергей погасил свет и вышел из комнаты.

Он долго смотрел, как вода вытекает из ванны, спиралью закручиваясь в стоке, и с ужасом думал, как легко готов был уйти из жизни и на какие страдания мог бы обречь свою горячо любимую мать.

Как магическое заклинание, прозвучали в его голове слова мудрого Хайяма:

От безбожья до Бога – мгновенье одно!

От нуля до итога – мгновенье одно.

Береги драгоценное это мгновенье:

Жизнь – ни мало ни много – мгновенье одно!

Все-таки правы были древние греки, считавшие преступлением даже попытку покончить с собой и отсекавшие за это руки несостоявшемуся самоубийце...

***

И вот он снова влюбился, но любовь разрушает и опустошает его, и нет сил освободиться от этого гнета...

Чему там он учит своих клиентов в подобных ситуациях – сосредоточиваться на позитиве? Но позитива не было, была одна грязь и мерзость. Мысли о Юлии – порочные и скабрёзные – заполняли его и не отпускали. Измученный самоистязанием, он против своей воли пошел в фитнес-клуб. Плавать не стал – устроился в кафе и стал ждать.

«Чего, собственно, я жду? Почему она непременно должна сюда зайти, да и заметит ли меня? – думал он. – Впрочем, лучше бы не заметила, и тогда все, может быть, уляжется. Мне уже спокойнее. Дрожь ушла из моего тела. Я ясно мыслю. Мне никто не нужен. Я...»

– Привет, – раздалось за спиной, – а я уже подумала, что

ваш абонемент закончился. – Юля уселась напротив него и тут же вскочила. – Ой, что это с вами?

Зрачки ее расширились, на лице появилась гримаса со- страдания, перерастающего в страх.

Сергей опешил от такой реакции, но тут же сориентиро- вался:

– Грипп. Я переболел гриппом. Вымучил он меня...

– Бедненький! – Она взяла его руки в свои ладони и стала гладить.

«Боже мой, какое это блаженство, – подумал он, – какое счастье, а я, дурак, хотел все это разрушить! Нет, я не остав- лю ее ни при каких обстоятельствах, я добьюсь ее во что бы то ни стало!» Сердце его затрепетало, и сладкие щекочущие импульсы разошлись по всему телу, а из глаз вдруг брызну- ли слезы.

– Вот видите, глаза еще слезятся, – сказал Сергей, совсем не желая вытирать сладких слез. Юля протянула ему салфетку, и он вытер лицо, ощущая умиротворение.

Она была такой милой, такой нежной и славной! С ее ли- ца не сходила улыбка. Добрая и одновременно слегка хули- ганистая улыбка придавала Юле детское обаяние, и вместе с тем она была олицетворением женственности.

Она улыбалась, когда ей было весело и когда было груст- но, даже ощущение отчаяния и страха она передавала по- средством улыбки.

«Любопытно, – думал Сергей, – знает ли она о философии

улыбки в Японии, где немногословность заменяется улыбкой и различают не только улыбку радости и веселья, но также осудительную и насмешливую улыбку? Свое “я понимаю” или “я не понимаю” японец может обозначить улыбкой. Реакция на неудачу – улыбка. Даже о смерти близких они говорят с улыбкой, чтобы не нарушить общественный покой. Или она делает это по наитию, по своей душевной доброте?»

– У нас в институте как раз сейчас работают над исследованием нового штамма гриппа, – нарушила его размышления Юля, – над его воздействием на кровь и методиками обнаружения.

Она рассказала ему, что работает в НИИ гематологии и трансфузиологии, занимается иммунологическими реакциями организма.

Сергей делал вид, что с заинтересованностью слушает ее рассказ, оживленно сопровождая репликами: «Да-а-а?», «Интересно!», «Я даже не подозревал», хотя ничего нового она ему не сказала. Он скрупулезно изучил структуру и профиль работы института, где трудилась Юля, читал ее статьи и даже просмотрел пару научных отчетов и теперь лучше иных сотрудников НИИ знал все направления его научной деятельности.

– А правда ли, что по группе крови можно определить характер человека, узнать предрасположенность к заболеваниям? – спросил он, рассчитывая на ее неосведомленность и желая блеснуть своей компетентностью. Но, к его разочаро-

ванию, Юля воскликнула:

– Да-да, не одни вы со своими тестами можете «прочитывать» человека, ведь группа крови – это основной фундаментальный фактор всех биохимических процессов, происходящих в нашем организме. Японские ученые уже много лет успешно занимаются исследованиями в этой области. По их данным, люди с первой группой крови жаждут власти и часто достигают главенствующих позиций. Они большие энтузиасты и с оптимизмом смотрят в будущее.

Люди со второй группой крови отличаются утонченностью. Они добропорядочные и законопослушные. У них высокая степень самоконтроля, и они являются примером для подражания. В работе они уделяют большое значение деталям. Их одежда ухожена, а прическа, как у вас, изящна и акkuratна. Я уверена, что у вас вторая группа.

– Да, – самодовольно ответил Сергей.

– У людей третьей группы легкий и открытый характер. Посмотрите на меня – я яркий представитель этой «касты». Ну и четвертая группа – кстати самая малочисленная – придает людям флер таинственности. Среди них много экстрасенсов, ясновидящих, предсказателей судьбы. Вот так, если в общих чертах. Между прочим, в Японии эти вопросы исследуют психологи.

– А резус-фактор как-то влияет на судьбу человека? – поинтересовался Сергей.

– Да, конечно, особенно на здоровье человека. Вообще-то,

распределение людей по группам крови более сложно, чем я здесь вкратце рассказала, и в существенной степени зависит от национальной принадлежности.

У европейцев, например, чаще встречается вторая группа крови, у африканцев – первая, у восточных народов – третья, но эти детали я, честно говоря, не помню.

– Кстати, я давно хотел узнать, от кого из родителей наследуется группа крови?

– Может и от отца, и от матери. Но, – многозначительно произнесла Юля, – группа крови ребенка подчас совсем не совпадает с родительской. Если, например, у родителей первая и четвертая группы, то дети могут иметь и вторую, и третью.

– Да-а-а, «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», – продекламировал Сергей, и оба рассмеялись.

***

Вот уже больше месяца каждую неделю они встречались в кафе и вели беседы.

Сергей тщательно изучил ее позы, телодвижения, как пародист, много раз повторял их перед зеркалом, пока они не стали правдоподобными и органичными для него. Он просмотрел все ее записи в сетях. В результате ювелирной подстройки получалось, что она любит ту же музыку, что и он,

они одновременно, не стовариваясь, читают одни и те же книги, смотрят одни и те же фильмы. Даже странная привычка сворачивать в трубочку салфетки во время разговора у них была одинаковой.

Такой похожести двух, по сути, незнакомых людей Юля никогда и нигде не встречала.

– Мы, несомненно, были знакомы в прошлой жизни, – утверждал Сергей, – ничем иным я это объяснить не могу.

– Пожалуй, соглашусь – мне комфортно с тобой, ты превосходишь все мои желания. Иногда я думаю, что ты читаешь мои мысли. Ты случайно не экстрасенс?

– Увы, нет, хотя хотел бы обладать экстрасенсорными способностями. Я просто сосредоточиваюсь на тебе и пытаюсь ответить на вопрос: «О чем она сейчас думает, чего сейчас хочет, что бы было ей приятно?»

– У тебя получается. Но зачем тебе это нужно?

– Профессия... – скромно ответил он. – Впрочем, ты мне интересна как личность – целеустремленная и в то же время обладающая тонкой душевной организацией.

– И что сие означает?

– Это значит, что ты впечатлительная, с выраженной способностью к сопереживанию и умению чувствовать настроения других. Правда, это делает тебя зависимой от переживаний окружающих, а также от их оценок. Поэтому тебе более всего комфортно там, где все веселы и доброжелательны. И именно поэтому я с тобой сама благожелательность.

– Кстати, о доброжелательности. На работе сотрудницы придумали поздравление Деда Мороза и Снегурочки. Мужчина у нас один – заведующий лабораторией, – а вот женщин – тридцать душ. На роль Снегурочки предложили меня. Все «за», кроме двух приятельниц. Они кивают друг на друга, но сдается мне, что на самом деле обе хотят в Снегурочки. И ни одна не желает уступить. Казалось бы, бог с ними, но они из-за этого развернули целую кампанию по моему шельмованию.

– Они что, так тебя ненавидят? И за что? – удивился Сергей.

– В том-то и дело, что не за что. Обоим нравится завлаб, а он, с их точки зрения, чересчур много внимания уделяет мне – вот они и бесятся.

– Он что, за тобой прихлестывает? – едва сдерживая раздражение, спросил Сергей.

– Да какое там! Просто мы трудимся над одной темой, и он к тому же часто скидывает часть своей работы на меня, а в благодарность отвешивает мне публично комплименты. Вот и вся природа их враждебного отношения.

– Ну... тогда, если эта пресловутая роль Снегурочки для тебя не важна...

– Да о чем ты говоришь! – отмахнулась Юлия.

– Так вот, если не важна, предложи оригинальный вариант – двух Снегурочек. Уверяю тебя: при близком контакте с начальником во время репетиций эти подружки рассорятся

в хлам.

Сергей совсем не был уверен в правоте своего категоричного заявления и уже лихорадочно думал, что же он может сделать для реализации своего прогноза.

***

Предложение Юлии прошло, и подруги тут же от нее отстали, а Сергей, не мудрствуя лукаво, обрядил в фотошопе одну из них в костюме Снегурочки и попросил Кирилла разослать с ее почтового ящика всем сотрудницам фотографии с подписью: «Лучшая Снегурочка Нового года». Ее приятельница возмутилась, та естественно, стала наотрез отказываться от якобы содеянного – и здесь начались интриги мадридского двора. К Новому году подруги стали злейшими врагами.

– Знала бы, чем закончится, – никогда бы не сделала этого рокового предложения, – с грустью посетовала Юля при встрече с Сергеем.

– А что, тебя в чем-то упрекают?

– Наоборот, все в один голос говорят, что не надо было уступать их претензиям, и все прошло бы хорошо, а так они прямо во время действия стали выяснять отношения и устроили скандал. Словом, новогодний вечер был испоганен, и все разошлись по домам с испорченным настроением.

– Ну, во всяком случае, ты сделала все от тебя зависящее,

чтобы всех умиротворить.

– Это правда, – подтвердила Юля. – Кстати, хочу тебя поблагодарить за то, что теперь я, слава богу, уже не являюсь объектом их интриг.

***

– Похоже, зло, как и пути Господни, неисповедимо, – изображая отчаяние, произнес Сергей, устраиваясь за столиком, где его уже ждала Юля.

– Откуда такой пессимизм?

– Ко мне вот уже месяц приходит одна семья: муж, жена и сын. Все порознь очень даже милые люди. Отец семейства – геолог, бард; мать, хоть и бухгалтер, пишет неплохие стихи про любовь. Сын в филармоническом оркестре играет на фаготе.

– Что ты сказал: фа... как там дальше?

– Фагот – духовой инструмент, похожий на большую палку, с гнусавым звуком. Кстати, я поймал сейчас себя на мысли, что они – музыкант и инструмент – очень похожи. Так вот, в этом на первый взгляд ангельском семействе все хотят друг друга уничтожить. Сначала отец, которому казалось, что, пока он находится в экспедиции, жена гуляет, хотел в походе утопить ее из ревности. Он и сейчас сомневается в своем отцовстве. Теперь же они объединились против сына. Им, видите ли, не нравится, что он хочет жениться! Привел,

говорят, шалаву. А эта «шалава», между прочим, работает скрипачкой в одном оркестре с их сыном. Они боятся, что она «заселится» к ним и будет свои порядки устанавливать. «Разменяйтесь, – говорю, – у вас же отличная трехкомнатная квартира». – «Не можем, – отвечают, – мы выросли в эти стены». – «А счастье вашего сына – это что, пустяк?» – «Пусть, как мы, сами себе жилье добывают». – «Вам, небось, – говорю, – государство квартиру предоставило, а им рассчитывать не на что. Разве родители не живут ради своих детей?» – «Если они не хотят вас отравить», – заметила мать. «Да к тому же если это твой ребенок», – добавил отец. Жена зло покосилась на мужа: «Ты опять начинаешь?» Словом, когда они выпроводили сына с невестой из дома, причем ночью, он стал подсыпать им в пищу какую-то гадость. Я, не поверив в историю с отравлением, попытался освободить их от этой параноидальной мысли, а они мне – справку с химическим анализом каши.

– Да ты что? – изумилась Юля.

– Вот тебе и что! Когда я с их разрешения показал справку сыну, он отпираться не стал. «Они, – говорит, – мне личную жизнь испоганили. После скандала моя невеста вышла замуж за другого и ушла из оркестра. Я не успокоюсь, пока не изведу их». Не знаю, что и делать, – закончил свой рассказ Сергей. – Раньше хоть можно было с мамой посоветоваться. А теперь, – он тяжело вздохнул, – теперь я в тупике. Помогите!

– Нашел маму! Неужели такое бывает?

– Во-первых, бывает и не такое, а во-вторых (хотя для меня это «во-первых»), ты невероятно похожа на мою маму. Такая же обаятельная, спокойная и рассудительная. Я уж и не знаю, что я буду делать, когда закончится наше совместное плавание.

– В смысле?

– В смысле – закончится абонемент, прекратятся наши встречи, завершатся эти милые интеллектуальные беседы.

– А что тебе помешает их продолжить?

– Не что, а кто – твой муж с ревностью и подозрениями.

– Во-первых, он у меня не ревнивый, а во-вторых...

– К чему тут ревновать? – закончил он за нее.

– Ну зачем так? А хочешь, я вас познакомлю? Уверена: ему, как и мне, будет с тобой интересно.

***

Так он переступил порог ее дома. Поскольку ноутбук они носили по всей квартире, для него здесь все было знакомо.

– Это мой психолог, специалист по семейному счастью, – представила она Сергея мужу.

– Ну, это перебор, – заметил Сергей.

– Наслышан. Более авторитетного человека для Юлии, во всяком случае в мою бытность, я не знаю. Кстати, меня всегда интересовал феномен счастья, ну а семейное счастье для меня и вовсе загадка.

– Выражаясь формально, счастье – это гармония с миром и самим собой.

– Ну, это как-то уж очень обобщенно, даже сухо. В чем конкретно кроется счастье, какого человека можно назвать счастливым? Не могу упустить момент вытянуть лотерейный билет, услышав от специалиста формулу счастья, – продолжал допытываться Владимир.

– Я думаю, у всех по-разному, у каждого человека свое понятие и ощущение счастья и несчастья. Для кого-то счастье заключается в семье и детях, для кого-то – в успешной карьере, для кого-то – в материальном достатке. Но, как говорил Сократ, состояния счастья достигают лишь добрые души.

– Мне трудно сказать, какой человек считает себя счастливым, но я точно знаю, кто несчастлив, – вступила в разговор Юлия. – Несчастлив тот, кому всего мало. Мало власти и денег, недостаточно ценят и уважают, плохая жена, дети не оправдали надежд, плохое здоровье – словом, всего мало, в то время как, по его мнению, он заслуживает большего.

– Да, конечно, такой человек не может наслаждаться тем, что имеет здесь и теперь, это человек ненасытный, завистливый, а потому живущий в злобе к окружающим и, безусловно, глубоко несчастный, – подхватил Сергей.

– А вот любопытно, счастливы ли, на ваш взгляд, сильные мира сего: олигархи, правители?

– По моему разумению, – ответил Сергей, – они точно

несчастливы. Они постоянно находятся в напряжении из-за боязни что-то потерять, а страх не позволяет полноценно наслаждаться счастливыми мгновениями жизни.

– «Мое маленькое счастье»... Не помню, от кого я слышала эту фразу, но сейчас поняла, что лишь маленькое счастье можно сохранить и уберечь, важно только научиться довольствоваться им.

– Похоже, так, – согласился Сергей, – ведь когда у тебя все есть и по твоему желанию вершатся человеческие судьбы, ты с горечью думаешь о том, что у кого-то власти больше, чем у тебя. Когда окружающие тебя подданные состязаются в подбострастии, тебя свербит мысль, что кто-то без жара в глазах рассыпается в комплиментах. И тогда тебе мучительно больно, тебе хочется превзойти, отомстить, растерзать, а такое состояние счастьем назвать нельзя. Такой занимающийся самоистязанием человек становится ненасытным, он всегда одинок, даже в многочисленном окружении верноподданных. И как сказала Юля, неспособен даже заметить маленькое счастье, не то чтобы им насладиться.

– А ведь из этих верноподданных состоит вся вертикаль власти! Получается, что нами правят исключительно несчастные люди, – саркастически подметил Владимир. – Кстати, кто же великий изобретатель этой самой вертикали несчастливых людей? Вроде бы она появилась в девяностых?

– Ну что вы, много раньше! Полагаю, при Иване Грозном. Тогда же она и оформилась структурно и идеологиче-

ски. Интересен один исторический сюжет. Когда Иван Грозный обратился к монахам за советом в управлении государством, один из них посоветовал ему не держать подле себя людей, которые умнее его, а другой и вовсе заявил, что царская власть от Бога, – стало быть, царь не должен ни перед кем держать ответ, кроме Бога. Похоже, по этим двум основным принципам и строится вертикаль современной власти.

– Ах вот почему особо ретивые верноподданные обеляют сегодня Ивана IV, заявляя, что он никакой не грозный, а само олицетворение добросердечия и безгрешности! – ухмыльнулся Володя. – Вероятно, эта пресловутая вертикаль, полностью монетизировавшая и приватизировавшая власть, нас и погубит. Вертикальная Дума, вертикальный суд, вертикальные средства массовой информации... По сути, это феодализм.

– Согласен, но отчасти, – ответил Сергей, – вертикаль власти в России была всегда. Думаю, что и сегодня это оптимальный способ управления страной. Но когда эта самая вертикаль пристраивается по принципу «ни одного человека рядом умнее меня», когда властные структуры заполняются лакеями с низкой квалификацией, вертикаль эта служит лишь самой себе и превращается в колосса на глиняных ногах. И как результат такой политики – все вокруг ломается, рушится и взрывается. К тому же разворачивается. Казалось бы, несостоятельность такой системы управления очевидна, но она удобна для власть имущих. Лакей не будет

критиковать. Пресмыкаясь, он будет смотреть в рот начальнику, стремясь угодить. А жулика всегда можно держать на крючке – он карманный. Увы, это о нас нынешних тысячу лет назад сказал Хайям:

*Я знаю мир: в нём вор сидит на воре,
Мудрец всегда проигрывает спор с глупцом,
Бесчестный честного стыдит,
А капля счастья тонет в море горя.*

– Ну да, отвлечемся от политики, – сказал Володя. – После поездки в Гоа мы с Юлей увлеклись индийской философией. Так вот, индийские мудрецы утверждают: счастье – это гармония внутри нас, там, где вы безусловно есть, где вы истинный. И когда человек программирует себя на то, что будет счастлив, если что-то получит, сделает или чего-то добьется, он ограничивает себя в достижении счастья – ведь не всегда все получается, к тому же всегда хочется чего-то еще.

– Я бы не согласился с таким подходом: ведь для счастья, в чем бы оно ни заключалось, есть универсальный критерий – успех, а к достижению успеха надо стремиться, его надо добиваться. Так что это непрерывный процесс, требующий личной активности.

– То есть остановить прекрасное мгновение и бесконечно им наслаждаться невозможно? – с грустной улыбкой спросила Юля.

– Ну, Гёте на это дал исчерпывающий ответ, – отозвался Сергей.

Юля вышла на кухню – у нее там что-то шкворчало и исходило аппетитный запах.

– А чем занимаетесь вы? – спросил Сергей.

– Промышленным дизайном.

Сергей подготовился к встрече и прочел несколько любопытных статей по этому поводу, но Юля вышла, и у него отпала необходимость распускать хвост.

– Дизайном промышленных предприятий? – уточнил Сергей.

– Не только. Промышленный дизайн охватывает широчайший круг объектов – от домашней утвари до гигантских предприятий.

– Припоминаю, лет десять назад отмечалось столетие промышленного дизайна, а мне казалось, он существовал всегда.

– Именно так: официально промышленный дизайн сформировался в начале двадцатого века, хотя первые профи появились лет двести назад в Англии, где ткачи, желая выгодно продать выпускаемую ими продукцию, придавали ей товарный вид.

– Получается, что главная задача дизайна – создание вещей, которые легко было бы продавать, – не без сарказма заметил Сергей.

– Отнюдь! Промышленный дизайн как вид деятельно-

сти включает элементы искусства, маркетинга и технологии. Стало быть, задача дизайнера – не только придать товарный вид изделию, но и привнести в мир частицу прекрасного.

Между тем Юля пригласила мужчин на кухню, где потчевала их превосходным обедом.

Стол был изящно сервирован. Серебряные приборы сверкали в лучах бледного питерского солнца, хрустальные бокалы величественно возвышались на столе, а на середине стояла бутылка его любимого токайского вина.

Сергей обратил внимание на то, что все блюда были приготовлены с учетом его гастрономических предпочтений.

В кафе он часто брал свеклу, и здесь тоже был свекольный салат, но не тот буфетный, а изысканно утонченный, наполненный мелко дробленными грецкими орехами с привкусом слегка прикопчённого чернослива и едва ощутимым ароматом чеснока.

На специальном блюде среди маслин, ломтиков апельсинов, огурцов, сладкого перца и авокадо отливала перламутром форель, тонкие кусочки которой были нарезаны с филигранной точностью и уложены на блюдо так, что рыба казалась целой.

Володя заметил, что форель Юля готовит сама. Более нежной и изысканной рыбы Сергей не едал.

Всего лишь однажды он упомянул, что любит тыквенный суп, – и Юля заговорщицки, со своей неповторимой улыбкой подала ему вкуснейший суп-пюре из тыквы. В центре блю-

да красной томатной пастой было изображено сердечко, заполненное измельченным сельдереем и тыквенными семечками.

Как-то Сергей заметил, что он скучает по маминым кулинарным изыскам, особенно по запеченной в духовке дичи.

Когда на столе появилась курица с румяной хрустящей корочкой, фаршированная ароматной начинкой, у Сергея от умиления увлажнились глаза. В приготовлении блюда Юля превзошла даже маму! Это было настоящее буйство вкусов и благоуханий. Белое, как сливки, насыщенное необычным ароматом нежное аппетитное мясо курицы таяло во рту. Внутри тушки была начинка из массы неповторимого тонкого вкуса.

Сергей поинтересовался, что внутри, и Юля с вдохновением, с которым разве что пишут романы, рассказала о секретном рецепте ее семьи. Рецепте прельщения мужчин, который, кстати, безотказно работает на протяжении вот уже многих поколений.

– И это правда, – многозначительно подтвердил Владимир, – однако ты утаила два главных ингредиента: любовь и заботу о том, кого потчуеть.

Все рассмеялись.

«Правда правдой, – самодовольно подумал Сергей, – но их семья трещит по швам и, вероятно, пусть даже бессознательно, она пытается заманить в свои кулинарные сети меня, ведь не случайно же стол накрыт моими любимыми блюда-

ми! Она несомненно хочет мне понравиться».

***

– Как ты думаешь: существуют ли счастливые супружеские пары? – как-то обреченно спросила однажды Юля Сергея.

– Безусловно, хотя по работе я сталкиваюсь с антиподом счастливой семьи. Но я знаю, что это достижимо. Я даже вывел формулу счастливого сосуществования супругов – правило семи «п»: познать, понять, простить, принять, поверить, полюбить, помочь. Я не буду читать лекцию на эту тему, но согласись: чаще всего супруги не знают друг друга – я уж не говорю о самопознании – и, стало быть, живут вслепую. А что насчет простить, так при том, что чуть ли не шестьдесят процентов населения объявляют себя православными верующими, им и в голову не приходит задуматься о прощении – основном постулате православия! Для начала – о прощении хотя бы самых близких: детей, родителей и супругов. Куда там – сколько ненависти у тех, кто приходит ко мне на прием!.. Иногда мне кажется, что ненависть разрастается, как раковая опухоль, сжигая улыбку, радость, счастье, и от этого страдает весь мир.

Я уже не говорю о любви. Люди, от молодежи до седовласых старцев, кроме любви-страсти, в отличие от древних, ничего не знают. А поскольку страсть проходит и из-за интел-

лектуальной и эмоциональной лениности взамен ничто не произрастает, остается пустота, хуже того – выжженное поле.

Ну а вообще-то, все гораздо проще. Существует романтическая легенда об андрогинах – некая интерпретация «Диалогов» Платона. Так вот, легенда эта повествует о том, что в те далекие времена, когда верховным богом Олимпа был Зевс, люди имели иную природу и назывались андрогинами. Эти обоеполые существа не знали душевных мук страсти и для продолжения рода не нуждались в других андрогинах. Они были гармоничны сами по себе.

Зевс, который боялся того, что андрогини могут свергнуть его с престола верховной власти, разрубил их пополам в расчете на то, что вполсилы они не смогут ему противостоять. Рассеченные андрогини переплелись в надежде срастись. Но Зевс снова собрал всех андрогинов, разорвал и, перемешав, разбросал по всему свету. С тех древних времен мужчины и женщины – половинки андрогинов – блуждают по миру в надежде найти свою единственную пару, а найдя ее, преодолевают сложный этап приживания, чтобы срастись не только телом, но и душой.

– Я вот все думаю: это профессия такая интересная или ты такой умник? На каждый, казалось бы, тупиковый вопрос у тебя есть ответ, причем простой и практичный.

– Это, безусловно, психология – там столько интересного открыто о человеке, а сколько еще не открыто! Это и печалит, и радует одновременно.

– Это как?

– Ну, печалит – потому что еще не все открыто. А радует – потому что у каждого есть шанс стать первооткрывателем.

– Для меня всегда было загадкой, как люди приходят в такую сложную и малопонятную профессию, – сказала Юлия.

– Часто, я бы даже сказал чаще всего, люди идут в психологию не по призванию, не из-за того, что у них есть профессиональные задатки, а чтобы решить свою личную проблему. И увы, не только не решают ее, а напротив, навешивают на свою нежную психическую конституцию массу комплексов и все это транслируют на своих клиентов. Психолог в первую очередь должен быть успешным – нет, даже счастливым человеком. Только тогда избытки своего счастья он посредством специальных технологий сможет передать клиенту.

– Тогда получается, что каждый счастливый человек – хороший психолог?

– Да, но, как я уже заметил, важно владеть профессиональными навыками. Впрочем, я бы еще прибавил к этому жизненный опыт и эмпатичность. Один из основных психологических постулатов состоит в том, чтобы не зеркалить эмоционально-чувственное беспокойство клиента, то есть не переживать его травму. Мои коллеги так и поступают – оттого к ним второй раз никто и не приходит. Я же, прости меня за нескромность, вижу своих клиентов и второй, и десятый раз именно потому, что страдаю вместе с ними. Подобно ве-

ликому гуманисту Песталоцци, я плачу и смеюсь в унисон с душой клиента.

– Так ведь никаких сил на это не хватит!

– Да, но в таком случае я больше них заинтересован в решении проблемы, к тому же у меня не один клиент, и я делаю все от меня зависящее, чтобы выйти из кризиса. Зато представляешь, как я радуюсь и наслаждаюсь плодами успеха, когда получается! Причем, как я уже сказал, у меня их много одновременно, а значит, и радости от побед целое море.

– Как бы мне в моей унылой профессии так процветать?

– Так, может быть, ты и процветаешь, но не анализируешь, не акцентируешь внимание на успехах и не ощущаешь вкуса счастья. В любой профессии важны три составляющие. Во-первых, надо любить свое дело. Вот ты любишь то, чем занимаешься?

– Ты знаешь, как ни странно, я не задавала себе этот вопрос, но сейчас могу ответить уверенно: да. Да, медицина – это благородно, это приносит людям большую пользу. То, чем занимаюсь я, – это и вовсе большая тайна в науке, а открывать тайны мне интересно!

– Вот видишь, один плюс уже есть. Во-вторых, у тебя должно получаться. Как у нас с этим?

– Ну, мне трудно себя оценивать, многие считают, что они профессионально успешны, хотя за этим ровно ничего не стоит. Но если попытаться посмотреть на себя со стороны, то

и по карьерной лестнице я продвигаюсь успешнее других, и коллеги обращаются ко мне за помощью чаще, чем к другим.

– Вторая составляющая у нас тоже работает, к тому же ты уже ответила и на третий вопрос – социальное признание твоего профессионализма. Стало быть, тебе нравится то, чем ты занимаешься, у тебя получается, и ты в профессиональном плане социально одобряема, то есть другие тебя признают как специалиста. Значит, ты как научный работник успешна и счастлива – радуйся.

– Так и хочется визжать от удовольствия, но что-то мешает.

– Давай разберемся. Помимо того, что ты профессионал, ты женщина, дочь, жена, подруга, человек, увлекающийся, скажем, марками или чем-то иным. Надо понять, в какой роли ты преуспеваешь и где у тебя проблемы. Может случиться так, что все у тебя в жизни прекрасно, но альбом с марками самый захудалый, – значит, надо решать эту проблему, чтобы она тебя не отягощала и не разъедала. Все решаемо.

***

– Володя сказал, что видел тебя по телевидению. Говорит, что смысла всуе не уловил, но держался ты уверенно и убедительно о чем-то говорил. Так по поводу чего ты звездил? – спросила Юля, едва они повстречались в фитнес-клубе.

– Да ничего особенного, вчера была конференция по про-

блемам семьи, где я делал доклад о депопуляции в России.

– О чем, о чем? – перебила она его.

– О снижении рождаемости. После конференции у меня взяли интервью. Вот и все.

– И о чем ты там вещал?

– Да, вообще-то, об очевидном. Рожать станут лишь тогда, когда люди будут уверены в безопасности: от безопасности на улице до всемирной безопасности; когда в семьях наступит элементарное материальное благополучие и люди будут уверены в своем будущем.

– Ты упустил еще одну причину.

– Какую же?

– Способность зачать и родить ребенка. Иногда все обозначенное тобой совсем не преграда, родительский инстинкт зовет к продолжению рода вопреки всем трудностям жизни, но не случается. И это непреодолимая проблема.

– Я считаю, что эта проблема сегодня достаточно просто решается посредством экстракорпорального оплодотворения, ну а на крайний случай есть сироты, жаждущие родительского тепла.

– Так ведь хочется своего, да и с искусственным оплодотворением не все так просто: многие по нескольку раз прибегают к этому – и все напрасно.

– Есть исследования, – соврал он, – согласно которым подчас достаточно страстного нежелания одного из супругов иметь ребенка – и Вселенная блокирует зачатие. Как, впро-

чем, и наоборот. Известны случаи ложного зачатия. Например, Мария Тюдор, дочь Генриха VIII и одной из его шести жен Екатерины Арагонской, так хотела ребенка, что у нее стали проявляться все симптомы беременности, включая сильно выросший живот, в то время как она оставалась бесплодной. Это был интересный с точки зрения медицины случай – ложная беременность.

– Разве такое бывает? – удивилась Юля.

– Ну вот с Марией это было, причем дважды. Будучи английской королевой, когда ей было уже под сорок, она вышла замуж за испанского принца Филиппа, который был моложе ее на двенадцать лет. Прошло длительное время, а детей все не было. И тут Мария объявила о беременности. Народ ликовал, все ждали мальчика-наследника. Однако в указанный срок никто не родился, и королева была опозорена.

Кстати, знаменитый коктейль «Кровавая Мэри» из водки с томатным соком – это не просто эффектное название, это эпитет королевы Англии. Марию не любили за жестокость, проявленную при возвращении католицизма в протестантской Англии, и именовали кровавой. Всех еретиков она без сожаления отправляла на костер.

– Все-то ты знаешь, – заметила Юля.

– В конечном итоге бесплодных не так много, и они не делают погоды на фоне общей рождаемости, – желая унижить, чтобы потом успокоить ничего не подозревавшую Юлю, заключил Сергей.

– Так ведь я не об этом, я о трагедии тех, кто хочет, но не может иметь детей!

– Ты с такой болью это говоришь, как если бы это касалось тебя лично, – сфальшивил он.

– Да, представь себе.

– Что именно я должен представить? – театрально удивился Сергей.

– А то, что я сдерживаю вашу рождаемость против своей воли, вот уже который год живя в ожидании этого чуда.

Она заморгала, достала платок и вытерла набежавшие слезы.

– Прости, я не знал, – соврал он, – и уж совсем не хотел тебя обидеть. Полагаю, ваши семейные отношения от этого не страдают?

– Думаю, что страдают, а если честно, меня последние годы преследует мысль о том, что Володя не бросает меня из жалости.

– Перестань, он любит тебя, тебя невозможно не любить! Ты не просто красивая – ты одухотворенная, нежная, обаятельная!

– И привлекательная, – с иронией, но не без удовольствия добавила Юля.

– Именно так, все это делает тебя привлекательной, а еще ты примагничиваешь к себе. Я вот, если неделю не общаюсь с тобой, испытываю эмоциональный голод, меня тянет к тебе.

– Ну это, дружок, больше походит на признание в любви.

– Я бы сказал, признание в уважении и твоей для меня ценности.

Оба замолчали, и каждый задумался о своем.

«Ну почему, почему я такая несчастная? – подумала Юля. – Такая успешная, жизнерадостная по своей природе и такая несчастная! Вон Сергей даже и не подозревал о моей беде, он, как и все вокруг, думает, что я порхаю от счастья подобно бабочке, а я несчастная, причем из года в год все несчастнее и несчастнее».

Сергея часто мучила мысль о подлости его деяний, ведь, по сути, он разрушает семью, делает любимую женщину несчастной.

Вероятно, это так, но разве, когда через год-другой муж бросит ее, она не будет еще более несчастной? Безусловно, будет. И хорошо, если он окажется рядом. А если нет? Она, такая нежная и легкоранимая, не перенесет этого предательства, она не захочет жить, и тогда даже бросившему ее мужу придется несладко.

Нет, для всех будет лучше, если они мирно разойдутся, а он будет рядом и подставит свое плечо. Он лишь ускоряет события и предотвращает трагедию. Может быть, с ним она не будет такой же счастливой, как с Владимиром, но он, по крайней мере, обеспечит ей психологический комфорт. А если повезет, сделает ее счастливой матерью.

«Стало быть, прав был дедушка, утверждавший: “Мень-

шее зло во имя избавления от большого зла – вовсе не зло”. Тогда за что же я его так ненавижу и испытываю к нему жажду мести? – думал Сергей. – Может быть, дело в той форме, в которой он пытался на меня воздействовать? Но разве может форма повлиять на содержание? Выходит, может, причем не просто повлиять, а кардинально изменить воспитательный эффект.

Впрочем, не в этом дело – все глубже, глобальнее, мощнее. Видимо, я не могу простить ему его отречение от мамы. А может быть, все еще глубже. Я всю жизнь протестовал против запрета бабушки на мое появление на свет. Да-да, так и есть, все остальное – предлог для ненависти и мести за отказ от моего права на рождение. И протест этот не во мне, а где-то во Вселенной. Протест против ограничения права на жизнь. На мою жизнь».

***

Ночью Сергею приснился сон. Маленький пустынный остров плавно покачивался на волнах. На берегу, у самой кромки моря, стоял дедушка. Одетый в рубище, он устало опирался на посох, угрюмо глядя под ноги. Подле него находилась мама. Она, напротив, была по-юношески легка, ее белоснежное шелковое платье развевалось на ветру.

– Ну здравствуй, дочь, – сказал дед. – Я непрерывно думаю о тебе. Я понимаю, что был несправедлив с тобой и да-

же жесток, но не знаю, когда, в какой момент я должен был повести себя иначе.

– Может быть, когда я приехала домой и сообщила о беременности?

– Тогда не мог – кровь вскипела во мне, и я готов был разорвать тебя. Только клятва не прибегать к насилию, данная твоей матери после одного гнусного случая, сдерживала меня. Я много раз прокручивал в воображении то твое появление дома, надеясь, что смогу как-то иначе отреагировать на ошеломляющее известие. Но я испытывал еще более сильную эмоцию, не позволявшую мне мыслить адекватно, – разочарование и обиду за несбыточность радужной мечты, моих фантазий о том, как ты приведешь в дом своего суженого, как мы с матерью умилимся твоему выбору, как пышно сыграем свадьбу и как вместе с вами будем ждать рождения ребенка.

– Ну а когда из года в год к вам приезжал Сережа и вы видели, что я воспитываю благополучного ребенка, у тебя не возникало мысли о примирении. Я надеялась на это и ждала. Я даже замуж не вышла, предполагая, что это разгневает тебя еще больше.

– А предлагали?

– Не каждый день, – попыталась пошутить мама, – но несколько предложений было, и это при том, что близких отношений у меня ни с кем не было.

– Прости, я разрушил твое счастье и не нашел в себе сил

признаться в этом. Обуреваемый тщеславием и гордыней, я тешил себя мыслями о собственной правоте.

Дед сел на сухой ствол дерева, вынесенный на берег штормовой волной, и закрыл лицо руками. Мама присела рядом.

– Ты плачешь? – с нежностью произнесла она.

– Я рыдаю, как делал это всякий раз, когда думал о тебе. Я любил тебя, как нежный цветок, я любил в тебе и твою мать, и своих родителей, я любил в тебе все то, что ценил в себе. И когда все это случилось, моя любовь разбилась вдребезги. Я возненавидел тебя и всех, кого любил в тебе. Каждый день моей жизни превратился в муку. Я до сих пор не знаю, как это произошло. За что я осуждаю тебя и страдаю сам?

– Когда я забеременела, он смалодушничал. Я могла удержать его, но во мне проснулся мой гордый и независимый отец, и я прогнала его, о чем, впрочем, не жалею. Думаю, он, слабый человек, не оказал бы на Сережу того благотворного влияния, которое оказал ты.

– Полагаю, и с ним я был не всегда добр. Я хотел воспитать в нем мужчину, способного держать удар, а уж что из этого получилось, не знаю.

– Думаю, получилось. У него, как и у каждого человека, есть свои проблемы, но, уверена, их было бы больше, если бы не твое влияние.

– Что ты думаешь о его теперешнем положении? – спросил дедушка. – Я имею в виду его любовь к замужней женщине. Все это мне не нравится! Не слишком ли далеко он

заходит в проявлении своих необузданных страстей, разрушая семейный союз?

– Я тоже опасаясь за его психическое состояние, но понимаю его и надеюсь, что Юля с ее деликатностью, нежностью и кротостью вернет нашего мальчика в реальность и они останутся добрыми друзьями.

Сергей был рядом с ними, но они не видели его. Он был везде и нигде, не ощущая себя, ощущал все вокруг. Он попытался объяснить свою позицию, но, как ни старался, его не слышали.

Он проснулся с двойственным чувством. Сергей всегда был благодарен матери за то, что она посвятила ему свою жизнь, отдав ему всю себя без остатка. Но то, что бабушка с любовью и нежностью – в той степени, в которой он мог себе это позволить, – относился к нему, для Сергея было откровением. Осознание этого радовало его.

Однако радость омрачалась неудовлетворенностью из-за неудавшегося диалога и оттого, что он оказался непонятым ТАМ.

***

– Ты какой-то сегодня угрюмый, даже раздраженный. Что-то случилось? – спросила Юля, когда они встретились у бассейна.

– В сущности ничего, просто был очередной клиент – еще

один подонок, каких много, но сегодня был чемпион по подлomu цинизму, и он задел мое мужское самолюбие. Нет, правильное сказать: разрушил миф о мужском достоинстве, все еще живущий в моем сознании.

– Звучит интригующе, расскажи.

– Быстро не получится. Если хочешь, расскажу после плавания в кафе.

После занятий она подошла к его столику. Как всегда, оживленная и румяная после плавания, уселась напротив и заговорщицки произнесла:

– Ну давай, рассказывай!

– Да в сущности и рассказывать нечего, тебе это может показаться неинтересным, просто меня это как мужчину сильно оскорбило. Кофе я уже заказал, сейчас принесут.

– Тогда я тем более вся полна внимания.

– Был у меня сегодня мужчина лет сорока. Успешный, жизнерадостный, симпатичный, жену любит, больше десяти лет в браке.

– Ты прав, совсем неинтересно, – пошутила она, – но тем не менее продолжай.

– Детей у них нет и не предвидится. Но жену он все еще любит, и ему жалко бросать ее. Вот он и пришел ко мне, чтобы разработать сценарий конфликта, в котором он как бы ни при чем: и чтобы агрессия исходила от нее, и чтобы инициатором развода была она, а он – страдающей жертвой. Я, говорю, такими вещами не занимаюсь, и вряд ли кто-то из мо-

их коллег вам в этом поможет. Да и вам бы я посоветовал отказаться от этой подлой идеи. Просто расскажите все как есть, и я готов помочь разрешить проблему наиболее безболезненным для вас обоих образом. «Нет, – настаивает он, – сделать надо так, как я вас прошу». – «Ну тогда я вам не помощник», – отвечаю я и даю понять, что аудиенция закончена. А он мне: «Я купил два часа вашего рабочего времени, и вам придется их провести со мной». – «Хорошо, час мы с вами отработаем, а за второй я возвращаю вам деньги». Я выложил внесенную им в кассу сумму. Он взял деньги и, не прощаясь, ушел.

– Не все так страшно! Может быть, ты его образумил, устыдил, ну не знаю – разубедил? Может, он осознал подлость своего намерения?

– Боюсь, нет. Это тип такого доброго, жизнерадостного, заботливого человека, который все свои позитивные свойства и качества обращает в первую очередь себе в пользу. Это не циничное: «Все люди – средство для достижения моей цели». Это мягкое, я бы сказал нежное, использование человеческого ресурса для достижения личного комфорта. Про таких говорят: «Он грабит Создателя, похищая у него день за днем, чтобы совершить очередное злодейство». Этот злодей найдет-таки человека, который поможет ему реализовать его жестокий план, и они уничтожат бедную женщину.

Лицо Юлии окаменело, алые губы сжались. Она замкнулась и уже не вела активной беседы, ограничиваясь лишь де-

журными «да» и «нет».

Цель была достигнута.

– Но что поделаешь, я так и не научился отвлеченно относиться к чужим проблемам, даже весьма и весьма далеким от меня! – театрально закончил Сергей.

Случай этот он выдумал с далеко идущей целью.

Накануне Юлия с Владимиром опять обсуждали вопрос о детях, и Сергей слышал этот разговор через «Всевидящее око». Она предложила усыновить ребенка, а то и сразу двух, на что Владимир ответил категорическим отказом:

– Лучше мы вообще останемся без детей, чем, не дай бог, нас под старость лет будет истязать наследственный алкоголик. А вообще, я уверен: у нас будут свои дети.

Когда муж ушел, Юля долго плакала, уткнувшись в подушку.

Теперь червь сомнения был поселен в ее сознание, и он будет медленно, но верно разъедать этот союз.

***

Сергею надо было напугать Юлю перспективой усыновления, и он приготовил для нее очередную давно минувшую историю из своей практики.

– Мне в пору молоко за вредность требовать на работе! Ну не могу я спокойно воспринимать человеческое горе! – сказал он во время очередной встречи.

– Что опять за трагедия?

– Пришла ко мне директор школы и рассказала жуткую историю. У них была учительница, вполне себе успешная. Муж, сын – все счастливы. И вот муж умирает, а сын женится, рождается внук. И все вроде бы хорошо, но невестка, копаясь в документах, обнаруживает, что сын не родной, а усыновленный. Она, невестка, ставит матери в вину то, что та не сообщила сыну об усыновлении, и дальше по поводу и без повода внушает мужу, что мать ведет себя не как родная, а как чужой человек. В результате они предложили матери из роскошной трехкомнатной квартиры куда-нибудь съехать, ну хотя бы в сельскую местность – там-де учителям предоставляют служебную жилплощадь. «И что, – спрашиваю, – требуется от меня?» А директриса говорит, что Наталья Ивановна (так зовут учительницу) легла в больницу умирать.

– Как умирать? – не поняла Юля.

– Да вот так... Она считает такую ситуацию несовместимой с жизнью.

– И что они от тебя хотят?

– Хотят, чтобы я повлиял на эту женщину и вернул к жизни.

– И что ты?

– Ну что я?... Завтра пойду к ней в больницу – будем работать.

Лицо Юлии стало каменным, она больше не задавала во-

просов и даже не доела свое любимое пирожное.

Сергей был доволен собой.

«Я ее полностью контролирую», – решил он.

***

– Ты опять сегодня сильно задержалась, я начинаю тебя ревновать, – сказал Владимир, снимая с нее пальто.

«Вот он – успешный, симпатичный, жизнерадостный же-нолюб, – подумала Юля. – А что если он тоже лелеет надежду избавиться от меня? И что значит: “начинаю тебя ревновать”? Выходит, раньше не ревновал? Не ревновал и не любил. А любит ли сейчас или только делает вид?»

– Ты хочешь детей? – резко повернувшись к мужу, спросила она.

– Разумеется, хочу, ты же знаешь.

– А если их у тебя не будет? От меня не будет? Вот любая другая сможет нарожать тебе детей, а я – нет. Ты меня бросишь?

– Юля, прекрати!

– Нет, ты скажи честно: когда бросишь? Насколько у тебя еще хватит жалости? Или у тебя уже кто-то есть? Вот что ты сделаешь, если она забеременеет от тебя?

– Юль, ну это же омерзительно!

– А я тебе о чем? Вот другая женщина от тебя забеременела – твои действия?

– Юля, прошу тебя, прекрати!

– Нет, ты все-таки прямо ответь на вопрос. Ты ее подло бросишь?

– Ну почему ты обо мне такого плохого мнения?

– Так ты уйдешь к ней? – словно поверив в изобретенную ею конструкцию, с ужасом запричитала Юля. – Я так и знала, я так и знала!

С этими словами она выбежала из комнаты, громко хлопнув дверью, и, рыдая, бросилась в ванную.

***

Юля стала замечать, что в отношениях с Володей что-то надломилось. Встречал он ее нехотя, с безразличием бормотал какие-то слова, без конца ссылаясь на работу, которую необходимо было доделать дома, спать ложился, когда она уже засыпала. Они все реже и реже стали ходить в театр, к друзьям, да и просто гулять.

«Да, у него точно кто-то есть», – с паническим страхом думала Юля.

Своими сомнениями она поделилась с подругой.

– Да брось, такие вещи не остаются незамеченными и всегда оставляют след, а у тебя нет никаких оснований для подозрения. Успокойся и забудь.

И след этот появился. Сначала ей, а потом и сотрудницам на электронную почту стали приходить фотографии, где Во-

лодя был снят рядом с какой-то шатенкой. Фотографии на первый взгляд были невинные, в том числе групповые, но везде она была рядом с ним, и держались они как-то привычно, без всякого напряжения, что, несомненно, указывало на их особые отношения. Сотрудницы долго не говорили ей о присланных им фото, но, когда количество снимков стало зашкаливать, решили ее успокоить.

– Не бери в голову, ничего предосудительного на этих фотографиях нет. Может быть, это его конкуренты тебя терроризируют в надежде, что ты устроишь сцену ревности и выведешь его из рабочего состояния.

Юля перестала ходить на фитнес и долго не видела Сергея. Ей было неловко к нему обращаться, ведь она все уши ему прожужжала, нахваливая мужа и в исключительно розовых красках рассказывая о своих семейных отношениях.

Но он психолог, у них возникли хорошие доверительные отношения – он поможет.

Юля позвонила ему и договорилась о встрече.

– Судя по всему, – сказал Сергей, внимательно рассматривая фотографии, – близких отношений здесь нет. Может быть, он, сам не осознавая этого, дал ей какую-то надежду, а она расфантазировалась и поверила в свои же фантазии. И решила себе помочь рассылкой этих фотографий. Их рассылает именно она, в этом у меня нет сомнений. Текстовых сообщений нет?

– Нет, – выдавила из себя Юля.

– А ты ей писала?

– Я – нет, а сотрудницы пытались, в ответ молчание. Муж одной из них попробовал выяснить, кто отправитель. Сказал, какой-то липовый почтовый адрес. Что мне делать? – со слезами спросила Юля.

– Набраться сил, терпения и ждать, ни в коем случае не говоря ему об этом, – ответил Сергей, – иначе, если он виноват – затаится, если нет – обвинит тебя в истеричности. Ни того ни другого нам не надо. Так что будем ждать – в скором времени ситуация сама прояснится. Только не пропадай и держи меня в курсе дела, здесь важен каждый пусык.

***

– Какая-то ты сегодня грустная, – выразил сострадание Сергей, на самом деле желая усилить ее депрессивное состояние.

– Мне кажется, я ему неинтересна как женщина, он остыл ко мне. Может, действительно у него появилась связь на стороне?

– С чего это ты взяла?

– Нет былой страсти, силы влечения... ну ты понимаешь, о чем я.

– Да, понимаю.

– А есть какие-то приемы побуждения к близости?

– Да, конечно. Ты хочешь, чтобы я тебе рассказал или на-

учил? – неожиданно для самого себя позволил он вольность.

– Ну Сереж, ну что ты такое говоришь! Расскажи.

– Хорошо, доставай тетрадь и записывай.

– А у меня нет тетради, – растерянно произнесла она.

– Да я пошутил, расслабься и слушай. Однако для оптимального усвоения информации исследуем этот вопрос в диалоговом режиме. Как ты лучше всего воспринимаешь бóльшую часть информации, как познаёшь окружающий мир?

– Ну... зрительно. Я о том?

– Совершенно верно, это визуальное восприятие, продолжай.

– Я слышу, трогаю руками, чувствую кожей, нюхаю... Ну, что еще?

– Отлично! Все верно, но ты еще воспринимаешь на вкус. Так вот, с помощью анализаторов – глаз, носа и так далее – мы воспринимаем, исследуем и открываем мир. Но с помощью этих же анализаторов можно воздействовать и на нас. Повторяя слова, копируя мимику, позы, темп речи, частоту дыхания, которые соответствуют нашему типу восприятия, можно в разы эффективнее влиять на нас.

– Ты хочешь сказать, что можешь влиять на меня интонацией и жестами?

– Именно так. Но давай по порядку. У каждого человека на той или иной стадии развития один из анализаторов является доминирующим. Человек неосознанно использует ту

систему, которая у него более развита. Вот ты как активнее всего воспринимаешь мир?

– Для меня большое значение имеют запахи и, конечно же, картинки, то есть то, что я вижу.

– Так все-таки обонятельное или визуальное восприятие сильнее? Впрочем, что я спрашиваю – я и так знаю. И все же?

– Визуальное.

– Стало быть, ты визуал.

– И что это значит?

– Вкусовые, осязательные и обонятельные ощущения как единое целое называются кинестетическими. Это когда информация воспринимается комплексом всех этих ощущений. Когда же информация воспринимается в виде комплекса зрительных образов – это визуальный тип восприятия. И аудиальный – когда в виде комплекса звуков. Таким образом, с учетом доминирования того или иного вида восприятия мы делимся на визуалов, аудиалов и кинестетиков. Правда, есть еще один тип – дигиталы. Люди, относящиеся к нему, воспринимают окружающий мир, прислушиваясь к собственной логике. Но не будем заморачиваться, Володя точно не этот тип. Это понятно?

– Естественно.

– Так или иначе, мы используем все четыре сенсорные системы, но одна из них обязательно доминирует. Ты, как мы выяснили, – визуал, и если я хочу эффективно на тебя воздействовать, то должен в нашем общении прибегать к зри-

тельными образам.

– Это как?

– Визуал отдает приоритет тому, что видит. Прежде всего он обращает внимание на выражение лица. Поэтому при общении с тобой я должен не просто смотреть на тебя, а активно использовать мимику. Желая понравиться визуалу, надо хорошо выглядеть и быть опрятным. Визуал лучше всего воспринимает информацию в виде образов. Он как бы рисует в воображении определенные картины того, что вы ему пытаетесь донести. И если в общении с визуалом свои доводы дополнить рисунками и графиками, ты будешь более понятен и убедителен. При общении с ним следует использовать описательные слова: «увидеть», «посмотреть», «взглянуть» и фразы типа: «Рассмотрим это предложение», «Обратите внимание, это выглядит так», «Я вижу, что ты имеешь в виду» и им подобные.

– Исчерпывающий ответ, но как распознать, к какому типу относится человек, как я определю Володю?

– Хороший вопрос. И это тоже несложно. Только вот как бы мне не сделать из тебя манипулятора...

– Но это же все во имя любви, – улыбнулась она и хитро прищурила глаза с поволокой. Глаза, сводившие его с ума...

Во рту у него пересохло, он отхлебнул кофе и продолжил.

– Конечно, лучше провести тестирование, но можно обойтись и без этого. Визуалы любят пристально смотреть в глаза собеседника, обычно быстро говорят, их речь изобилует

фразами типа: «Это выглядит не очень хорошо», «Посмотри, какая погода» и так далее. И наконец, самое примечательное: когда они стараются что-то вспомнить, их взгляд направлен вверх влево, когда мечтают, придумывают – вверх вправо.

Чем больше и компетентнее говорил Сергей, тем растерянее и неувереннее чувствовала себя Юля. Он торжествовал. Но, чтобы не вызвать блокировки восприятия и отторжения, сказал:

– Теперь кратенько охарактеризуем аудиалов и кинестетиков, и ты будешь мастером обольщения.

– Давай, я готова, – отозвалась Юля.

– Аудиалы легче всего воспринимают информацию и передают свои ощущения с помощью звуков. Они не любят тишину и предпочитают какой-то звуковой фон. В разговоре, и не только, часто проговаривают информацию вслух, стараясь лучше ее понять и запомнить. Это необязательно происходит громко – часто можно увидеть только шевеление губ. Аудиалы любят поддерживать беседу. Прислушиваясь к собеседнику, они как бы подставляют ухо под звуковой поток. Часто используют фразы типа: «Звучит заманчиво», «Я часто спрашиваю себя», «Мне нравится ваш голос». Ну и, разумеется, для установления контакта с аудиалом и доверительных отношений с ним следует по возможности перенять темпоритм его речи – тембр, ритм, скорость – и, конечно же, использовать в общении с ним аудиальные слова.

Что еще важно? Да, вспоминая, аудиал смотрит влево го-

горизонтально, мечтая – горизонтально вправо.

– А визуал – вверх? – уточнила Юлия.

– Да, верно. Забегая вперед, скажу, что кинестетик в этих случаях смотрит вниз. Это яркая и легко «прочитываемая» отличительная особенность трех типов.

К слову сказать, по направлению взгляда человека достаточно просто подловить его на лжи. Когда при ответе на конкретный вопрос, требующий воспоминания, взгляд устремлен вправо, человек неискренен. Он думает о будущем, рисует в воображении события, которые еще не произошли. Но если он вспоминает о том, что было на самом деле в прошлом, его взгляд будет направлен влево. Да, важно отметить, что это у правшей, а у левшей все с точностью наоборот.

Теперь кинестетики. Они большое значение придают чувствительному опыту, лучше других запоминают запахи, стремятся к тактильному контакту, любят прикасаться к собеседнику, а то и поглаживать, класть руку на плечо – словом, стремятся к физической близости.

– Прямо вот так сразу и постоянно? – сострила Юлия.

– Ну не в этом смысле. Что касается фразеологии – они часто используют словосочетания: «Я так чувствую», «Это будоражит мои мысли», «Это приводит меня в трепет». А слова, связанные с теплом и холодом, легкостью и тяжестью, вообще в их постоянном лексиконе: «Я так взволнован, что у меня тяжелая голова и мороз идет по коже», «Мне было так страшно, что я облился холодным потом» и тому подоб-

ное. С учетом сказанного можно на них влиять. Чем больше прикосновений, тем лучше. Не утомил я тебя своими поучениями?

– Ну что ты, во-первых, я сама тебя попросила, а во-вторых, я уже чувствую себя мастером оболъщения. Только бы вот получилось!

– Тогда для усиления эффекта – еще один прием.

На все типы, а особенно на кинестетика, четкое прикосновение в одной и той же области тела действует как усиление сказанного.

– Не поняла, – протянула Юля.

– Да, пожалуй, прозвучало невразумительно. Давай на примере. Если всякий раз, делая тебе комплимент или донося до тебя приятную информацию типа: «Тебе выписали большую премию», я буду касаться твоего локтя, причем так, чтобы ты это прикосновение почувствовала, то после сотого или двухсотого раза мне достаточно будет всего лишь прикоснуться к твоему локтю, чтобы вызвать позитивные эмоции.

И наоборот, донося до тебя негативную информацию типа: «Начальник опять с раздражением говорил о твоём опоздании», прикасаясь при этом к твоему плечу, я посылаю твоему телу сигнал опасности. Через какое-то время мне достаточно будет молча прикоснуться к тому же месту, чтобы вызвать у тебя чувство тревоги.

– Какой кошмар! И что, кто-то этим пользуется?

– Каждый уважающий себя менеджер должен использовать эти приемы, чтобы влиять на подчиненных без лишней суеты. Ведь если даже с улыбкой на лице прикоснуться к зоне опасности, то отрицательный сигнал все равно поступит, причем без указания отправителя.

– И все-таки это нечестно, если не сказать подло!

– Между тем я уверен, что ты буквально в ближайшее время станешь пользоваться одной из разновидностей этих, как ты выразилась, «подлых» приемов.

А вот еще. Если во время секса в предоргазмический и оргазмический момент руку всегда держать в одном и том же месте партнера, желательно в эротической зоне, то спустя энное время, если рука будет не на месте, партнер или партнерша не испытают всей полноты счастья. Но даже не это главное! Если это будет происходить с другой или с другим, которые и не подозревают об этом тактильном дополнении, то всякий секс будет сопровождаться мыслью: «Чего-то здесь не хватает».

– Да ты что! – не удержалась Юля. – Ну и чудеса!

***

Просматривая переписку в почте Владимира, Сергей зафиксировал его важную встречу с заказчиком в следующую пятницу. Встреча была назначена на вечер в ресторане.

«Отлично, – подумал Сергей, – он, как всегда, возьмет с

собой помощницу. Надо как-то использовать эту ситуацию».

Просмотрев театральную афишу на этот день, он обнаружил новую постановку в «Приюте комедианта». Относительно недавно здесь прошла премьера. Интернет пестрил восторженными отзывами, и он приобрел два билета.

– Послушай, – сказал он Юле во время очередной встречи в фитнес-клубе, – на следующую пятницу я взял билеты на премьерный спектакль «Собачье сердце», однако моя приятельница на эти праздничные дни уезжает к родителям. Сходи с мужем – отзывы о постановке исключительно положительные.

– Так пригласи другую девушку – ты же сам говорил, что отношения ваши больше дружеские, чем любовные.

– Скажешь тоже! Ты что, думаешь, что за мной тянется шлейф поклонниц? Сходите, сходите! Это мой тебе подарок на Восьмое марта.

– С твоей стороны это непозволительное расточительство.

– Сходите – будет интересно.

С этими словами он вручил ей билеты, предвкушая исполнение своей «умиротворительной миссии» после предстоящей семейной размолвки.

***

Все произошло куда более драматично, чем предполагал Сергей, причем с выгодой для него.

– А у меня для тебя сюрприз, – сказала Юля мужу, едва переступив порог квартиры, – мы идем в театр.

– И что мы смотрим? – откликнулся Володя, снимая с нее пальто и нежно целуя ее в шею.

– «Собачье сердце» в «Приюте комедианта», – радостно ответила Юля и протянула билеты.

– Вот незадача, – огорченно сказал Володя, – у меня на этот день назначена важная деловая встреча.

– Спектакль-то вечером, – с недоумением заметила Юля.

– И встреча тоже вечером.

– Ну так отмени, перенеси на другой день в конце концов! – вспыхнула она.

– Не могу – это большой и дорогой заказ, который может ускользнуть из-за любого пустяка.

В другое время Юля безропотно согласилась бы и даже поддержала бы мужа в выборе приоритета, но последние события вызвали у нее гневную реакцию.

– Мы и так никуда не ходим, ни с кем не встречаемся, в кои веки я предлагаю тебе выбраться из дома, а ты, видите ли, занят. Впрочем, ты не ограничиваешь себя в разного рода развлечениях – вот и я пойду в театр без тебя! – в сердцах выпалила она и, отвернувшись, уселась на диван.

Володя встал перед ней на колени и молча уткнулся лицом в ее подол, обняв за талию.

– Оставь меня, я хочу побыть одна.

– Побудь одна со мной, – сказал он, сел рядом и прижал

ее голову к груди.

***

В театр она пошла с Сергеем. Выглядела подавленно, на спектакль реагировала вяло – словом, была в разбитом состоянии.

Сергей же даже не попытался снять напряжение – он был вполне удовлетворен случившимся.

– Вот из таких маленьких радостей и состоит наша жизнь, – цинично заметил он на прощание.

План его удался – обида крепко засела в сознание Юлии.

Но это был еще не конец грустного вечера. По возвращении домой Юля застала мужа, играющего с сыном ненавистной шатенки – той самой, что присутствовала на фотографиях, присланных ей на работу.

Они весело резвились на полу, а эта ведьма смеялась и подзадоривала их своими репликами. Милый рыженький мальчик лет пяти виснул на шее Володи, пытаясь повалить его на пол.

Юля смотрела на идиллическую картину, и эти мгновения показались ей мучительной вечностью, отнимающей у нее то единственное, что было гарантией ее счастья, – ее мужа.

Володя увидел Юлю, встал с пола и выпалил:

– Все прошло отлично, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!
Мы обсуждаем детали переговоров. Познакомьтесь: это моя

жена Юля, а это Лера – директор по развитию.

Вяло поприветствовав гостью и выдавив из себя улыбку для мальчика, Юля удалилась в ванную и расплакалась. Она пыталась успокоить себя тем, что это деловая встреча, что они не делают это украдкой, что, в конце концов, успех мужа – это и ее успех, но обида теребила душу и слезы отчаяния окропляли лицо. Девушка ушла, Володя в который раз стучался в ванную, но она все плакала и плакала. Юля ясно представляла себе, как Владимир уходит к ним, обретая одновременно любимую женщину и сына.

«Сына? – переспросила она сама себя. – А может быть, это и есть его сын?»

И Юля заплакала навзрыд, уже не пытаясь остановиться.

***

На следующий день Юля позвонила Сергею и попросила о встрече. Зареванная, она казалась старше лет на десять, была разбитой и жалкой, но такой она нравилась ему еще больше – ведь, несчастная, она нуждалась в защите. В его защите.

– Теперь я точно уверена, что у них близкие отношения! – выпалила Юля.

– У кого? – с деланным удивлением спросил Сергей.

– Вчера, когда я вернулась из театра домой, застала там Володю с этой рыжей, о которой я тебе уже рассказывала.

– Да ты что!.. – пытаясь придать максимум трагизма си-

туации, прошептал Сергей.

– Нет, я не утверждаю, что он привел ее в дом для любовных утех, – с ними был ее сын, – но наш дом служит для них естественным местом для продолжения служебных отношений, и это говорит о многом.

Сергей не ожидал такого поворота событий – это было даже страшнее всех его коварных замыслов! Он мог... нет, должен был после пары уточняющих вопросов расставить все на свои места, полностью реабилитировав Владимира, но это было не в его интересах. Он насупился и с трагическим видом молча ждал ее реакции на его сострадание.

– Боже мой, ну почему я такая несчастная?! Что у меня не так? – спрашивала Юля, поддавшись отчаянию.

Здесь по закону жанра Сергей должен был напомнить ей разговор о ее профессиональной успешности, охарактеризовать ее как роскошную женщину и хорошего человека, вселив в нее позитивные мысли, но он угрюмо молчал. Он знал, что его молчание усилит ее сомнения, разочарования и самобичевание.

– Впрочем, что я спрашиваю, когда сама знаю ответ: ему надо то, чего я не могу дать: ему нужен ребенок!..

Губы ее затряслись, глаза наполнились слезами, и она в отчаянии закрыла лицо руками.

– Господи, что же мне делать? Чувствовать себя лишней, ненужной – это так унижительно, так мерзко...

– Ну, ты уж совсем расклеилась! В таком состоянии нель-

зя что-либо предпринимать. Беспокойный ум не может принять правильного решения. Надо побыть одной, успокоиться, все обдумать, взвесить и только после этого действовать.

***

По совету Сергея Юля уже несколько дней жила у приятельницы.

– Ты знаешь, – сказала она ему, – не помогает. Да, ссориться не приходится – не с кем, – но ревную я его еще больше. Засыпаю в слезах, представляя, как он сейчас на нашей постели ласкает эту моль. Просыпаюсь и, не помня первые секунды, где я нахожусь, жду нежного поцелуя. Не дождавшись и осознав реальность, опустошенная бреду на работу. Там весь день слышу разговоры о детях и мужьях и снова возвращаюсь в одиночество. Все вокруг себя вижу в черных тонах, обо всем беспокоюсь, всего боюсь. Такое ощущение, будто какое-то невидимое существо высасывает из меня жизнь.

– Это депрессия – закономерный процесс в твоей ситуации. Я же тебя учил: вспоминай счастливые моменты своей жизни, думай о хорошем, говори о хорошем, поступай позитивно.

– Да не получается! – с детским отчаянием бросила Юля.

– Так и не получится, если ты игнорируешь встречи со мной. Я каждый день жду тебя после работы, как условились, а ты не приходишь.

– Да неудобно! Я и так к тебе присосалась как пиявка, да еще на халяву. Меня это тяготит.

– Я же тебе говорил: не бесплатно, а по десятке в час, причем не в кассу, а мне в карман.

– Я помираю, а ты шутишь...

– Я тебе не указал главную причину депрессии – темень. Всю зиму было темно, как в Заполярье. На дворе весна, а солнца все нет. Когда мне было плохо после смерти мамы, я поехал в Индию – и все прошло как по волшебству. Кстати, хорошая идея! Я собираюсь поехать туда еще раз – можешь со мной за компанию. Там я основательно поработаю над твоей психологической саморегуляцией. Вернешься новенькой, блестящей и веселой.

– А почему блестящей? – с недоумением спросила Юля.

– А по той же причине, что и веселой: там все улыбаются, всё в золоте, а потому блестит.

– Да ты что! – встрепелась Юля. – Как это – «мы с тобой»?

– Ну что ты! В разных номерах, разумеется, – каждый сам по себе. Просто тебе надо расслабиться, отдохнуть, а не вращать в проблемы, которые тебя могут окончательно разрушить.

Юля вспомнила те две недели в Гоа – самые счастливые дни, часы и минуты ее жизни. «А почему бы и нет? – рассудила она. – Сергей хорошо меня знает, он великолепный психолог, он поможет мне успокоиться и найти правильное

решение».

– Ты знаешь, в этом что-то есть, надо подумать.

– А что здесь думать, оформляй отпуск – и срочно покупаем путевки, иначе можно пролететь с поездкой.

***

Путевки в Кералу оказались недорогими, и они запланировали поездку в Мадурай – святыню индуизма и великолепный архитектурный комплекс.

В аэропорту ее кто-то окликнул:

– Юля, Юлька, это ты, что ли?

Она огляделась и не нашла ни одного знакомого лица.

– Юлька, не узнаешь, что ли, это же я, Катька!

Прямо перед ней стояла женщина лет пятидесяти и улыбалась беззубым ртом.

– Ты помнишь последний звонок, праздник «Алые паруса»? Помнишь, как мы отбились от класса, а потом и с тобой потеряли друг друга?

Юля вспомнила эти события, но собеседницу, как ни старалась, не смогла идентифицировать с прехорошенькой заводной Катюшей – любимицей всех мальчишек их класса.

Между тем женщина в красках стала рассказывать Юле душещипательную историю своей жизни:

– Так вот, тогда меня изнасиловали. Представляешь, прямо на стрелке Васильевского острова какие-то солдаты под-

поили и изнасиловали! А потом пошло-поехало... Ребенок, лишение родительских прав... Муж-алкоголик... Сволочь, а не муж, сожитель жалкий! Украл в ювелирке кольцо и подарил мне, а потом еще все свалил на меня. Отсидела полтора года, но теперь все на мази. Вот, ищу работу.

Работу Катя, похоже, искала не первый год.

– Вот видишь, как легко потерять себя! – с назидательным пафосом закончила она свой рассказ. – Я думала, что все о'кей и счастье у меня в кулаке, а оказалось, что я сама заперта в тисках жестокой жизни. С тобой, думаю, такого никогда не случится. Слушай, у тебя не будет в долг на опохмел, а то во рту с утра ни росинки? Я отдам.

Слова эти были произнесены так жалобно, что Юля безоговорочно достала кошелек. Одноклассница ловким движением извлекла оттуда пятитысячную купюру и стремглав растворилась в толпе.

«Вот ведь как бывает, а я еще жалуясь на свою судьбу!» – подумала Юля.

Подошел Сергей.

– Юля, мы опаздываем! Уже началась посадка, а мы еще не прошли паспортный контроль.

– Да-да, идем, – ответила она, обескураженная неожиданной встречей. – Я просто в шоке от услышанного.

– Что такое? – с нескрываемым любопытством спросил Сергей.

– Я здесь случайно встретила свою одноклассницу. Не ви-

делись с самой школы. Ты представляешь – она, бедная, прошла все круги ада!

И Юля пересказала Сергею историю одноклассницы.

– Потеряйся я в толпе – и моя жизнь, возможно, сложилась бы совершенно иначе, может быть, трагичнее, чем ее.

– Не скажи: в контексте индуистской философии – а именно на эту волну нам надо сейчас настраиваться – ты проживаешь ту жизнь, которая тебе предначертана Вселенной, а предначертано тебе то, что ты заслужила в прошлой жизни. Я уверен, что прошлую жизнь ты прожила праведно. Мы, конечно, можем изменить свою судьбу в лучшую или худшую сторону, но лишь незначительно. Карма должна исполняться в стремлении к чистоте и благородству.

***

Едва они сели в салон самолета, Сергей вынул планшет и протянул ей:

– Я написал рассказ и хочу, чтобы ты его прочла. Именно ты вдохновила меня на этот творческий порыв.

В глубине души он верил в свою гениальность и рассчитывал на ее восторженный отзыв, на то, что, оценив его дар, она увидит еще одну грань его таланта, на то, что это поможет ему покорить ее сердце.

Юля удобно устроилась у иллюминатора и стала читать. Рассказ назывался «Бьенамэ».

– Ну почему такой печальный конец? – спросила Юля. – Пока ты спал, я попробовала закончить его на более оптимистичной ноте, правда, не успела.

– Ну-ка, дай посмотреть, это любопытно.

Сергей взял планшет и начал читать.

«...Лишь только первые лучи солнца коснулись крыши городской больницы, в палату вошла медсестра Люба. Взгляд ее голубых глаз с состраданием остановился на молодом пациенте, которого привезли ночью. На его шее выделялся страшный багровый след. Он хрипло дышал и, мечась по подушке, повторял какие-то странные слова, будто звал кого-то. Любочка тихо подошла к нему и положила на его пылающий лоб свою прохладную руку. Он успокоился и приоткрыл мутные глаза...

...В белом тумане медленно возникли пухленькие фарфоровые щечки, коралловые губки и голубые круглые глазки, в которых, как показалось Бьенамэ, светилось любопытство. Потом он заметил белый халат, руки с коротко подстриженными ногтями, почувствовал резкий запах карболки, и – о ужас! – Бьенамэ понял, где он. Перед глазами пронеслись картины прошлой ночи: Юнфамлежер, отступающая в глубь комнаты, синие сумерки за окном, тупая боль в шее – и он глухо застонал.

– Вам плохо? – прошептала Любочка и тихонько присела

на край кровати, ненароком обнажив пухленькую розовую коленку. Бьенамэ тупо уставился на нее. Ощущение жизни постепенно возвращалось к нему. Он медленно протянул руку...

...

Дверь в палату резко распахнулась, вбежала Любочка и, чмокнув Бьенамэ в щеку, радостно пропела: “Завтра тебя выписывают!” Кинув пакет с апельсинами на тумбочку, она несколько раз покружилась по палате и, прощепетав: “До вечера!”, скрылась. Бьенамэ с улыбкой посмотрел ей вслед и умиротворенно закрыл глаза.

...

– Вот здесь я и живу. – Бьенамэ распахнул дверь, пропуская вперед Любу. Она вошла, стреляя глазками по сторонам. Взгляд ее упал на театральные кукол, висевших на стене.

– Это мои друзья, – сказал Бьенамэ, внимательно глядя в глаза Юнфамлежер. Они казались пустыми и безжизненными. Он вздохнул и, обняв Любочку за плечи, спросил:

– Как тебе здесь?

– Ничего, – протянула Любочка, перейдя к книжным полкам и рассматривая стоящие там деревянные фигурки. Бьенамэ улыбнулся:

– Я сейчас.

Любочка села на диван, взглянув на стол, заваленный книгами и рукописями, взяла первую попавшуюся книжку, перелистнула несколько страниц и, равнодушно отложив ее в

сторону, раскрыла пудреницу. Вошел Бьенамэ – он торжественно нес тарелку с бутербродами и два бокала.

– Извини за скудное угощение, я еще ничего не успел купить, но хорошее вино у меня найдется.

Он достал из бара бутылку, разлил вино и протянул Любочке бокал.

– За что мы пьем? – спросила она.

– Я – за любовь, – сказал Бьенамэ.

– Я тоже, – прошептала Любочка.

За окном было уже темно, и девушка невольно взглянула на часы.

– Ты спешишь?

– Да нет, – пожала она плечами.

Он присел рядом и нежно обнял ее. Вдруг какая-то неведомая сила заставила его подняться и подойти к стене. Взглянув на Юнфамлежер, с минуту Бьенамэ колебался, затем аккуратно снял ее и положил в шкаф.

– Зачем ты это сделал?

– Так надо. – Он грустно улыбнулся и спросил: – Ты любила когда-нибудь по-настоящему?

– Да. Но это все в прошлом. Не надо об этом.

Она задумчиво отпила глоток вина и поставила бокал на стол.

– Ты любишь стихи? – неожиданно спросила она.

– Да, конечно.

– Тогда прочти мне что-нибудь.

Он сел рядом с ней, закинул руки за голову и начал:

“В одно прекрасное утро, похожее только на скрипку...”

Любочка слушала, рассматривая собственные ногти.

Дочитав до конца, он криво улыбнулся:

– Вот так, малыш.

Он провел пальцем по ее носику. Поцелуй получился долгим, так что обоим едва хватило дыхания.

– Гасить свет? – спросил Бьенамэ.

– Да, – прошептала Любочка.

Комната погрузилась в темноту, и синие тени от уличных фонарей запрыгали по стенам.

Продолжение следует»

«Да, фокус не удался, – подумал Сергей, – не оценила она сей литературный шедевр и даже дерзнула конкурировать. Однако как легко и непринужденно она это сделала, с ходу уловив стиль! Умная, светлая моя Юленька...»

И тут же паническая тревога сдавила виски, раскаленной лавой опустилась в грудь и, дернув его за воображаемый поводок, прошипела: «Стоп, так нельзя! Это она, она должна восхищаться тобой, нуждаться в тебе, иначе нити ослабеют, и ты не сможешь ее контролировать, не сможешь окончательно разорвать их нелепый союз с мужем!»

– Да, любопытно... Похоже, у нас зарождается творческий союз и нам будет чем заняться в Индии, – выдавил из себя Сергей и, закрыв глаза, стал детально обдумывать каждый день предстоящего совместного отдыха, сулящего судьбоносные перемены в его жизни.

***

В Кералу они прилетели под вечер, забросили вещи в номера и вышли к морю. Утомленное за день солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая скалистый берег в пастельные тона. Волны лениво плескались в камнях. Пальмы замерли у берега, небо сияло последним вечерним светом и, уходя к горизонту, сливалось с водой в единую серебристую гладь, охватившую весь мир покоем, ласкающим душу.

– Я чувствую себя невесомой и растворяюсь в этом божественном пространстве! Это рай! – вдохновенно произнесла Юля.

– Да-да, у меня такое же ощущение, – вторил ей Сергей.

На этот раз он не пытался ее отзеркалить. Он тоже ощутил блаженство и легкость, правда, быстро наступающий сумрак разрушал это состояние и зачарованный вечер тонул в море.

Ранним утром, оставив на ресепшене ключи, они устремились на пляж.

– Обязательно побывайте на маяке, – бросил им вдогонку менеджер.

Береговую линию выстилал черный вулканический песок. Сильный отлив обнажал большие камни. Все это было совсем не похоже на романтические краски вчерашнего вечера.

Вдоволь накупавшись, они поднялись на маяк. Выглядевший небольшим, почти игрушечным снизу, он оказался невероятно высоким. При взгляде вниз со смотровой площадки, находящейся на самой верхотуре, захватывало дух.

– Посмотри, какой чудный вид, как солнечные блики бегают по волнам, как ветер напевает песню о вечности! – восторженно воскликнула Юля.

«Вот оно, начало ее психологического оздоровления, начало ее освобождения от мужа, начало нашего счастья», – подумал Сергей.

С одной стороны от маяка простиралось грозное каменное побережье, поросшее пальмами. Кое-где между скалами были встроены миниатюрные домики, несмотря на свои размеры напоминавшие дворцы. С другой стороны за небольшим мысом до самого горизонта по берегу, усыпанному белоснежным песком, тянулась череда отелей. Вокруг маяка кружили орлы. Подолгу зависая над морем, они вдруг резво устремлялись вниз и, чудесным образом зацепив с поверхности огромную рыбу, улетали в глубь материка. Это была завораживающая красота! Пребывание в раю продолжалось.

– Юля, я не знаток и тем более не поклонник индуизма, – сказал Сергей, когда они расположились за мысом на мягком, похожем на муку песке, – но во время моего отдыха в Гоа на пляже отеля я познакомился с очень интересным человеком. Мы разговорились – он оказался школьным учителем, подрабатывающим продажей шкатулок собственного изготовления. И вот что он мне поведал и чему меня научил. – Для большей убедительности Сергей встал и уселся у изголовья лежащей на песке Юлии. – Он научил меня растворяться во Вселенной, нащупывать нужные зоны и черпать оттуда энергию и, наоборот, сбрасывать туда то, что в данный момент обременяет.

– Ну-ка, ну-ка! Это интересно! – воскликнула Юля, поднялась и устроилась напротив Сергея в позе лотоса.

Она была такой естественной, такой пленительной, такой желанной, что Сергей пришел в замешательство.

– Ну-ну, что ты хотел рассказать? – вернула она его в реальность.

– В индуизме есть слово «ом», – вдохновенно продолжил Сергей, – это самое священное слово, потому что оно означает первое проявление Абсолютного Брахмана, то есть первоосновы мира, дающей всему толчок к движению. Это главная мантра, несущая благо. Произнося слово «ом», мы концентрируемся на своем внутреннем «Я». Если мы нащупаем проблему, то сможем выдохнуть, вытеснить ее из себя. Точ-

но так же мы вберем в себя необходимую нам энергию. Я попробовал, и у меня получилось.

Юля была разочарована сообщением Сергея.

– Ом... – легкомысленно произнесла она. – Не помогает!

– Юля, я серьезно! Вероятно, мое объяснение было очень беглым и невнятным, – обиделся Сергей. – Во-первых, надо сконцентрироваться на себе, ощущая и осознавая себя. Я, например, осознаю себя на уровнях «Я-реальное» и «Я-идеальное». Иначе говоря – что я есть и каким я хочу быть. Во-вторых, в процессе самоанализа я нащупываю свою проблему или анализирую себя с уже существующей проблемой, но обязательно делаю это здесь и теперь. И в-третьих, максимально длительно произнося слово «ом», я вывожу из себя то, что меня в данный момент обременяет. Причем звук «м» надо стремиться вытеснить через темечко.

– Что это сейчас было? – спросила окончательно разочарованная Юля. – Краткий курс двухдневного тренинга?

– Ты права: это работает не сразу, требуются знание о предмете и некоторая подготовка. И вообще, спешить не надо, особенно здесь, в Индии. Будем руководствоваться великим изречением Омара Хайяма:

*Кто понял жизнь, тот больше не спешит,
Смакует каждый миг и наблюдает,
Как спит ребенок, молится старик,
Как дождь идёт и как снежинки тают.*

– Гениально, трогательно до слез! Вот это работает, просто размягчает душу! Пожалуйста, прочти еще раз!

Сергей с удовольствием повторил рубаи.

– Ну да, вернемся к тренингу. Начнем с обозначения проблемы. Ты свою можешь не называть, а я для наглядности свою обозначу: неуживчивость.

– Ты и неуживчивость – это вещи несовместимые, – искренне удивилась Юля, – ты же душка, добрячок, каких мало.

– И тем не менее. Итак, моя проблема – неуживчивость. Конкретизируем: неуживчивость с коллегами. С твоего позволения, я устроюсь поудобнее и лягу. Кстати, весь этот процесс у меня максимально эффективно протекает в море, но для удобства нашего взаимодействия останемся здесь.

«Я-реальное» в контексте неуживчивости: я нетерпим к недостаткам других людей, не всегда вникаю в смысл сказанного, не ищу позитива в человеке и в том, что он предлагает, не готов принять недостатки другого, часто бываю эгоистичным и циничным в общении.

«Я-идеальное»: мне надо стремиться к доброте и отзывчивости, проявлять эмпатию, ценить и уважать коллег, быть внимательным и искренним в общении с людьми, дружелюбным и вежливым, терпимым к их недостаткам и ошибкам, восхищаться интересными идеями собеседника, способствовать созданию позитивной репутации сотрудников.

И только после такого самоанализа произносим сакральное «ом». Предпочтительно девять раз. Заметь: это говорил я долго, а мысль мгновенна.

И Сергей, закрыв глаза, сотряс округу глухим звуком. Вибрация распространилась по всему его телу, и казалось, что звук этот действительно исходит из темечка. Юля уже сделала несколько вдохов, а он на одном выдохе все продолжал произносить звук «ом», а затем несколько раз почти незаметно быстро вдыхал воздух и извлекал из себя мощные потоки вибрации. Открыв наконец глаза, Сергей некоторое время молча смотрел в бесконечность.

– Мой внутренний мир сейчас так же чист, как это ясное небо. Я не стал душкой и добрячком, но здесь и теперь неуживчивость не отягощает меня. И если бы я сейчас пошел на работу, я был бы мягче, добрее и сговорчивее обычного. Это проверено, – заключил он и сел напротив Юлии. – А теперь попробуй ты, только будь готова к тому, что в первый раз эффект будет нулевой.

– А во второй? – спросила потрясенная увиденным Юля.

– И во второй, и в десятый, зато в сотый раз ты будешь проделывать это быстро и с каждым разом все с бóльшим и бóльшим эффектом.

Юля, как прилежная ученица, снова и снова повторяла упражнение, а потом таинственно произнесла:

– Кажется, получается. Так ты говоришь, что в море это происходит более эффективно?

И с этими словами красивой спортивной походкой она направилась в морскую синеву.

***

На пляже к ним подошел индеец с предложением поехать на экскурсию в природный заповедник. Они согласились, и утром следующего дня за ними пришла машина. Заповедник оказался недалеко – в получасе езды. Это была огромная заводь с десятками больших и маленьких островов, образовавшаяся в устье реки. Здесь их пересадили на катер, и экскурсия началась. Сергей дал мальчику, выступавшему в одном лице и мотористом, и гидом, десять долларов, и тот от счастья так врубил скорость, что они чуть не врезались в мосток, соединяющий один островок с другим.

Мальчику было от силы лет пятнадцать. Благодарный за щедрые чаевые, он часто причаливал, выводил их на острова и угощал экзотическими фруктами, тут же сорванными с деревьев. Других туристов этим не баловали. Он выключал мотор и с помощью весла подгрребал к гнездам редких птиц, коих знал великое множество. Они подошли к косе, отделявшей заводь от моря, и мальчик предоставил им свободное время. Коса была небольшая, и Юля с Сергеем направились в сторону ревущих волн. Некоторые туристы купались.

– Этого пропустить нельзя – я еще никогда не купалась в таком мощном море! – сказала Юля и на ходу скинула с себя

легкое платье.

– А я понежусь на песке и позже присоединюсь к тебе, – бросил ей вдогонку Сергей.

Стройная и сильная, она уверенно вошла в морскую пучину. Он любовался ею как своей женщиной. «Она полюбит меня, выйдет за меня замуж, и я терпеливо буду ждать ее зачатия. У нас будут дети. Это я сделаю ее счастливой. Мама одобрила бы мой выбор», – с вожделением думал Сергей.

Между тем Юля стала стремительно удаляться от берега. Это его насторожило, он всмотрелся и на фоне светло-голубого морского пространства увидел канал бурлящей воды, уходящий в открытое море. Это был рип. Дедушка много рассказывал о коварстве этого течения, и вот теперь оно создавало реальную угрозу его возлюбленной.

«Опять дедушка дает мне шанс отличиться, – подумал Сергей. – Интересно, знает ли она об этом явлении, справится ли сама или я спасу любимую, став героем в ее глазах?»

Юля с отчаянным неистовством пыталась плыть к берегу, но сильный поток уносил ее все дальше и дальше. Сергею казалось даже, что он видит ее глаза, молящие о спасении. Он вскочил и, размахивая руками, стремительно побежал к воде с криком: «Держись, я с тобой!»

Через несколько секунд Сергея поднесло к ней. Вся хитрость маневра заключалась в том, чтобы не проскочить мимо, но ему повезло – он вышел прямо на нее. Обхватив ее одной рукой, Сергей властно произнес:

– Не паникуй и подчиняйся мне, все будет хорошо. Греби синхронно со мной в том направлении. – И указал кивком головы в сторону.

Благодаря нескольким сильным движениям им удалось выйти из потока, несущегося в открытое море, и теперь уже приливная волна стремительно прибывала их к берегу.

Юля держалась молодчиной, но, когда они вышли на берег, ноги ее подкосились, и она без сил опустилась на песок.

– Что это было? Я не могла справиться, меня уносило как щепку, – дрожащим голосом пролепетала она.

– Течение. Мощное морское течение.

– И где бы я сейчас была, если бы не ты, – на дне моря?

– Ну к чему так мрачно? Всего лишь где-нибудь на необитаемом острове, – попытался пошутить он. – Не ходи купаться без меня.

Эти последние слова Сергей произнес громко, внятно и выразительно, зная, что в стрессовой ситуации они были восприняты как приказ, как завет свыше. Он намеренно не рассказал ей о природе этого отбойного течения, по которому вода уходит обратно в море, и о том, как относительно просто можно самостоятельно выбраться из него.

Сергей и так сделал все, чтобы сформировать у Юлии зависимость от него, но этот случай был просто подарком природы! Сейчас, здесь он спас ей жизнь, причем сделал это уверенно и мужественно. Кто он в ее глазах? Набрал в легкие воздух, он воздвигался перед ней, словно монумент.

– Ты знаешь, я так испугалась, что даже не смогла позвать тебя на помощь! Хорошо, что ты увидел, как меня относит.

– Все, забудь, давай о чем-нибудь хорошем. Вот, анекдот вспомнил на морскую тему. Старая акула учит молодую охотиться на человека: «Подплываешь к берегу, находишь далеко заплывшего человека и начинаешь вокруг него нарезать круги, причем так, чтобы он непременно увидел тебя. Сначала большой круг... потом поменьше... потом совсем рядом выныриваешь с открытой пастью и только после этого поглощаешь жертву». – «А че круги-то крутить? Можно без этих финтов сразу его сожрать?» – «Ну, если ты предпочитаешь человечину с дерьмом, то можно и сразу».

– Да уж, успокоил – я теперь и вовсе в море не войду!

– А со мной?

– Ну разве что с тобой.

Они направились к катеру – надо было возвращаться.

***

Завтракая на террасе, Юля с Сергеем каждый день наблюдали одну и ту же картину. Аниматоры ходили вокруг бассейна и поднимали праздно лежащих женщин на утренний шейпинг. Звучала оживленная музыка, и они неуклюже двигались вслед за аниматорами. К спортивной группе подтягивались мужчины, степенно закуривали и иронично обсуждали происходящее. Выкурив по сигарете, мужчины один за

другим отправлялись в бар. Здесь они лениво потягивали пиво и обменивались впечатлениями об отдыхе. Музыка заканчивалась, аниматоры расходились, а женщины разбирали своих мужчин и направлялись к лежакам наращивать жир.

– Как неумолимо быстро бежит время! Свою молодость они, вероятно, вспоминают сейчас как вчерашний день. Да и я совсем недавно была маленькой девочкой, а сегодня вот уже зрелая женщина, – с досадой сказала Юля.

«Какое жалкое зрелище представляют пары пожилых людей! – думал Сергей. – Жены выглядят как матери. А немки с молодыми мужьями – так это вообще уродство! Вот уж никогда бы не подумал, что сегодня такое возможно! Ан нет – факт налицо. Любопытно, что заставило этого мужчину взять в жены безобразную старуху?»

Мужчина и впрямь был моложе жены лет на пятнадцать, а то и больше. Она постоянно прикрикивала на него, отвешивая увесистые затрещины, а он безропотно все сносил.

«Моя бы воля – так я бы старых людей поселял отдельно, чтобы не портили пейзаж, а у моря выделил бы для них резервацию, запретив своими безобразными телами омрачать отдых молодых красивых людей».

Он хотел было поделиться своими соображениями с Юлей, но вовремя спохватился. «Вряд ли она разделит мои мысли и уж наверняка не поймет всей глубины суждений».

Вместо этого он высказал другую – как ему показалось, пафосную, философскую идею.

– Да, Юля, все несется в стремительном потоке времени. От песчинки до Вселенной. Для недолгой жизни человека время дороже всего, и нет ничего дороже времени. Утерянное богатство можно возвратить, потерянную репутацию – восстановить, утраченное здоровье – вернуть. Но если теряется время, не воротить ни одной секунды.

Жизнь – это не прошлое или будущее. Жизнь – это настоящий момент, каждый ее миг. Он, безусловно, зиждется на прошлом и устремлен в будущее, но момент «здесь и теперь» – ключевой в нашей жизни.

Лично я стремлюсь жить с девизом: один день – одна жизнь. Если так относиться к каждому дню своей жизни, то всякое мгновение будет наполнено событием.

– Ты меня все больше и больше поражаешь своей мудростью, – с восхищением заметила Юля, – теперь я понимаю тех клиентов, которые месяцами ждут твоего приема. Похоже, ты способен любого научить уму-разуму.

– Ну что ты, я никого не учу и не даю советов. Даже самый мудрый человек не знает ответов на все вопросы, поставленные жизнью. Кроме того, как говорил Сократ, «истина и знания не переливаются из одной головы в другую».

– А что же тогда ты делаешь, когда к тебе обращаются за помощью?

– Лучше всех на вопрос может ответить только сам вопрошающий, ему надо просто помочь в этом. И здесь я снова прибегаю к помощи Сократа, вернее сказать, к его диало-

гическому методу познания. Он приводил своих учеников к истинному суждению, не давая готового ответа, а напротив, сам задавал им вопросы. Получив ответ, задавал следующий уточняющий вопрос и так далее, пока ученик не доходил до самой сути. Восклицание Сократа «Эврика!» выражает его восхищение своей собственной сообразительностью. Он вообще считал, что жизнь без исследования – это не жизнь для человека.

– А попроще нельзя? – смущенно спросила Юля.

– Можно и попроще, – самодовольно ответил Сергей. – Когда-то я стану отцом, и в лет пять-шесть мой сын спросит меня: «Папа, а почему на улице то день, то ночь?» Я возьму глобус и спрошу, в свою очередь, его: «Что это?» «Глобус», – ответит сын. «А что он представляет?» «Землю», – вероятно, услышу я в ответ. «Правильно, умница, – похвалю его я. – Теперь давай погасим свет и зажжем свечу, поставим ее перед земным шаром и представим, что это Солнце. Ведь оно освещает Землю, не правда ли? Где-то здесь на Земле наш город. Я помогу тебе его отыскать, если ты вспомнишь, как называется река, в которой мы с тобой рыбачим и на берегу которой живем». – «Нева», – определенно услышу я в ответ. – «Правильно, вот она на глобусе, а на ее берегах наш город. Давай пометим его булавкой и развернем к Солнцу. Где у нас Солнце? Итак, оно светит на наш город, стало быть, у нас в это время что?» – «День», – ответит сын. – «Отлично, все-то ты знаешь! А теперь поверни Землю в противо-

положную от Солнца сторону. Нам с тобой будет светло при таком положении Земли? Конечно нет, потому что у нас в городе что будет?» – «Ночь», – наверняка удивившись своему открытию, скажет сын. – «Отлично, давай будем плавно вращать Землю. При этом на Земле становится светлее или темнее? Да, конечно, светлее. А теперь совсем светло. Значит, у нас что? Совершенно верно: день. Смотри внимательнее, в нашем городе становится светлее или темнее?» – «Темнее». – «А темнеет когда?» – «Вечером». – «Значит, что наступает?» – «Ночь». – «Отлично. Продолжаем вращать глобус. Сейчас какое время суток?» – «Утро». – «А за утром что наступает?» – «День». – «А теперь что на Земле?» – «Вечер». – «А сейчас что у нас? Правильно, ночь. И снова утро. Обрати внимание, что я делаю с Землей, когда на смену дню приходит ночь и наоборот?» – «Крутишь ее». – «Так, стало быть, за счет чего на Земле становится то темно, то светло?» – «Потому что она крутится?» – «Ну конечно, потому что Земля вращается. Ты сделал открытие. Теперь мы все знаем, почему наступает утро, а за ним день. Когда к нам придут твои друзья, ты им об этом расскажешь. Вот они удивятся! Ну ты и молодец!»

Как-то так объяснил бы в диалоге Сократ ребенку смену дня и ночи, в котором последний почувствовал бы себя первооткрывателем.

– Похоже, ты будешь лучшим в мире папой, – тяжело вздохнув, заметила Юля.

Сергей вспомнил, что именно так рассказывал ему о вращении Земли дед, наверняка не знавший о сократовском методе познания, и почему-то тоже погрузнел.

***

На пятый день была запланирована двухдневная поездка в Мадурай. Ранним утром они вышли из вагона и направились на привокзальную площадь.

– Мадурай – центр тамильской культуры, бывшая столица древнего государства Пандья, самый древний из населенных ныне городов Индии. Сейчас здесь проживает больше миллиона жителей, – торжественно начал Сергей экскурсию по городу, как будто бывал здесь не раз. – Кстати, нам направо.

– Ты меня просто подавляешь своей осведомленностью, – бросила Юля.

– Ну хорошо, я могу и не рассказывать.

– Нет-нет, прости! Не понимаю, как это у меня вырвалось, это от досады за мое невежество. Рассказывай – мне, конечно же, интересно.

– Если бы мы подлетали на самолете, – продолжил Сергей, – то четко увидели бы, что город имеет форму цветка лотоса, где сердцевиной является храм Минакши, а улицы от него расходятся радиально подобно лепесткам. К слову сказать, Мадурай – главный поставщик цветов во все города штата.

В Керале их заверили, что с размещением проблем не будет. Действительно, рядом с вокзалом находился отель, но там не оказалось свободных номеров. Нашли другой, третий, но мест нигде не было в связи с притоком в священный город паломников по случаю празднования Васанта Наваратри.

На ресепшене третьего отеля миловидная индуска взялась им помочь и позвонила в пару гостиниц. В одной из них оказался свободный номер.

– Вам повезло: отель совсем рядом с храмом.

Отель действительно оказался рядом с храмом, и там действительно был свободный номер, но один, причем с одной кроватью.

– Как нам быть? – смутилась Юля.

– Очень просто, эту ночь я буду ночевать у подножия твоего ложа, в крайнем случае – в ванной, – заявил Сергей.

– Ну ладно, там сориентируемся, – заключила Юля, и они поднялись в номер.

Быстро расположились, освежились, позавтракали и отправились в храм. Улицы Мадурая в эти дни были заполнены паломниками. У многочисленных магазинов их то и дело бесцеремонно хватали за руки торговцы и затаскивали к себе. К счастью, и там было не протолкнуться, и они легко покидали очередную лавку.

Цена билетов в храмовый комплекс – одно из красивейших мест мировой культуры – была чисто символической: всего пятьдесят рупий. Юлия и Сергей отстояли большую

очередь, сдали обувь и, совершив омовение ног перед входом и смыв таким образом все грехи, босиком проследовали в храм.

– Храм в Мадуре – самый крупный и богатый центр индуизма. Эти надвратные башни с расположенными на них цветными скульптурами индийских богов, животных и демонов, среди которых не найдешь двух похожих, называются гопурами. Их четырнадцать – пять внутри и девять снаружи. Мы их все обойдем. Только не говори, что я подавляю тебя своей осведомленностью, – протараторил Сергей. – Желая сделать тебе приятное, я подготовился, почитал об Индии, Мадуре и о храмовом комплексе в частности.

– Да ладно, брось обижаться, я же уже извинилась! Это от усталости, да и потом, если признаться честно, я, конечно же, все еще внутренне очень напряжена.

– Так вот для того и приехали сюда, чтобы расслабиться и обрести гармонию!

– Спасибо тебе, Сережа, я даже не знаю, что бы я без тебя делала.

– Одну из жен бога Шивы звали Минакши, – продолжил свой рассказ Сергей. – Храм был возведен в ее честь около двух тысяч лет назад на том самом месте, где они сочетались браком на земле в присутствии всех сошедших с небес богов.

Существует красивая легенда о том, как этот храм был построен. В этих местах жил великий, но бездетный правитель. Дни и ночи он проводил в молитвах о ниспослании ему

детей, и в одну из ночей из жертвенного костра на свет явилась девочка. Она была названа Минакши, что с тамильского языка переводится как «рыбьеглазая», так как у нее были очень выпуклые глаза. В те времена это считалось венцом женской красоты. Кроме того, у девочки было три груди. Родители опечалились этим фактом, но мудрецы сумели приободрить их, сказав, что в тот день, когда Минакши повстречает жениха, третья грудь исчезнет. Так и произошло, когда в назначенный час повзрослевшая Минакши встретила Шивой. Было решено сыграть свадьбу, в честь чего родители девочки и построили храм. Хотя, по другим источникам, встреча эта произошла уже после смерти ее родителей, когда Минакши сама стала правительницей, причем очень воинственной.

Пройдя по изящно украшенным коридорам, Юля и Сергей оказались в роскошном зале со множеством изваяний многоликих богинь, различных ипостасей Шивы, танцовщиц и музыкантов, небесных созданий, свирепых демонов и священных животных, иллюстрирующих все богатство мифологии Индии.

«Сердце храма – тысячеколонный зал бога Шивы», – прочитала на табличке Юля.

Огромный, запутанный, как лабиринт, храмовый комплекс с водоемами, дворцами, башнями, святилищами и складами поражал своей таинственностью и великолепием. Сакральные святилища сплошь были окружены торговыми

рядами, и Юля по ничтожным ценам покупала здесь браслеты, серьги и броши.

– Убей – не пойму, зачем я это делаю, – говорила она, – ну да ладно, зато по возвращении одарю всех своих знакомых.

Подошли к скульптуре, изображающей слоноголового Ганешу. Рядом с ним стоял огромный слон. В обмен на монетку он благословлял всех верующих, прикасаясь к ним хоботом.

– Здесь Ганеша дома, – сказал Сергей, – ведь он сын Шивы и Минакши. Осенью, во время религиозного праздника в его честь, ему делается специальное подношение из сотен килограммов риса, сахара и кокосов.

– А я где-то читала, что Ганеша – сын Шивы и Парвати, – усомнилась Юля.

– Одно другому не противоречит. Видишь ли, в индуизме все сказочно просто и сложно одновременно. Дело в том, что Минакши – одна из аватар – земных воплощений Парвати. Однажды она прогневала Шиву, и на свет появилась царская дочь – ее воплощение.

– Тогда, может быть, ты знаешь, почему у Ганеши голова слона? – спросила Юля.

– О, это страшная история! Как-то маленький Ганеша прогневал Шиву, и тот, рассвирепев (как бы это помягче выразиться), оторвал ему голову. Минакши, она же Парвати, потребовала оживить ребенка. Тогда Шива отделил голову у находящегося поблизости слоненка и приставил ее к телу Ганеши.

– Как-то грубо и тривиально, – заметила Юля.

За скульптурой находились святилища Ганеши и его брата Субраманы, а за ними – главное святилище Шивы и Минакши. Постоянно задрапированное, оно было скрыто от посторонних глаз. Туристов сюда не допускали.

Они устроились у пруда неподалеку от главного святилища. На водной глади водоема изящно покачивались кувшинки. Люди черпали из пруда воду и омывали ею тела.

– Зачем они это делают? – спросила Юля.

– Это священный водоем Золотого лотоса для сакральных омовений, – ответил Сергей. – Согласно поверью, его воды способны смыть любые грехи, очистить карму и исполнить благие намерения.

Юля молча спустилась вниз по ступенькам и исступленно стала омываться водой из пруда.

***

Начало смеркаться, и они направились в отель, намереваясь завтра вернуться и более пристально рассмотреть храмовый комплекс.

Ресторан находился на крыше гостиницы, откуда открывался сказочный вид на подсвеченный храм. За соседним столиком сидела русскоязычная юная пара. Едва заслышав разговор Юлии с Сергеем, девушка обратилась к ним с вопросом:

– Вы тоже приехали на праздник Васанта Наваратри?

– Да нет, мы об этом даже не знали, мы хотели посмотреть храмовый комплекс, – ответила Юля.

– Тогда вам повезло – это один из основных индуистских праздников. В девять ночей этого праздника проводятся священнодействия и совершаются чудеса.

– Какие именно? – едва сдерживая улыбку, спросил Сергей.

– А давайте сдвинем столики и поужинаем вместе, тем более, я смотрю, вы не очень разбираетесь в меню, а мы ужинаем в этом ресторане уже больше недели.

Молодые люди сдвинули столы, и Наташа (так звали новую знакомую) начала свой рассказ.

– Весеннее Наваратри – праздник в честь Богини – Матери всего мироздания. Начинается он в новолуние с первого дня весеннего месяца Чайтра. Праздник длится девять дней и ночей. Десятый день – кульминация праздника, день победы над демонами, силами зла. Во время Наваратри проводятся пуджи. Мы с Алешей каждую ночь принимаем в них участие.

Увидев недоумение в глазах Юлии, Наташа пояснила:

– Для Богини Матери ночи особенно важны: считается, что ночь – это лучшее время для почитания.

– А что такое пуджа?

– Ну... это обряд поклонения, во время которого происходит контакт с божеством. Вы, наверное, видели, как перед

фигурками богов воскуривают благовония, устраивают подношение пищи. Так вот, здесь происходит то же самое.

– Только разнообразнее и помпезнее, – добавил Алексей, – танцуют, исполняют священные гимны, читают мантры. Нам повезло: мы видели, как в первый день праздника, поздно вечером, когда уже стемнело, на золотой колеснице, в которую впряжен огромный слон, под звуки рожков и колокольчиков провозили фигуру Шивы. Сегодня, в последнюю ночь праздника, все повторится.

– Извините, но я не понимаю, – поинтересовался Сергей, – вы что, обратились в индуизм?

– Да не то чтобы обратились... – замялся Алексей. – Здесь дело, видите ли, в том... Как бы вам это сказать?

– Мы уже два года в браке, – пришла на помощь Наташа, – а у нас нет детей. Алеша вычитал, что в Индии есть священные места, где люди после отправления пуджи обретают способность к зачатию. Храм Минакши – самое сильное по энергетике место, к тому же дни празднования Наваратри – самое благоприятное для этого время.

– А к врачам обращаться не пробовали? – жестко, почти грубо спросил Сергей.

– Сережа, ну что ты? – возмутилась Юлия.

– Так ведь в том-то и дело, что мы им уже надоели, а противопоказаний никаких не нашли, – отозвалась Наташа.

– Ну, я бы сказал, что два года – для этого дела срок не критический, – заметил Сергей.

– Да в том-то и дело, что уже не два, – с грустью ответил Алексей.

Ребята были такими молодыми, что казались детьми, и Сергей едва удержался, чтобы не рассмеяться.

– Так вы здесь уже давно? – спросил он.

– Да вторую неделю, – ответила Наташа. – Ритуал надо пройти полностью в три этапа. Первые три дня Наваратри посвящены очищению от гнева, ревности, раздражения и прочих негативных эмоций.

Следующие три дня служат для наполнения освобожденного внутреннего пространства благодатными качествами: любовью и заботой, женственностью и нежностью – словом, качествами, необходимыми для достижения внутренней гармонии.

Три завершающих дня Наваратри посвящены женской мудрости. На десятый день, как я уже сказала, в жизни наступают качественные перемены. На что мы очень надеемся, – с оптимизмом завершила свой рассказ Наташа.

Весь вечер ребята наперебой рассказывали мельчайшие детали своей супружеской жизни.

***

Юлия и Сергей вошли в номер. На фоне жаркого вечера, проведенного в ресторане на крыше отеля, здесь было прохладно.

– Ложиться спать после такого сытного ужина как-то не хочется. Может быть, погуляем? – спросил Сергей.

– Я так устала, Сережа, что прямо в одежде рухнула бы на кровать. Все-таки жара сказывается.

– Тогда я прогуляюсь, а ты пока устраивайся. Ни в чем себя не ограничивай, я пристроюсь на полу.

– Ну что ты, к чему такие жертвы! Смотри, какая огромная кровать, – здесь и четверым будет не тесно! Я, если не возражаешь, воспользуюсь одеялом, а ты – покрывалом.

– Идет. Сколько времени тебе надо на все про все?

– Да через пятнадцать минут я уже буду смотреть сны, – рассмеялась Юля.

– Добро, – сказал Сергей и вышел из номера.

Он снова поднялся в ресторан, прошел на смотровую площадку и с восхищением наблюдал за храмом Минакши. Тщательно продуманная подсветка превратила его в сказочный город, где продолжалась ночная жизнь. В южной стороне храма чувствовалось какое-то оживление. Зазвучали рожки, зазвенели колокольчики, и процессия, в центре которой находился красочно расписанный слон, двинулась вперед. Похоже, это был тот самый ритуал, о котором за ужином говорили ребята. Вероятнее всего, они где-то среди этой толпы с вожделием ждут чуда.

«Любопытно, что ими движет: фанатизм или глупость? – подумал Сергей. – Нет, скорее всего, отчаяние. Люди недооценивают опасность этого состояния собственной беспо-

мощности, между тем отчаяние способно подвигнуть человека на решительные поступки, и кто знает, выиграет или проиграет при этом отчаявшийся человек».

Процессия завершилась, и Сергей вернулся в номер. Юля, похоже, уже спала. Он вошел в ванную и, не желая создавать шум, не стал принимать душ. Глядя в зеркало на свое отражение, он задавал себе вопрос: «Так она моя или нет? Возможно, еще нет, но она точно будет моей. О муже она ни разу не вспомнила – значит, обида так сильна, что она не может простить его».

Сергей сделал достаточно, чтобы убедить ее в его предательстве, в отсутствии их общего будущего. Теперь дело за ним, за Сергеем. Он уже заставил ее поверить в него, дальше ее надо обласкать, пригреть и показать, что она погибнет без него.

Вдохновленный радужными перспективами, он устроился на краю кровати, мечтая о тех днях, когда они будут близки, близки как муж и жена.

Юля уже погружалась в сладостный сон, когда почувствовала, как холодная дрожащая рука прикоснулась к ее животу. Даже через ночную рубашку она ощутила ее влажность. «Господи, только не это!» – взмолилась про себя Юля, но рука все двигалась и уже достигла лобка.

– Не надо, Сережа, прошу тебя, ведь это разрушит наши добрые отношения! Не надо!

Но Сергей уже уткнулся лицом в ее грудь и обдавал жаром

своего дыхания.

– Прощу тебя, перестань, – твердо сказала она и, обхватив, изо всех сил прижала его к себе, не желая быть грубой, но намереваясь прекратить его дальнейшие поползновения.

В этот момент он задрожал, издал страдальческий стон и сник. Юля почувствовала, как через рубашку на ее тело просачивается семя, так вовремя остановившее эту ужасающую картину.

– Все хорошо, Сережа, все нормально, – прошептала Юля, ослабив хватку.

Сергей обмяк и затих. Затем резко откатился на край кровати и тихо, по-детски заплакал. Юля участливо погладила его по плечу и попыталась успокоить:

– Ну что ты, ведь ничего страшного не произошло! Мы по-прежнему друзья, добрые друзья! Ты ведь знаешь, у меня нет более близкого человека, ты для меня как брат, старший заботливый брат! Спи, завтра нам понадобится много сил.

Скоро Сергей заснул и засопел, как ребенок. Юля встала, быстро собралась и вышла из номера. Она так поверила рассказу Наташи о магической силе храма, что решила испытать это волшебство на себе. В глубине души она верила, что у них с Володей не все еще потеряно. Она уже скучала по нему и страстно жаждала их воссоединения.

***

В сумраке темной южной ночи Юля вошла в восточные ворота храма. Немного помешкав, она наугад повернула налево и направилась нерешительным шагом туда, где, как ей показалось, виднелось священное фикусовое дерево.

Неожиданно из тьмы раздался чуть слышный голос. Юля присмотрелась и увидела убогого старца, сидевшего под кроной дерева.

Это был Садху – длинноволосый мудрец, овеянный ветрами вечности. Кожа была велика для его тщедушного тела и сильно свисала, что производило неприятное впечатление, но лицо сияло улыбкой небесного света, а из глаз струился поток доброты.

– Милое дитя, – чуть слышно произнес старец на едва понятном английском, – ты пришла, чтобы просить богов подарить тебе материнство. В этом нет никакой нужды. Чрево твое было закрыто до поры до времени. Сегодня, в девятую ночь месяца Чайтра, когда Великая Богиня Дурга, олицетворение вселенской бесконечной Божественной энергии, в течение девяти дней и ночей сражавшаяся с демонами, победила наконец самого могущественного из них – Махишасуру, – разрушается все старое и негативное, происходит духовное пробуждение, людям даруются мудрость и просветление. Ты получишь милость Богини Матери, найдешь свое высшее Я и сама станешь матерью, матерью двух сыновей. Но отцом их будет не тот коварный мужчина, что запутал тебя в сетях лжи, оскорбил твое сердце и надругался над твоей душой, а

тот, кто раз и навсегда наречен был твоим супругом.

– Но он разлюбил меня, – с горечью возразила Юля.

– Как прекрасный цветок закрывается во время дождя, так и его любовь укрылась от ненастья вашего разлада, но она залегает в глубинах его доброго сердца и расцветет с твоим возвращением к нему.

Иди в храм, проси у богов прозрения и прими правильное решение. Делай то, что предначертано кармой, и не сбивайся с истинного пути.

С этими словами он протянул ей какую-то коробочку. Присмотревшись, Юлия увидела фотоаппарат, на тыльной стороне которого было выгравировано: «Любимой в день рождения».

Обескураженная случившимся, Юлия снова посмотрела на старца, но его уже не было – он словно растворился в тумане наступавшего утра.

Она вошла в храм. В сумраке ночи, подсвеченный разноцветными огнями, он был совершенно неузнаваем. К ее удивлению, здесь было много паломников и туристов. Вокруг главного святилища Шивы и Минакши извивалась очередь индуистов.

Женщины с потупленным взором покорно сводили ладони и шептали молитвы в ожидании чуда. Мужчины с бронзовыми обнаженными торсами сотрясали купол храма гортанными звуками мантры. Мышцы их были напряжены, и чем ближе они подходили к святилищу, тем неистовее становил-

ся их взгляд, тем пронзительнее звучала мантра Шивы:

ОМ НАМАХ ШИВАЙЯ. ОМ НАМАХ ШИВАЙЯ. ОМ НАМАХ ШИВАЙЯ...

Юля нашла статую Минакши и вслух, не стесняясь, стала просить ее о просветлении, внутренней гармонии и простом бабьем счастье с ее Вовкой.

Когда с первыми лучами солнца Юля вернулась в номер, Сергей еще спал. Она тихонько собрала вещи, написала короткую записку и покинула отель, окрыленная счастливой надеждой.

***

Открыв ключом входную дверь питерской квартиры, Юля прошла на кухню.

– Ты где была? Я весь извелся, разыскивая тебя! – воскликнул Володя, радостно бросаясь ей навстречу.

– Вот, ездила в Индию за фотоаппаратом, – ответила она и протянула ему камеру.

– «Любимой в день рождения», – с недоумением прочитал он надпись на камере, обнял ее и сказал: – Если это не первоапрельская шутка, то поиск фотоаппарата тебя оправдывает.

Она прижалась к нему и прошептала:

– Я нашла все, что потеряла, и больше ни в чем и ни в ком не нуждаюсь. Кроме тебя.

За окном светило яркое первоапрельское солнце. Кажущиеся в его лучах изумрудными капли стекали с сосуллек и весело тарбанили по подоконнику. Наступала весна.

***

Бывают дни... и бывают события...

И кажутся они нам весьма тривиальными. Но бывают такие дни и такие события, в которых, как в фокусе, сосредотачиваются судьбоносные перемены, вторгающиеся в нашу жизнь и меняющие в ней все, становясь новой точкой отсчета, той точкой, что делит мир на «до» и «после». И хотя сам мир этого и не замечает, замечает тот, чей мир был расколот этим событием, обрушившимся на плечи всей массой мироздания, мощь которого заставила его сжаться в пустоту, но, к счастью или сожалению, не уничтожившим, несмотря на всю свою жестокость. И в такие дни, когда это происходит, мы не знаем, что лучше: быть или не быть, ждать или действовать...

.....

Обложка была создана в издательстве «Нестор История». Все права на нее переданы автору книги.